
**ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ
ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

Барнаул 2001

**Министерство образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет
Алтайская академия экономики и права**

**Языковое бытие
человека и этиоса:
психолингвистический
и когнитивный аспекты**

Выпуск III

Сборник статей

Барнаул 2001

над журналистами не обеспечила повышения внутренней культуры работников СМИ, не способствовала формированию у них чувства ответственности за каждое свое слово перед читателями, слушателями и зрителями. Остается надеяться, что новое поколение носителей русской культуры найдет другие источники метафорической экспансии.

Литература

1. Жельвис В.И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
3. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН, Сер. лит. и языка, 2000, Т. 59, № 3.
4. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
5. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х.: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Аллатов В.М.

Нужны ли литературные языки народам Севера? 3

Бутакова Л.О.

Номинация как способ презентации личностных смыслов автора в художественном тексте 10

Голев Н.Д., Сайкова Н.В.

Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов 20

Голикова Т.А.

Характеристика региона «Горный Алтай»: этнопсихолингвистический аспект 27

Голикова Т.А., Дублевская О.А.

Стратегии вербальной презентации эмоционального состояния 33

Городилова А.М.

Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. 36

Городилова А.М.

Иллюстративный отдел словарной статьи в региональном историческом словаре 62

Задорожный М.И.

Ситуации смешные и не очень и их моделирование 70

Иванова А.И.

Категория вида в русском языке (исторический аспект) 78

Камова И.М., Блинова И.В.

«УМ» vs. «MIND» в русском и английском языках: неуниверсальность фундаментальных человеческих способностей 86

Крюкова Н.Ф.

Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей 90

Лукашевич Е.В.

Детки – деткам рознь: этнопсихолингвистические проблемы
русской ментальности.....100

Пищальникова В.А.

К основаниям динамической теории значения.....108

Пищальникова В.А.

Ментальные основания языковой способности.....123

Рогозина И.В.

Медиа-картина мира.....136

Сонин А.Г.

Гетерогенные тексты как средство обучения и предмет изучения
(о некоторых психологических проблемах содержания
школьного образования).....142

Старолетов М.Г., Старолетова Н.М.

Грамотность как осознанный выбор индивида.....150

Староселец О.А.

Оптимальные способы подготовки к изложению: из практики
вступительных экзаменов157

Чудинов А.П.

Сексуальная метафора в современном политическом
дискурсе.....160

Изд. лиц. №071357 от 25.10.1996 г. Подписано в печать 27.06.2001 г.

Формат 60x84x16. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,7. Тираж 300 экз. Заказ 165.

Издательство Алтайской академии экономики и права.

УКМТ ААЭП: Барнаул, пр. Комсомольский, 82.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Г.И. Богин;**
доктор филологических наук, профессор **Ю.А. Сорокин**

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор **В.А. Пицальникова**
(отв. редактор);
доктор филологических наук, профессор **Л.М. Босова;**
кандидат филологических наук, доцент **Т.А. Голикова**

Я 41 Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пицальниковой. Барнаул, 2001.

ISBN 5-8349-0018-6

Третий выпуск сборника продолжает публикацию статей по актуальным проблемам когнитивной лингвистики. Предлагается оригинальная трактовка значения как когнитивной модели, исследуются пути эволюции значения слова как когнитивной структуры, формы существования метафоры. Часть статей сборника посвящена бытованию языков, способам включения фактов истории языка в современное бытие этноса. Сборник предназначается для широкого круга филологов.

ISBN 5-8349-0018-6

© Алтайский государственный
университет, 2001

© Алтайская академия экономики и права, 2001

B.M. Алпатов*

Нужны ли литературные языки народам Севера?

В течение большей части XX в. в нашей стране никем и никогда не ставился вопрос, вынесенный в заголовок статьи, поскольку ответ на него казался очевидным: каждому языку необходима литературная норма, ее отсутствие означает не только недостаточное развитие языка, но и отсталость соответствующего народа. После Октябрьской революции была поставлена задача: довести каждый язык до развитого состояния, установив в этих целях литературные нормы там, где они отсутствуют, и создать письменности, если язык бесписьменный. Деятели языкового строительства создали в 20-30-е гг. более 70 алфавитов для языков народов СССР.

Такая постановка проблемы не подвергалась сомнению до конца советской эпохи, хотя практические меры, предпринимавшиеся начиная со второй половины 30-х гг., не всегда ей соответствовали. Когда в предвоенные годы переходили с латинских алфавитов на кириллические, не менее 11 малых народов СССР потеряли свои письменности [1, с. 121], в том числе среди народов Сибири и Дальнего Востока – ительмены, удэгейцы, шорцы. Во второй половине 50-х гг. и в начале 60-х гг. было резко сокращено школьное обучение на языках меньшинств РСФСР с заменой их русским языком. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке оно в 60–80-е гг. велось только на двух языках помимо русского: на якутском и тувинском. При всей смене политических лозунгов ни в годы так называемой перестройки, ни даже в первые годы после 1991 г. идеи о максимальном развитии каждого языка России не представляли господствовать: в это время преобладали идеи национального возрождения и дерусификации.

Однако к концу 90-х гг. стали появляться и иные точки зрения. Так, исследователь эвенкийского языка Н.Я. Булатова пишет: «Сегодня актуальным, на наш взгляд, является не столько создание нормированного языка, сколько сохранение позиций родного языка вообще, так как процесс его утраты за последний год явно прогрессирует» [2, с. 6]. По ее мнению, для многих малых народов литературный язык не прививается ввиду большой территориальной разбросанности, и больших различий между диалектами. Еще более резкие оценки прозвучали в докладе М.М. Хасановой на тунгусо-маньчжурских чтениях, проходивших в 1999 г. в Санкт-Петербургском университете. Докладчица согласилась с мнением

* Владимир Михайлович Алпатов – доктор филологических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва).

русского тунгусо-маньчжурисла, эмигранта С.М. Широкогорова, который в 30-е гг. резко критиковал «попытки советских тунгусо-маньчжуроведов создать так называемые литературные языки для бесписьменных народов Севера». Так, еще в самом начале создания литературных норм для эвенкийского языка он понял, что выбор в качестве опорного неписьменного диалекта (говора) был неправильным и что усилия энтузиастов не увенчались успехом. М.М. Хасанова заявляет: «Прощедшие 60 лет подтвердили точность его прогноза». При этом она отмечает и то, что «опыт кратковременного функционирования «литературных» языков народов Севера ни в теоретическом, ни в практическом отношении не был полностью отрицательным» [3, с. 156].

Рассматривая подобные мнения, надо сразу разграничить две разные проблемы. Неудача в выборе опорного диалекта для создания литературного языка, сложности ввиду территориальной разбросанности и больших диалектных различий – все это серьезно, но все-таки имеет частный характер. Арабы или китайцы также территориально разбросаны, а диалектные различия между ними очень велики, но единство литературного языка для них сохраняется веками. При хорошем в целом научном обеспечении языкового строительства в СССР ошибки в выборе опорного диалекта бывали неоднократно, однако если это было действительно необходимо, ошибки исправляли. Так, неудачной оказалась идея создания узбекской нормы на основе кишлачных диалектов, наиболее сохранивших тюркские исконные черты. Спустя несколько лет пришли к развитию литературного языка на основе городских говоров, прежде всего ташкентского, что было оптимальным.

Но, безусловно, есть другая проблема, значимая далеко не для одних тунгусо-маньчжурских языков. Действительно, многие усилия деятелей языкового строительства оказались напрасны. И дело здесь не только в их ошибках или даже в злонамеренности каких-то чиновников. Безусловно, были и объективные причины. М.М. Хасанова говорит о литературных языках для народов Севера в прошедшем времени, явно считая, что они не функционируют и функционировать не будут. Постороннему читателю это может показаться странным, поскольку достаточно известны фамилии писателей, зачастую весьма интересных, пишущих на языках народов Севера; многие из них живы и вряд ли прекратили свою деятельность. Тем не менее основания для таких заявлений есть.

Ситуация с современными языками национальностей Сибири и Дальнего Востока не одинакова: например, в обзоре А.Е. Кибрика [4, с. 71–78] одни языки отнесены к «почти мертвым», другие – к «смертельно больным», третьи – к просто «исчезающим», четвертые признаются пока еще устойчивыми.

Однако эти сведения касаются в основном диалектов, а не литературных языков, ситуация с которыми хуже.

Например, бурятский язык безусловно нельзя назвать вымирающим, в бытовом общении между бурятами, особенно в сельской местности, он вполне устойчив. Но, по данным Г.А. Дырхеевой, «лишь 20% сельского бурятского населения слушают радио, смотрят телевидение, читают периодику на русском языке. Издательства районных газет на бурятском языке закрылись. «Буряад Унэн» (на двух языках) имеет минимальный тираж [5, с. 169]. А вот данные по ненецкому языку с меньшим числом носителей по сравнению с бурятским, но тоже еще не вымирающему: этот язык «не используется ни в окружной администрации (имеется в виду Ямalo-Ненецкий АО. – В.А.), ни в судопроизводстве. На улицах Салехарда ни разу не довелось услышать ненецкую речь. Все говорят только по-русски» [6, с. 66]. «В книжных магазинах Салехарда (а их в городе два) нам сообщили, что книг на ненецком (равно как и на хантыйском) языке они никогда у себя не видели» [6, с. 68]. Аналогичные данные приводятся и в отношении хакасского языка (несмотря на принятый почти 10 лет назад Закон о языках [7]) и ряда других. Некоторое исключение в данном регионе представляют лишь якутский и тувинский языки.

Для большинства народов Сибири и Дальнего Востока литературные языки существуют, но, исключая Саха-Якутию и Туву, либо используются в ограниченном объеме (малотиражные газеты, творчество немногочисленных писателей), либо вообще не функционируют. В последние годы делаются попытки расширить сферу их использования, особенно в области школьного обучения. Например, в 1999/2000 учебном году в 17 школах в начальном звене введено обучение на хакасском языке [8]. С другой стороны, одновременно сужается использование языков меньшинств в других сферах: показательно снижение числа бурятских газет, устойчивых в советское время.

О причинах такой ситуации для многих малых народов пишет, например, коми-пермяцкий ученый Й.П. Шабаев: «Этнос лишился к настоящему времени своего ядра. Низкий престиж языка способствует усилению дефицита этнической идентичности..., а ослабленное этническое самосознание все более подрывает позиции коми-пермяцкого языка в обществе... На формирование национально ориентированных кадров местной интеллигенции, особой культурной среды, которая благоприятствовала бы национальному развитию, нужны годы и средства. Существует реальная опасность, что первого в запасе уже нет, а возникновение второго не предвидится» [9, с. 230]. Добавим, что для ряда народов трудно говорить об утере этнического ядра, поскольку его не было и

раньше. Например, термин «хакасы» был предложен русским этнографом С.А. Теплоуховым лишь в 20-е гг. ХХ в., до того представления о них как едином народе не существовало.

Итак, встает естественный вопрос: каким литературным языком должны пользоваться коренные народы Сибири и Дальнего Востока? Его можно сформулировать и иначе: на каком языке должно вестись школьное обучение у этих народов? Может быть предложено по крайней мере четыре ответа: на литературной форме материнского языка, на русском языке, на двух языках: материнском и русском, ни на одном языке (сейчас уже не выглядит столь фантастичным, как еще недавно, и пятый ответ: на английском языке, но его мы пока обсуждать не будем).

Идея о том, что для того или иного народа не нужен собственный литературный язык, может быть обусловлена двумя разными исходными посылками. Согласно одной из них, этот народ в качестве литературного должен пользоваться языком более крупного и культурно господствующего народа. В ситуации Сибири и Дальнего Востока речь здесь может идти прежде всего о русском языке (правда, в Саха-Якутии выдвигается идея об использовании в таком качестве и якутского для самых малых этносов). Но возможна и другая точка зрения, напрямую обычно не высказываемая, но логически вытекающая из концепций, сейчас очень популярных. Согласно им, народы Севера должны изжить все искажения в своем развитии, принесенные советской властью, и вернуться к досоветскому состоянию, т.е. к чисто оленеводческому хозяйству, охоте, собирательству, традиционным верованиям и так далее. Как постоянно утверждает, например, телекомпания НТВ, для народов Севера – это единственно естественное состояние, а все попытки внедрить среди них иную культуру лишь вели к гибели языков и вырождению народов. В этом же ключе следует рассматривать и призывы к созданию для этих народов резерваций [10, с. 80–81].

Сторонники такой точки зрения апеллируют к распространенным на Западе идеям так называемой лингвистической экологии, согласно которым каждый язык и каждая традиционная культура – непреходящие ценности, которые должны сохраниться во что бы то ни стало; у нас подобные идеи наиболее активно отстаивает В.П. Нерознак.

Однако возврат к досоветской эпохе, если он вообще возможен, ставит и такой вопрос: к чему, например, сохранение такого института, внедренного для данных народов советской властью, как школа? Зачем грамотность? Оленеводы и охотники не испытывали потребности в этом. Наиболее логичная постановка вопроса о литературном языке при таком подходе будет звучать так: литературные языки этим народам не нужны, школьное образование для них следует прекратить, впоследст-

вии, может быть, эти народы сами дойдут до такого уровня развития, когда им понадобятся грамота и литературный язык.

Опыт американских и канадских резерваций, где сохранение традиционных укладов совмещается со школьным образованием и распространением английского языка, показывает, что жители резерваций теряют языки очень быстро. В США за ХХ в. исчезло больше языков, чем у нас. А ощущение людей второго сорта существование резерваций лишь усиливает.

Безусловно, языки меньшинств в целом лучше сохраняются при некоторой средней величине культурного отличия их носителей от господствующего этноса. Неблагоприятные ситуации возникают при двух крайностях. Плохо, когда культурные различия слишком малы: поэтому так легко были вытеснены на Британских островах ирландский, валлийский, гэльский языки и под вопросом остается существование белорусского. И не лучше, если разрыв слишком велик, как это видим с индейцами США и народами Севера у нас. Такие меньшинства оказываются в ситуации «культурного шока», преодолевать который до конца не научились нигде.

Безусловно, выживаемость того или иного народа зависит от определенного уровня его «национальной гордости». Мусульманские народы могут, с точки зрения европейца, жить отсталой и материально плохой жизнью. Но чувство принадлежности к «истинной» религии и действительно великой мусульманской культуре им помогает. У народов Севера, как правило, такого источника «подпитки» сейчас нет.

Теоретически можно выделить три возможных пути развития для этих народов, при которых они не будут вырождаться и чувствовать свою неполнценность. Первый путь – дать им возможность жить по-своему, не зная и не думая, что кто-то в мире живет иначе. Такой путь вряд ли реален. Второй путь – дать им опять-таки возможность жить по-своему, чувствуя свое превосходство (пусть не во всех отношениях) перед окружающим русским населением или по крайней мере равенство с ним. Как это обеспечить, неясно. Третий путь – дать им возможность самим делать выбор. Например, для хантов, живущих в районах интенсивной разработки нефтяных и газовых месторождений, следует помочь им стать нефтяниками и газовиками. Естественно, что если какая-то их часть предпочитает оленеводство, этому не следует мешать. Важно лишь не оставлять этих людей их в нынешнем положении без всякого внимания: когда они уже не оленеводы, но еще не нефтяники, и могут в результате стать никем.

При первом пути речь не может идти ни о каких литературных языках. При втором пути естественно развитие какой-то литературной

формы материнского языка (в сочетании с обучением русскому языку для общения с «чужими»). Третий путь (по которому многие сибирские народы, например, буряты уже идут давно) несомненно связан с использованием русского языка в качестве литературного. Стихийное распределение функций: литературный язык в культурных сферах и для общения с «чужими», диалект для общения со «своими» – достаточно частое явление в мире. При этом литературный язык и диалект могут очень далеко отстоять друг от друга и просто относиться к разным языкам. Один мегрельский интеллигент выразил такую ситуацию любопытным образом: с филологической точки зрения грузинский и мегрельский – разные языки, но с социологической точки зрения мегрельский – диалект грузинского [11, с. 143]. Грузинский и мегрельский – отдаленно родственные языки, отличные друг от друга не меньше, чем, скажем, русский от чешского, но письменность и литературная норма у мегрельцев так и не сложились, поскольку читать, писать, общаться с «чужими» они предпочитают по-грузински. Разумеется, отличия бурятских диалектов от русского литературного языка значительно больше, но сходство ситуаций здесь есть.

Из этого, однако, не следует, что развитие литературных языков народов Сибири и Дальнего Востока следует прекратить и что само их существование – факт истории, как считает М.М. Хасанова. Тут надо учитывать два обстоятельства.

Первое – надо учитывать мнение самих народов. Американский социолингвист Дж. Эдвардс, скептически относящийся к идеям лингвистической экологии, указывает, что для многих народов существует болезненная дилемма – потерять язык или жить отсталой сельской жизнью [12, с. 107]. Он же, обращаясь к приверженцам лингвистической экологии, ставит вопрос: а не следует ли учитывать мнение самих носителей языков, которые могут и не желать ими пользоваться [12, с. 108]? Добавим к этому, что нежелание пользоваться литературными формами языков может не означать такого же нежелания пользоваться диалектами тех же языков в быту со «своими». А если кто-то хочет писать и читать на родном языке, ему надо помочь.

Второе – то, о чем сказала одна норвежская саамка: «Я хорошо говорю по-норвежски, но когда мне хочется плакать, мне поможет лишь саамский язык» [13, с. 66–67]. Западные исследователи часто пишут об «инструментальной» и «сентimentальной» функциях языков. У многих малых языков России инструментальные функции невелики, причем у диалектов они значительнее, чем у литературных языков. Однако сентиментальные функции также значимы, а для развития их также нужна определенная норма и нормативная деятельность, а такая сфера, как ху-

дожественная литература, способствует сохранению сентиментальной функции. Будет жалко, если сложившиеся в советское время традиции таких литератур будут утеряны. Поэтому полностью хоронить литературные языки для малых народов России, включая народы Севера, вероятно, рано. В то же время нельзя забывать и о качественном обучении этих народов нормам русского литературного языка» [14].

Литература

1. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. М., 1973.
2. Булатова Н.Я. Проблема литературного эвенкийского языка и его говоров // Национальная школа. Тунгусо-маньчжурские языки. Исследование и преподавание. М., 1997.
3. Вопросы языкоznания. 2000. №5.
4. Кибrik A.E. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. М., 1992.
5. Восток. 2000. №5.
6. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных народов Севера в Ямalo-Ненецком автономном округе // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.
7. Карпов В. Г. О языковой ситуации в Республике Хакасия // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
8. НГ-регионы. 1999. 28 дек.
9. Шабаев Ю.П. Языковая ситуация и этноязычные проблемы в Коми-Пермяцком автономном округе // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
10. Бахтин Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
11. Hewitt G.B. Aspects of Language Planning in Georgia. // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989.
12. Edwards J. Multilingualism. London-New York, 1994.
13. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon, 1983.
14. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.

*Л.О. Бутакова**

Номинация как способreprезентации личностных смыслов автора в художественном тексте

Традиционно номинация понимается и как процесс, и как результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами, где имя может иметь в конкретном случае лишь одно значение, тогда как один и тот же предмет может получать ряд наименований. «Лексическая номинация, – пишет В.Н. Телия, – это не только создание самого слова, единичный и разовый акт наречения некоторого элемента действительности, но и повторяющийся каждый раз в актах общения процесс наименования словом действительности, процесс, в котором номинативные средства как бы заново разворачиваются в трехчленные отношения наименования, благодаря чему в языке постоянно формируются вторичные наименования» (обозначаемое; понятийно-языковое его отражение; имя) [1, с. 67]. Очевидно, что отношение реалия ↔ понятие ↔ языковая оболочка понятия – это своего рода исходная для номинации «плоскость» понятийного треугольника. Без него немыслимо наименование как специфически речевая деятельность.

В ходе освоения реального мира, наблюдая вещи и факты, устанавливая в них общее и раздельное, человек познает предметы и явления, формирует понятия о классах предметов и их свойствах, устанавливает между ними определенные связи и взаимозависимости. При этом слово как основная номинативная единица представляет собой средство не исчерпывающего отражения познанной действительности, но приблизительного, достаточного, чтобы правильно ориентироваться в реальном мире и успешно действовать в нем. В результате значение носит «красноречивый» характер, в чем сказываются обобщающая природа слова, специфика механизмов отражения и отсутствие ясных границ между вещами. Именно поэтому понятие о классе предметов не имеет характера жестко детерминированной закрытой структуры из конечного перечня признаков, а представляет собой динамическую, подвижную систему, компоненты которой связаны взаимозависимостями и характеризуются скорее большей или меньшей вероятностью быть обнаруженными у предметов данного класса. Это позволяет напрямую именовать предмет или использовать уже готовое название для вторичного именования. В сфере последней различаются два принципиально отличных способа отображения действительности.

* Лариса Олеговна Бутакова – кандидат филологических наук, доцент Омского государственного университета (Омск).

Первый способ – непрямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое «предшествующим» значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание. Означенный таким образом смысл соотносится с внеязыковым рядом автономно, поэтому и характер номинативной ценности нового лексического значения (т.е. его способность указывать путь к обозначаемому), зависит только от той смысловой информации, которая заключена в нем, что выражается в **самостоятельной номинативной функции** такого рода номинативно-производных значений слов. Например: «Люди ищут высшей справедливости. Редакция – высший суд. А редактор – высший судья» [2, с. 215].

Второй способ «осложняется подключением к процессу именования комбинаторно-синтезирующей деятельности сознания и соответствующей языковой техники» [3, с. 153]. Вследствие этого в отношении именования участвует одно или несколько других наименований, уже существующих в языке. Это значит, что наряду с непрямым характером отображения действительности, опосредованным в силу преемственности некоторых элементов из предшествующего значения слова, формирование означаемого нового наименования протекает под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, которое детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именования, создавая тот или иной ракурс ее рассмотрения, и также опосредуя это отображение. Поэтому и понятийно-языковое содержание таких наименований соотносится с внеязыковым рядом не автономно, а косвенно. Характер номинативной ценности новых лексических значений – их способность обозначать «кусочки действительности» – тесно связан со значением опорного наименования, что находит выражение в **несамостоятельной номинативной функции**. Например: «Она была как Ева, вкусившая яблоко. Скоро кто-то должен явиться и выгнать ее из рая» [2, с. 199].

Оба способа действительно функционируют в художественном тексте, проявляя не только специфику познавательных механизмов человека, но и особенности конкретного, индивидуального (в данном случае авторского, а затем и читательского) восприятия мира, видения в нем сходства и различия предметов, явлений и т.п., характер синтеза двух величин, возможностей соединять несоединимое и получать в результате емкое, образное наименование. В этом аспекте весь художественный текст, его номинативная составляющая (особенно ее косвенно-метафорическая часть) – сфера акцентного проявления личностного смыслообразования автора, где наиболее явно проявляется отношение между сущностями, «нацеленное на синтез релевантных для метафорического (и любого

вторичного. – Л.Б.) замысла признаков и ассоциаций» [4, с. 139]. Причем «чем дальше отстоят друг от друга противополагаемые разряды объектов, – пишет Н.Д. Арутюнова, – тем ярче «метафорический сюрприз» от их контакта» [5, с. 67].

Если этот аспект подчеркнуто «динамизирован» автором, то движение акцентного смыслообразования проявляет, как «из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования «буквального» значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций в когнитивной обработке нового знания при его концептуализации» [6, с. 39].

Такая точка зрения становится мотивированной при обращении к психолингвистическому пониманию природы соотношения мысли и слова как процесса, как движения «от мысли к слову и обратно – от слова к мысли», признанию того, что «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [7, с. 284]. Распространение его на текст приводит к трактовке последнего как опредмеченного в телах знаков языка содержания мышления; результата эстетической речевой деятельности, целью которой является репрезентация личностных смыслов, а содержание «выявляется для реципиента в процессе понимания смысловой структуры речевого произведения». Эта смысловая структура существует «как актуализированная в его (реципиента. – Л.Б.) мышлении система смыслов, соотносящаяся со смыслами, представленными в художественном тексте» [8, с. 5–6]. Понятие личностного смысла, находящееся в центре указанной системы, осознается как «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [9, с. 299]. В.А. Пищальниковой оно ставится в ряд: психологическое значение – личностный смысл – смысл (концепт). В таком понимании он признается «функциональной актуализацией не только какого-либо смыслового компонента психологического значения, но и любого смыслового компонента концепта» [8, с. 11].

Общеизвестно, что содержание текста не равно простому комплексу всех заложенных в него смыслов, как и то, что репрезентированное в тексте ментальное содержание не сводимо к совокупности языковых значений всех его единиц. Это содержание объединяется наличием смысловой (в том числе и эмоциональной) доминанты – личностного смысла, который репрезентируется в изоморфных структурах речевой деятельности (текста) и обнаруживается при восприятии текста реципиентом [10, с. 82]. Основу понимания художественного текста представляет совпадение концептуальных систем автора и читателя [8, с. 7]. Процесс понимания смысла речевого произведения осуществляется «на базе содержания концептуальной системы индивида через актуализацию кон-

цепта (или любого компонента концепта) как выявленной реципиентом доминанты авторского личностного смысла» [11, с. 8].

Поскольку слово признается интегративным компонентом концепта [12], то экспликация механизма номинирования и его результат в виде готовой речевой единицы с полным правом могут считаться формами фиксации личностных смыслов, так как с их помощью репрезентируются тематические и понятийные области, актуальные для продуцента, способ называния и соположения исходного и конечного обозначаемых, а также те функции, которые выполняются обозначающими в тексте. Механизм номинирования не только актуализирует реальные и потенциальные возможности означающего и означаемого конкретного слова, но в силу относительной гибкости этих отношений позволяет словесному знаку приводить в движение многообразные цепи смысловых связей. Такие черты слова-имени и слова-знака предопределены способом его объемного хранения в памяти, когда «вне зависимости от ...данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [13, с. 17].

Своеобразное «всплытие на поверхность» можно отчетливо наблюдать в разных текстовых системах. В ряде из них процесс номинирования играет особую роль, являясь репрезентацией акцентного смыслового развития отдельных самостоятельных частей обширного текста. Для систем такого типа процесс поиска и присвоения номинации является *доминантным способом смыслового моделирования автором микроучастков текста*. При этом имеется в виду, что *модель* – своеобразная репрезентация одним объектом свойств и черт другого, с одной стороны, специфический способ познания человеком окружающего, в ходе которого происходит «отображение структур на структуры или свойств на свойства», – с другой, что это – преднамеренно создаваемые конструкции, «подпорки для воображения» – с третьей [14, с. 15, 27, 37, 57, 60]. Также важно, что художественный текст целиком – модель действительности, созданная его автором, где есть свои «архитектурные» законы и предпочтительные способы их осуществления на любом уровне и на каждом участке. В то же время он – вторичная моделирующая система по отношению к языковому сознанию и моделирующее устройство по отношению к своим единицам [15, с. 16–34]. В довершении всего текст – «место» активного проявления самых разнообразных возможностей слова-имени и слова-знака, так как именно здесь «слово усложняется, насыщается массою новых, жизненных оттенков, приобретает ту жизненность, ради которой оно и существует на свете» [16, с. 39]. Это предопределено природой слова, которое «всегда связано с другими

словами и несет на себе смысловую энергию того целого, куда это слово входит вместе с прочими...» [16, с. 39].

Способы моделирования на основе использования процесса номинирования и его результата могут быть следующими:

1. Актуализация значимых для автора смыслов за счет выделения ряда сем у слов определенного семантического поля и на этой основе — присвоение номинации:

«Зигзаг» [17, с. 38].

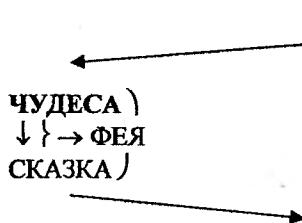
«— Я ничего не имею против твоих чудес, — сказала она. — Пусть люди с твоей помощью будут здоровы и счастливы. Но почему за мой счет?

— А за чей счет делаются чудеса в сказках?

— За счет фей, — вспомнила она.

— Ну вот, значит ты — моя фея».

Опорная лексема **чудеса** означает смысловой компонент «сказка». От него развитие текста идет в направлении смысла «чужие действия во имя чьего-то блага», для презентации которого используется часть устойчивого оборота «делать что-л. за чужой счет». Далее с помощью слова **сказка** актуализируется смысл «место, где возможны чудеса». В созданном смысловом поле логически мотивированным является возникновение семантики «деятеля», для обозначения которой существует ряд лексем — **волшебница, колдунья**. Автор выбирает менее частотную, заимствованную, акцентируя нестандартность самим именем, и смысл «использование кого-л. в своих целях» с помощью значений слов окружающего контекста:

В языковом сознании за словом «**чудеса**» закреплены следующие семы:

- необычность;
- сказка;
- волшебство;
- волшебная палочка;
- деятель.

2. Актуализация самого процесса наименования с целью убеждения читателя в единственности выбора номинации за счет выделения смысловых признаков именуемого объекта, которые служат своеобразным «мостиком» к нужному наименованию:

«Ни сыну, ни жене, ни брату» [18, с. 168].

«Жена архитектора стояла помолодевшая, как девушки. Даже не девушка, а подросток в предчувствии первой и единственной любви,

которой предназначалась вся нежность и вся отпущенная преданность».

Путь актуализации: а) называние приобретенного признака с помощью значения причастия, б) уточнение его с помощью сравнения, в котором субстантив с «возрастной» семантикой имеет узальный ассоциативный ореол, попадающий в смысловой центр и «перетягивающий» акцент на себя, в) последующее развернутое уточнение через отрижение части означаемого уже данного акцентного наименования и конкретизацию ситуативных качеств, которые на этом этапе способствуют образованию второго смыслового центра.

3. Актуализация значения вторичного наименования путем последующей развернутой семантической мотивировки.

«Пять фигур на постаменте» [2, с. 200].

«Жизнь с алкоголиком — как война. Передвижение по обстреливаемой местности. Пробежишь несколько метров — упадешь. Снова подхватишься, пробежишь — упадешь. И никогда не знаешь, что будет завтра».

Путь развития наименования: уподобление значения одной номинации, обозначенной процессуальным субстантивом с зависимым характеризующим субстантивом в Тв. пад. с предлогом в субъектном значении, семантике номинации 2 и уточняющей ее номинации 3. Заполнение позиции зависимого субъекта в пределах емкой синтаксической схемы N1 как N1 создает акцент, предопределяющий дальнейшее «динамическое» развитие смыслов, выраженных значениями второй и третьей номинации, актуализирующих семантику разнообразных действий в пределах заданного поля. Для передачи этого привлекаются глагольные лексемы физических действий и движения (общий смысл — «бег по пересеченной местности»). Финал развития метафоры формируется глаголом другой тематической области, косвенно связанной как с первыми наименованиями, так и со всеми участниками смысловой эволюции.

4. Развитие типичного, узально закрепленного смыслового признака с незначительной корректировкой, следующее за вторичной номинацией: «Нэлка как швейцарский банк — надежная, никому ничего не скажет».

Мотивировка выделяет главный, широко распространенный *признак* первичного наименования, который с помощью значений квалификаторов собственного имени представляет его конкретную смысловую направленность (надежность соотносится инициатором наименования с молчаливостью).

5. Актуализация мотивации косвенного наименования на основе создания в тексте окказионального переносного значения узуального имени:

«Шла цыганка, на ногах у нее были фетровые боты, на плечах – плюшевая рвань. Но взгляд ее устремлен куда-то сквозь людей и казалось, был объят высоким, гордым смыслом.

– Как бы я хотела пройти вот так! Ни от чего не зависеть: ни от жилья, ни от людей.

– Хиппи. Хиппи – интеллигентные цыгане».

Хиппи – объединение по взгляду.

Цыгане – объединение по национальности.

→ Общий признак:
независимость

Путь номинирования: номинация₁ – прямая, общеизвестная с помощью узуального имени, пространное противопоставление внешних и внутренних качеств объекта номинации 1 – акцентное соотнесение смыслов, находящихся в диапазоне обозначенных внутренних качеств, с со смыслами, представленными номинацией 2 – номинация₂ – производная от переносного значения номинации 1.

6. Актуализация и развитие текстом ряда признаков узуального значения фразеологически устойчивой номинации:

«Ничего особенного» [2, с. 331].

«Маргарита Полуднева стояла как кость в горле. Ни проглотить, ни выплюнуть. Он вдруг понял, что задохнется, если не увидит ее».

Путь развития номинации: актуализация узуального значения фразеологизма, актуализация прямого значения его исходного словосочетания за счет привлечения значений глагольных лексем, репрезентирующих смыслы «физиологические действия», одновременная актуализация нескольких значений глагола, входящего по прямому значению в очертченное поле, а по переносному – соотносимого со значением фразеогизма и значением последнего глагола зрительного восприятия.

7. Актуализация мотивационных и смысловых связей конкретных значений каждого слова комплексного вторичного наименования:

«Груда камней голубых» [19, с. 56].

«Люля – известный человек, глубоководная акула: шуровала себе мужа на больших глубинах. Предпочитала знаменитостей и иностранцев. Знаменитости в условиях перестройки оказались бедные и жадные. А иностранцы – богатые и щедрые. Поэтому она брала деньги у одних и тратила на других».

Путь развития наименования: вторичная косвенная номинация – словосочетание, деривационно-мотивационное (актуализация косвен-

ной корневой мотивации) развитие переносного значения его зависимого компонента, пространное смысловое развитие переносного значения опорной лексемы. Последнее актуализирует контрастные смыслы «богатый»\«бедный», «жадный»\«щедрый», «русский»\«иностранин», «брать»\«отдавать», объединяя их в одно поле с помощью прямых значений антонимичных адъективов, субстантивов и глаголов, вступающих в текстовые синонимические отношения. В результате происходит подтверждение и конкретизация первично обозначенного смысла «хищность».

8. Создание смыслового центра текста за счет смыслового центра вторичной номинации, возникшей на базе оценочных компонентов значений первичного наименования:

«Груда камней голубых» [19, с. 38].

«Она всегда была неярким, скромным цветком. Как клевер».

Объективные свойства отображаемого «кусочка действительности» предстают здесь как своего рода «тема», смысловой центр 1 – то, к чему прилагается сообщаемая в значениях оценка, принимающая на себя тяжесть самих означаемых. В тексте он – фон, для актуализации смыслового центра 2:

9. Создание оценочного центра текста за счет актуализации оценочных и некоторых денотативных компонентов значений слов, составляющих развернутое вторичное наименование.

Такое развитие наименования и вместе с ним текста «расставляет объекты по местам» в ценностной модели автора, определяя их взаимодействие. У В. Токаревой оценка описываемого объекта может формироваться в рамках развернутой метафоры, базируясь на определенных смысловых акцентах, сделанных повествователем.

«Звезда в тумане» [19, с. 212].

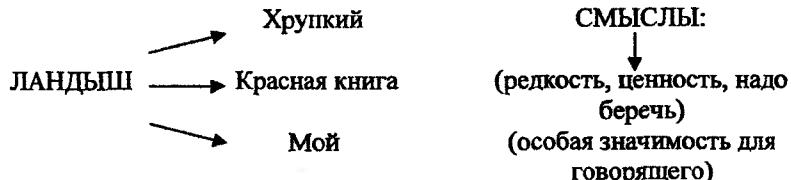
«Машка – хрупкий ландыш среди зеленой ТРАВЫ жизни, и рано срывать этот цветок, тем более что ландыши занесены в Красную

книгу. И любому, кто наклонится за моим цветком, очень хочется оторвать руки, а заодно и голову».

Текстовая эволюция держится на следующем окказиональном противопоставлении косвенных номинаций:

Далее используются следующие маркеры, значения которых репрезентируют ценность объекта в личной сфере говорящего (повествователя):

Объект изначально обозначается «положительно». Далее используется прием контраста (*ЛАНДЫШ – ТРАВА*), создающийся на базе исходной позитивности оценки объекта и использующий разные значения участвующих в его представлении лексем. Затем выделяются качества объекта, его принадлежность личной сфере говорящего и предполагаемые последствия в случае угрозы неприкосновенности, увеличивающие интенсивность оценки.

Рассмотренные особенности процесса номинирования демонстрируют конкретные пути актуализации личностных смыслов повествователя.

Таким образом, в создании текстовой модели автора преобладает вторичная номинация. Она естественна, экономична (с точки зрения языковых средств), концентрированна, образна. Вторичная номинация выполняет многочисленные функции: репрезентирует личностные смыслы автора, следовательно, очерчивает актуальные для него языковые и понятийные сферы; обнажает когнитивные механизмы текстового порождения имени и тем самым создает «сигналы внимания» для реципиента; выступает средством моделирования микротекста; за счет распространения связей означаемых и означающих создает структуру, которой соответствует объемная, многоуровневая и многоплоскостная семантическая система; маркирует оценочные и смысловые поля повествователя и других говорящих.

Литература

1. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность развития и функции языка. М., 1987.
 2. Токарева В. Коррида. М., 1994.
 3. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Т. 11. М., 1977.
 4. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
 5. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
 6. Телия В.Н. Типы языковых значений. М., 1988.
 7. Выготский Л.С. Мысление и речь. 5-е изд., испр. М., 1999.
 8. Пищальникова В.А. Психоэтика. Барнаул, 1999.
 9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
 10. Кинцель А.В. Эмоциональность текста как основа единства его связности и цельности // Текст: структура и функционирование. Барнаул. 1997. Она же. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 1998.
 11. Староселец О.А. Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1997.
 12. Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент презентации концептуальной картины мира (на материале творчества В.В. Набокова): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1996.
 13. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
 14. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
 15. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
 16. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.
 17. Токарева В. Нахал. М., 1997.
 18. Токарева В. Шла собака по роялю. М., 1995.
 19. Токарева В. На черта нам чужие. М., 1995.

*Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова **

Изложение, пародия, перевод... к основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов

Отдаленной перспективой исследования является построение общей концепции порождения вторичных текстов. Порождение всегда содержит деривационный момент, поскольку этот процесс есть образование одного текста на базе другого, преобразование (по определенным механизмам) исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста. Вторичный же текст в таком понимании есть продолжение, развитие, функция исходного текста.

Такая концепция предполагает выявление некоторых инвариантных деривационных свойств механизма преобразования текстов (как ядерного узла универсального деривационного механизма), которые реализуются во множестве частных вариантов¹. В качестве примеров таких вариантов, сформировавшихся в практике речевой деятельности, можно назвать создание таких вторичных текстов, как переложения (например, устные пересказы или школьные изложения), конспекты, рефераты, некоторые виды протоколов, сочинения-подражания (стилизации), пародии, приблизительные цитации, косвенная речь, интертекстуальные заимствования [2], киносценарии, римейки на основе художественных текстов, варианты рукописей, тексты, являющиеся частичными плагиатами, и под. (см., например: [3]), а также переводные тексты (ср. интерпретацию перевода как деривационного процесса в раб.: [4; 5; 6; 7; 8]).

Проблема деривационного инварианта текстовых преобразований допускает и погружение на большую глубину детерминационной оси текстопорождения. Дериватологическую интерпретацию допускают не только одноуровневые преобразования типа «устный текст Т-1 / устный текст Т-2», «письменный текст Т-1 / письменный текст Т-2», но и более универсальные речевые действия типа чтения или письма вообще, в которых соотносятся «разнокодовые» тексты. Такие действия связаны с

* Николай Данилович Голев – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).

Наталья Владимировна Сайкова – аспирант кафедры русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул).

¹ Отметим, что широкое представление деривационного варьирования текстов методологически коррелирует с той моделью варьирования в лексике, которую очертил в своей известной статье «О формах слова» В.В. Виноградов [1].

преобразованиями, деривационная природа которых не эксплицируется на поверхностном уровне. К примеру, самая точная запись устного речевого произведения (например, в тексте диктанта) может быть интерпретирована как деривационная деятельность: в записи редуцируются так или иначе многие компоненты устной речи (типа интонации, логических выделений), а эта редукция является все-таки преобразованием одновременно и материальной, и функционально-семантической стороны исходного текста). Такая редукция неизбежна в силу необходимой условности письменной формы фиксации речи¹.

Наконец, не исключает возможности применения деривационного способа описания и глубинное ядро кодовых трансформаций речи – переход от внутренней речи к внешней. В этом же ряду находится трансформирование прямой речи (как передачи текста-оригинала по типу копии) в косвенную (как передачу текста-оригинала по типу приближенного пересказа)².

Подчеркнем, что коммуникативная природа инварианта деривационного преобразования одного текста в другой проявляется в том, что обмен высказываниями во многом строится на пресуппозиционной основе: ответная реплика так или иначе отталкивается от форм и смыслов, заданных предшествующей репликой, и, следовательно, выступающих в роли мотивирующей базы для ответа. Этот механизм сохраняет свою силу и при построении монологического текста, что проявляется в тематической «кинге» его внешней и внутренней структуры[12; 13].

Предложенная В.Г. Гаком общая типология языковых преобразований [14] во многих случаях предполагает прежде всего описание, а не объяснение явлений. Новые возможности исследования языка открывает принцип деривации. Его универсальность заключается в том, что он охватывает не только разные уровни (от фонетического до текстового), но и разные планы (формальный, содержательный, функциональный) исследования объекта в их взаимодействии. Это и позволяет положить данный принцип в основу целого направления, получившего название общей дериватологии [15], деривационной грамматики [16]. В ее рамках возможно выделение ряда отраслей, например: деривационная лексикология [17], деривационная текстология (текстодериватология) [18; 19], имеющих собственный предмет исследования.

¹ Ср.: [9; 10; 11].

² См. попытку описания внутренних ментальных контекстов и способов их взаимодействия с внешней (прямой) речью, прямой речи с косвенной в нашей работе [11].

Производство вторичных текстов имеет деривационный характер по той причине, что в его основе лежат процедуры свертывания и развертывания, коррелирующие с двумя взаимосвязанными речемыслительными процессами – восприятием и воспроизведением речевого сообщения. При восприятии текста происходит его свертывание в некий «смысловый сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты) [20; 21; 22; в теории перевода: 23]. В результате мы можем квалифицировать вторичные тексты как своеобразные «кодовые трансформации», в основе которых заложен субъективный момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько статистико-вероятностный характер, а потенциальная вариативность вторичных текстов делает актуальным ее первый компонент.

Кодовые трансформации, протекающие при восприятии Т-1 и его (вос)производстве можно выявить, сопоставляя два текста. В этом случае на первый план в гносеологическом аспекте выходит аспект «отношения». Использование принципа градуирования [24] позволяет, в силу его гибкости, учесть то обстоятельство, что вторичные тексты характеризуются той или иной степенью деривационности.

Такое широкое толкование деривации позволяет построить деривационную ось системности текстов, на шкале которой располагаются производные тексты с разной степенью деривационности по линиям: форма, содержание, функция, что является показателем универсальности деривационной интерпретации текстовых преобразований.

Наличием данных трех планов обуславливается необходимость построения трех классификаций по различным основаниям.

Классификация на уровне формы подводит к необходимости выделения графического и звукового облика текстов, в основе которых лежат две сферы (устная и письменная) существования языка. Тогда переходы от Т-1 к Т-2 могут носить интер- и трансферный характер. Переход от звуковой формы к графической наблюдается в диктантах, чтении вслух, устном пересказе, протоколе, стенографии. В области графики возможно межязыковое и межсемиотическое (стенография, азбука Морзе, азбука Брайля) перекодирование. Кроме того, преобразования текстов подвергаются количественной характеристике, связанной с уменьшением (тезисы, аннотация, конспект, реферат, резюме) или увеличением (комментарий, цитализация) объема текстов.

Классификация на уровне содержания выстраивается по наличию/отсутствию новых содержательных компонентов. Диктант в данной классификации в идеале характеризуется нулевым новым означаемым. Тезисы, аннотация, реферат, конспект, пересказ допускают упрощение

факультативной информации, а комментарий, пародию на форму, стилизацию можно рассматривать как усложнение исходного текста по содержательной линии.

Классификация по линии функции связана с родо-жанровыми трансформациями текстов (киносценарий, пародия, цитализация, адаптация, доклад и т.д.) Перевод в идеале не должен выступать как маркированный по данной линии, так как характеризуется прежде всего функциональной эквивалентностью.

Рассматривая степень деривационности вторичных текстов, мы разместили их на шкале деривационности по трем направлениям – форма, содержание, функция. Подобное разграничение носит условный характер и является принадлежностью области гносеологии, ведь реальная картина соотношения текстов, связанных деривационными отношениями, вероятнее всего, выглядит так: Т-1 (Ф-1, С-1, ф-1) – Т-2 (Ф-2, С-2, ф-2), причем соотношения между тремя указанными текстовыми планами не являются пропорциональными.

Например, к нулевой отметке оси по линии содержания приближаются вторичные тексты с доминированием воспроизведения в чистом виде в идеале с нулевым новым означаемым (диктант, списывание, чтение наизусть и т.д.). Но все же и здесь есть момент деривационности, доказательством тому, при условии стирания временных граней, является факт наличия разных редакций летописей, появившихся в результате репродуктивной роли переписчиков. Возникновение разнотечений здесь не случайно, оно обусловлено активным отношением писцов к своей деятельности. Но уже по линии формы представленные выше виды вторичных текстов располагаются по-разному, ведь деривационной трактовке подвергаются и трансформации текстов, возникающие между устной (звуковая форма) и письменной (графическая форма) сферами существования языка. Учитывая это обстоятельство, лишь списывание можно приблизить к нулевой отметке, а диктант и чтение представляют собой переходы между двумя разными кодами. Данную ось по линиям формы/содержания пополняют протоколы, записи лекций, в том числе (с привлечением межсемиотического пространства) – стенография.

Таким образом, с учетом изменения степени формального и/или семантического расстояния производные тексты занимают свое место на шкале деривационности. Изменения преимущественно по линии формы (например, уменьшение объема текста) приводят к его дедеривации на формальном уровне (сюда же относится техника быстрого чтения), в то время как объединение, например, рассказов в киносценарный текст приводит к его усложнению (в том числе и по функциональной линии).

Применительно к шкале деривационности можно говорить о ее отрицательном (дедеривация) и положительном (деривация) показателях.

Изменение формы (означающего) достигает своего предела при межъязыковом и межсемиотическом переводах, при этом необходимым условием остается общность означаемых данных текстов, хотя не исключаются преобразования и в этой сфере. Но изменения, связанные с различиями двух языковых или семиотических систем, не релевантны при деривационном подходе, изучающем форму развертывания текста в едином языко-речевом пространстве. Поэтому внутриязыковой перевод (например, изложение) и межъязыковой перевод (собственно перевод) занимают тождественные позиции на шкале деривационности. К данной интерпретации подводит возможность такого подхода в лингвистических исследованиях, когда недискретность, континуальность языкового пространства приводит к снятию так называемого «языкового барьера», к выделению транслингвистического пространства. Именно в нем становятся нерелевантными во многих (существенных для дериватологического описания) отношениях различия между двумя разными видами вторичных текстов – изложениями и переводами, а объединяющим моментом является деривационный механизм их создания и двойная детерминация (со стороны исходного текста и со стороны внутритекстовой деривации производного текста).

С данной точки зрения в свернутом виде деривация представлена и в случае машинного перевода текстов, где при переходе от исходного к переводному тексту отсутствует опосредующее субъективное звено, что является спецификой искусственного создания текста, и в случае перекодирования сообщения в систему азбуки Морзе [9], являющегося чисто техническим приемом. В теории перевода подобный принцип реализован в предложенной Я.И Рецкером теории закономерных соответствий [25].

Не исключено сохранение означающего при изменении означаемого текстов, например, возможность создания пародии на форму. Данные тексты, стремясь приблизиться к нулевой отметке по линии формы (внешней или внутренней – в зависимости от таланта пародиста) удаляются от нее по линии содержания, особенно в функциональном проявлении.

Возникает проблема определения тождества первичных и вторичных текстов. Пределом деривационного варьирования является разрушение тождества на всех уровнях при сохранении отношений детерминации (Ср.: Ф. Достоевский «Идиот» – F. Dostoevskij «Der Idiot», но Н. Гоголь «Мертвые души» – О. Богаев «Мертвые уши»). В последнем случае можно говорить о диалогичности текстов по М.М. Бахтину. Сюда

же относятся переписка, рецензия, пародия, стилизация и т.д. Необходим поиск критериев установления тождества или различия текстов.

Но при этом осталось неучтенным соотношение на уровне внутренней формы текста (ВФТ), а данная категория является важной при установлении эквивалентности двух текстов (сфера функционирования). До сих пор остается нерешенным вопрос, что такое ВФ – форма или уже содержание. Понимая, вслед за А.А. Потебней, под ВФ «тот способ, каким выражается содержание» [26], мы должны заметить, что при отнесении ее к вторичным текстам появляется дополнительный смысл, а именно: добавляется генетический оттенок (речь идет о синхронном существовании генетического), тогда утрата текстом ВФ будет одновременно являться деактуализацией вторичности, что является релевантным для воспринимающего (исследователя) – сфера гносеологии. В онтологическом плане ВФТ – его структурно-семантическая организация. Необходим поиск лингвистических критериев установления эквивалентности текстов на уровне ВФТ, что будет основой их функциональной эквивалентности.

Деривационный принцип образования вторичных текстов (онтология) позволяет объединить их на оси деривационной системности (гносеология) и выявить лингвистические критерии их эквивалентности (функционирование).

Возможность построения текстовых парадигм, выявление универсальных деривационных отношений между текстами являются продолжением непрерывного деривационно-мотивационного процесса на новом уровне, что является предпосылкой необходимости создания многоуровневой и многоплановой концепции деривации.

Литература

1. Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: «Наука», 1975. С. 33–50.
2. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Омск: Омск. гос. ун-т, 1999.
3. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 81–104.
4. Иvasюк О.Я. Некоторые аспекты деривации стихотворного перевода // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991.

5. Литвинова М.Н. Перевод и семантическая деривация // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. Пермь: Изд-во Перм. унта, 1986. С. 107–112.
6. Новикова М.Ю. Деривационные отношения между оригинальным художественным текстом и его переводом на другой язык // Принцип деривации в истории языка и современной лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 103 – 104.
7. Пинягин Ю.Н. Деривационная теория и перевод // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 25-26.
8. Россомагина Н.И. Исследование перевода как вторичного порождения текста (на материале англо-русских переводов). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 16 с.
9. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. – М: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.- 280 с.
10. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкоznания. 1964. №6. С. 26–38.
11. Голев Н.Д. Структура внутренней речи в рассказах В.М. Шукшина (к проблеме взаимодействия разных типов речи в ментальных контекстах) // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 61–85.
12. Мурzin Л.Н. Синтаксическая деривация. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 170 с.
13. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989.
14. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
15. Мурzin Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: Изд-во Перм. унта, 1984.
16. Мурzin Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 238 – 248.
17. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 13–33.
18. Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) //Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. унта, 1998. – С. 23 – 24.
19. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып 4. / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2000.
20. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л: Наука, 1972.
21. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М: Наука, 1982.
22. Мурzin Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
23. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
24. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43 – 78.
25. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Междунар. отно-я», 1974. – 216 с.
26. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: «Искусство», 1976. – 614 с.

T.A. Голикова*

**Характеристика региона «Горный Алтай»:
этнопсихолингвистический аспект**

Традиционно под регионом понимается система взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов географической и экономической среды. Наряду с этим «регион» определяется как единый природный комплекс, связанный с человеком, с его взаимоотношениями и психологией, бытом, производством. Это территория, выделенная по совокупности каких-либо взаимосвязанных признаков или явлений (эквивалент термину «район»).

В настоящее время понятие «регион» используется в различных областях знания как топологическая характеристика множества объектов, объединенных признаками, реализующимися в общих пространственных отношениях, создающих отдельное качество, объединяющее их в некоторую целостность.

* Татьяна Александровна Голикова – докторант кафедры общего и исторического языкоznания Алтайского государственного университета (Барнаул).

Социально-пространственные регионы образуются культурно детерминированной активностью социальных субъектов, фиксируются как в рамках отдельной культуры, так и в пространстве межкультурных взаимодействий, включающем в себя определенное множество конкретно-исторических обществ.

Так, этническая общность, определяемая как исторически сложившаяся лингвоментальная общность, реализующая изоморфные механизмы смысло- и речепорождения, как социальный организм, приобретает статус субэтнической группы, формирующейся в специфических условиях региональной природно-географической среды.

В дальнейшем развитии региональные субэтносы могут подвергаться ассимиляции, а также эволюционировать в направлении усиления особенного содержания, вплоть до нарастания тенденций к выделению из базовой культурной общности. В полиглоссических территориально-государственных культурных общностях его региональная структура может быть представлена как региональными субэтносами, так и региональными этническими группами.

Особое место в структуре полиглоссического культурного пространства занимают этнические группы, не образующие региональные территориальные общности, но имеющие дисперсный характер расселения.

Такими этническими группами можно считать малочисленные тюркоязычные народы, вошедшие в состав России в середине XVIII в. и объединенные под общим названием «алтайцы». Историческая территория Алтая – это прародина всех современных тюркских народов мира, где в 552 г. древние тюрки создали свое государство – каганат. Здесь возникла орхонская руническая письменность. В силу своего геополитического расположения Алтай – центр Евразии – в разные исторические эпохи объединял разные этносы и культуры. С возникновением империи Чингисхана Алтай оказался в ее составе.

В 1756 г. основная часть алтайцев перешла в подданство Российской империи. В 1922 г. была образована Ойротская автономная область в составе Алтайского края. В 1991 г. Горно-Алтайская автономная область была преобразована в республику, а в 1992 г. – переименована в Республику Алтай.

Не имея относительно обособленных структур воспроизведения социально-вещественной структуры, алтайские этносы в настоящее время живут среди компактно проживающих групп региональных субэтносов и региональных этнических групп.

Такие группы образуют регионы, которые не способны к обособленному самовоспроизведению, поскольку некоторые из его элементов отсутствуют. Отсутствует, например, соответствующий набор собствен-

ных специалистов, для того чтобы воспроизводить все необходимые структуры. Традиционные этносы и этнические группы образуют отдельные этнические регионы, но не отдельные социальные организмы, поскольку являются лишь органической частью общетерриториальной российской культуры. Главным является то, что они не могут воспроизводить условия своего социального бытия вне взаимодействия с другими регионами и сферами культуры в целом, являясь лишь органами внутри социальной системы.

Вместе с тем регионально-этнические группы алтайцев связаны с большой долей русского населения, и, имея культурные и политические моменты исторического доминирования, они сохраняют воспроизведение своего этнического самосознания, характерных этнических особенностей, в связи с чем ассимиляция в течение довольно длительного времени им не угрожает.

В виду этого возможно определение региона в социальном аспекте – это пространственно-временная локализация социального организма, которая заключает в себе некоторую системную целостность со взаимозависимостями и взаимными детерминациями. [1, с. 31].

В нашем же понимании, регион не совпадает ни с этническим, национальным, социальным делением мира, а интегрирует ментальные, когнитивные, эмоциональные и иные особенности людей, проживающих на определенной территории, причем такая интеграция осуществляется не вследствие национальной и даже социальной общности индивидов (хотя детерминированность этими факторами не исключается), а вследствие актуализации схем смысло- и речепорождения, наиболее адекватно отражающих совокупности людей. При этом отбор указанных схем осуществляется случайно только на поверхностный взгляд.

Современные этнокультурологи в противовес традиционной этнографии и этнологии исходят из гипотезы о принципиальном несоответствии комплексов традиционной культуры и этносов, развивающихся параллельно данной культуре [2, с. 440].

Основу данного подхода составляет представление о наличии двух видов культур: культур локальных, традиционных (крестьянских, кочевых, охотничье-рыболовческих и т.д.) и культур национальных (чаще всего урбанистических, позже – индустриальных и постиндустриальных). Данные представления практически не встречают возражений и в современной культурологической науке.

Кроме того, все попытки выявить этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки локальной культуры оказываются безуспешными в аспекте выявления национально-культурной специфики этноса, поскольку культура – это явление надэтническое, формируемое парал-

льно с формированием нации. Так и декларации многих ученых об обусловленности специфики этноса еще не сложившимися национальным языком и культурой не объясняют механизмов реальных межкультурных и межэтнических коммуникаций.

Потому традиционная культура всегда локальна и существует в форме локальных культурных образований, которые не совпадают с этническими общностями ни территориально, ни содержательно.

Любой этнос формируется в экстремальных условиях региона своего проживания. Эти условия обеспечивают формирование не только особенностей психологии данного этноса (менталитет), но и необходимый уровень процесса переработки и передачи информации, объем и структурированность которой создает картину мира этноса.

В настоящее время практически размыты границы этносов, народностей, наций. Не являются определяющими характеристиками человеческих общностей ни административное деление, ни культура, ни язык. Единственное, что интегрирует современные общности, – регион.

Этническая ситуация региона «Республики Алтай» в настоящее время складывается следующим образом: алтайцы составляют 31% населения республики, русские – 60%, казахи – 6% и так далее. Название «алтайцы» сегодня объединяет названия всех тюркоязычных этносов, проживающих на территории Республики Алтай.

Историко-этнографический материал позволяет выявить пять уровней социальной коммуникации алтайцев: семья, родственная группа, территориальная группа, этническая группа и полигэтническое общество.

Малая семья алтайцев – *бите* – состоит из двух поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям, т.е. из родителей и их неженатых/незамужних детей (численность составляет около 6-8 человек). С раннего возраста ребенок должен знать свое имя, возраст и сеок (патрилейное родовое подразделение).

Родственный круг (*төрбөндөр*) делится на родственников по линии отца и по линии матери. Дети с родственниками отца имеют общий сеок.

Территориальная группа (*бир Іердин улузы*) состоит из двух-трех брачующихся сеоков. Территориальную группу объединяет не только родство по браку, но и общность говора, поведенческих стереотипов, обрядовой специфики. Наиболее показательным является обычай взаимопомощи при совершении семейной, календарной обрядности.

Все сеоки образуют единый народ. Так, *алтай-кыжы* и *телеңгиты* имеют общие сеоки (*төлөс*, *майман*, *тодош*, *кытчак*), а также специфические (*сагал*). Улаганские и чуйские теленгиты презрительно относятся к остальным алтайцам и называют их обрусовшими (не алтайцами, алтайцами с нижних районов).

Языковая ситуация в регионе, таким образом, очень сложна. Сосуществование не только русского и алтайского литературных языков, но и многочисленных диалектов первого и второго языков приводит к малой эффективности межкультурного общения, хотя за период трехсотлетней истории совместного проживания выработался достаточно эффективный стереотип общения русских и алтайцев.

Алтайский язык содержит две основные группы диалектов: северную и южную. В первую входят диалекты черневых *татар*, *кумандинский* и *чалканский* диалекты, во вторую – *алтайский*, *телеутский* и *телеңгитский* диалекты.

В целях успешной коммуникации представляется недостаточным изучение языковой специфики каждого из диалектов алтайского и русского языков. Необходимо, на наш взгляд, изучение реальной речевой ситуации на территории региона. В связи с этим используется понятие «региональный язык» как язык вынужденного общения нескольких этносов в едином регионе, как система репрезентантов национально-культурной специфики смыслообразования.

Национально-культурная специфика смыслообразования в межнациональных и межэтнических контактах обеспечивает понимание и со-существование этнических коллективов. Именно наличие такой специфики позволяет представителям этносов обмениваться национально-культурной информацией независимо от их врожденных физиологических и психических особенностей. Речевые действия носителей разных культур могут стать базой для осознания механизма возникновения и функционирования национально-культурной специфики смыслообразования в разных этносах.

Многочисленные диалектологические исследования фонетики, грамматики, лексики на территории алтайского региона не ставили перед собой цель представить целостной картины речевой деятельности и не выявляли ее специфики, ие говоря уже о целостной картине мира алтайских этносов, специфике регионального менталитета. В связи с этим проводится экспериментальное исследование структуры регионального менталитета русских и алтайцев на территории Республики Алтай.

Предварительно можно говорить о следующих закономерностях содержательных компонентов менталитетов изучаемых этносов.

Специфика менталитета русских заключается в ориентации на морально-нравственные ценности (бескорыстность, вера, верность, взаимопонимание, гармония, добро, доброта, доверие, долг, достоинство, красота, культура, личность, любовь, мир, надежда, свобода и т.д.). Специфика же менталитета алтайцев определяется взаимопроникающим природным началом (ср.: ветер, вода, воздух, горы, дерево, дым, звезды,

земля, камень, кедр, кони, костер, лес, небо, облака, огонь, очаг, поле, природа, птицы, река и т.д.).

Так, анализируя ассоциативные реакции на слово-стимул «Алтай» и на его наиболее частотные компоненты «горы», «родина», можно обнаружить следующие доминанты концепта «Алтай»: *русские* – горы (34%), родина (21%), республика (10%), красота (8%), край (6%), голубой (4%); *алтайцы* – горы (32%), родина (30%), республика (11%), красота (8%), край (3%), голубой (1%); компонент концепта «горы» «Алтай» у *русских* составляет 12%, у *алтайцев* – 21%; а компонент концепта «родина» «Алтай» у *русских* составляет 8%, у *алтайцев* – 31%.

Как видим, процентное содержание ассоциативно-смысловых доминантных компонентов концептов «Алтай», «горы», «родина» различно. Предварительно, таким образом, можем указать на изоморфизм структуры картин мира *русских* и *алтайцев*, проживающих на одной территории, в едином регионе. Однако в системе предпочтений, иерархии доминант обнаруживаются различия.

Литература

1. Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. Барнаул – Новосибирск – Москва, 1999.
2. Селезнев А.Г. Проблемы изучения локальных культурных комплексов (южносибирский лесной культурный комплекс) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998.

*T.A. Голикова, О.А. Дублевская ** Стратегии верbalной репрезентации эмоционального состояния

Ментальные возможности человека, его способности приводят к значительным успехам в овладении деятельностью. При прочих равных условиях способный человек получает максимальные результаты по сравнению с менее способными людьми. В случае успешного развития умственного потенциала, человек способен на высоком уровне осуществ-

* Татьяна Александровна Голикова – докторант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (Барнаул).

Ольга Анатольевна Дублевская – аспирант кафедры психологии Барнаульского государственного педагогического университета (Барнаул).

влять деятельность. Способности – это синтез свойств человеческой личности, отвечающий требованиям деятельности и обеспечивающий высокие достижения в ней, сложное интегральное свойство психики. В.П. Дружинин говорит об общих способностях как о результате комплексного развития в человеке интеллекта, креативности и обучаемости, а познавательным процессом он называет временную характеристику соответствующей системы, участвующую в нем.

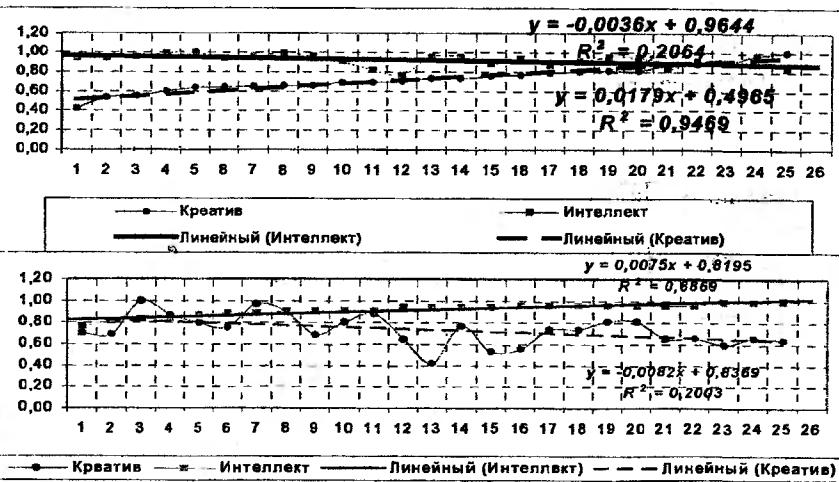
Креативность человека отражает дивергентность его мышления, способность генерировать новые идеи, а также творческий, оригинальный подход к решению «умственных» задач. Креативность порождает деятельность бессознательного. Интеллект же – это высшая форма адаптации организма к окружающей среде посредством единства процессов интериоризации предметных действий, асимиляции и аккомодации.

Нами была проведен ряд экспериментов с целью выявления стратегий вербальной репрезентации творческих и интеллектуально одаренными учащимися собственного эмоционального состояния.

На первом этапе был проведен эксперимент по выявлению учащихся с высоким уровнем креативности (методика Торренса) и интеллекта (методика Равена). В эксперименте участвовало 106 старшеклассников (14–16 лет) гимназии № 5 г. Барнаула.

Выявлено 32 человека (30%) с высокими показателями креативности и 33 человека (31%) с высокими показателями интеллектуальных способностей.

В процессе анализа экспериментальных данных была выявлена обратная зависимость между динамикой показателей креативности и динамикой показателей интеллекта (см. графики 1, 2).

Таким, образом, установлено, что при росте кривой креативности (K_p), происходит снижение кривой интеллекта (I) и, соответственно, наоборот.

В связи с этим можно сделать вывод, что в умственной деятельности индивида могут доминировать более либо креативные способности, либо интеллектуальные способности. Так как креативность индивида – деятельность бессознательного, то развитие её обусловлено активностью правого полушария мозга. Интеллект как способность индивида к обработке абстрактно-логических операций, обусловлен активностью левого полушария мозга (см. подробнее [1]).

Вместе с тем нами выявлены случаи изоморфности креативности и интеллекта (9% от общего количества высокоодаренных индивидов или 3% – от всех испытуемых). Активация полушарий головного мозга зависит от типа выполняемой деятельности индивидом. Но более успешное выполнение той или иной деятельности обусловлено степенью интенсивности кортикальной активности.

На втором этапе эксперимента учащимся предлагалась задание вербально выразить эмоции (*вера, вина, гнев, горе, любовь, надежда, отвращение, презрение, радость, спокойствие, страдание, страх,стыд, счастье, удивление*) другому человеку. В эксперименте участвовало 106 человек. Всего было получено 1595 реакций.

В процессе анализа полученных данных нами были выявлены следующие стратегии верbalной репрезентации учащимися собственного эмоционального состояния:

- актуализация понятийного содержания соответствующей эмоции (P);
- актуализация модальности эмоции (M);
- актуализация интенсивности эмоции (I);
- актуализация стереотипных связей эмоций (C);
- актуализация ассоциативных связей эмоций (A).

Процентное соотношение выявленных стратегий интерпретации эмоций представлено в таблице 1 и сравнительных диаграммах 1, 2, 3.

Таблица 1

		P	M	I	C	A	отказы
Высокоодаренные учащиеся	Креативы	10,3	27,8	18,0	20,0	22,8	1,0
		12,6	24,3	12,7	22,5	23,8	4,1
Высокоодаренные учащиеся	Интеллектуалы	10,0	15,7	19,5	30,9	23,1	0,8
		12,0	13,2	21,0	24,4	23,8	5,4

Диаграмма 1. Интерпретация эмоционального состояния творчески одаренными учащимися

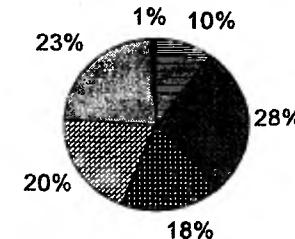

Диаграмма 2. Интерпретация эмоционального состояния интеллектуально одаренными учащимися

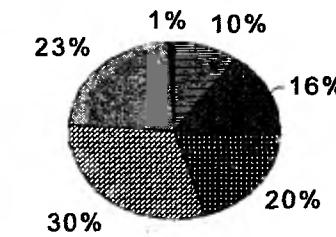
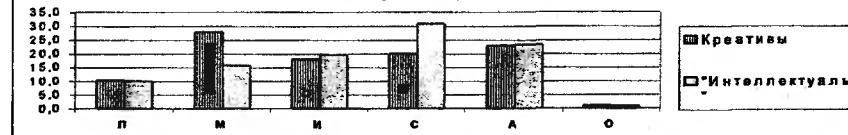

Диаграмма 3. Сравнительный анализ творчески и интеллектуально одаренных учащихся

Как видим, творчески одаренные учащиеся в процессе интерпретации собственного эмоционального состояния фиксируют прежде всего модальность эмоции, т.е. пытаются описать соответствующую эмоцию в контексте аналогичных эмоциональных состояний, по каким-либо причинам кажущихся испытуемым сходными. По сравнению со среднеодаренными учащимися высокоодаренные фиксируют также интенсивность эмоций. Это соответствует психологическим данным об особой эмоциональности творчески одаренных людей, их восприимчивости, чувствительности.

У среднеодаренных учащихся по сравнению с высокоодаренными доминирует понятийная стратегия, ориентирующая индивида на определение, точное, логическое понимание предмета, а также стереотипная стратегия, облегчающая процесс усвоения и передачи любой информации о предметах и явлениях.

Если сопоставить интерпретации творчески и интеллектуально одаренных учащихся, то оказывается, что значительные различия обусловлены только двумя стратегиями: актуализацией модальности эмоции и актуализацией стереотипных связей эмоций; причем первая стратегия интерпретации доминирует у творчески одаренных, а вторая – у интеллектуально одаренных учащихся.

Таким образом, еще раз подчеркиваем, что интеллектуально одаренные учащиеся достигают высоких интеллектуальных показателей в учебе за счет выработки эффективных стереотипных связей мотивационно значимой информации. Творчески же одаренные учащиеся устанавливают устойчивые корреляционные отношения с предметами и явлениями действительности с помощью эмоционально образных, сравнительных, соотносительных, действующих по аналогии механизмов.

Литература

1. Пицальникова В.А. Ментальные основания языковой способности // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 3. Барнаул, 2001.

*Л.М. Городилова**

Словарь языка памятников
приенисейской Сибири XVII в.

Тип словаря

Словарь языка памятников Приенисейской Сибири разрабатывается как общефилологический, исторический в обоих значениях этого определения [1], двухязычный, толково-переводный, полный. Как и большинство региональных исторических словарей [2], это словарь одного синхронного среза, который представляет большой интерес для исследования исторического развития национального русского языка, в том числе и в его местной разновидности. Создание словарей, отражающих «одно языковое состояние» стало неотъемлемой частью исторической лексикографии, успешно развивающей методику «демонстрации движения языковых изменений» в словаре [3].

* Людмила Михайловна Городилова – кандидат филологических наук, профессор Хабаровского государственного педагогического университета (Хабаровск).

Предмет описания

Исторический словарь – это совокупность слов и выражений, принадлежащих «одному из прошлых состояний русского языка» [4], зафиксированных в памятниках письменности. В силу этого исторический словарь целиком зависит от степени отражения в письменных источниках языковой системы разрабатываемого периода. Предметом же описания становится письменный язык. Однако деловая письменность, как это уже не раз доказано, способна достаточно полно отразить и разговорную (и даже диалектную) форму языка, что представляет особый интерес для исследователя истории языка.

Русский язык XVII в. представлен огромным количеством документации, что требует от составителей словаря разработки критериев отбора письменных источников и разработки принципов выборки лексических материалов. Для составителей региональных исторических словарей на первое место выступает приуроченность материалов к заданному региону.

Таким образом, предметом описания в настоящем Словаре является язык памятников различных делопроизводственных учреждений Приенисейской Сибири XVII в., при этом под деловой письменностью понимается совокупность памятников, «характеризуемых более непосредственной и стихийной фиксацией речевых контекстов общедиалектного и информационно-делового характера» [5].

Хронологические границы словаря

Понятие хронологической границы в развитии языка – понятие условное, поскольку четкого размежевания стадий развития языка не существует. Каждый новый этап неизбежно включает старые элементы, которые либо выходят из употребления, либо, изменяясь, приспособливаются к новым условиям. В нашем случае хронологические рамки словаря обусловлены в большей степени экстралингвистическими факторами: XVII в. – период присоединения к Московскому государству активно осваиваемой территории Сибири, создание новых населенных пунктов за счет переселенческих потоков из европейской части России и формирование вторичных говоров.

Настоящий словарь включает материалы, созданные в период 1606–1705 гг. Выбор нижней границы обусловлен временем освоения территории Приенисейской Сибири и созданием первых письменных памятников в местных делопроизводственных учреждениях. Верхняя хронологическая граница является более условной. Ограничение 1705 г. объясняется тем, что отдельные типы памятников представляют собой подборку материалов за несколько лет, в том числе переступающих границу веков. Для сохранения целостности памятника лексикографич-

ской обработке подвергался текст целиком, что и привело к установлению верхней границы, датированной 1705 г. Языковые изменения, обусловленные политическим и экономическим переустройством государства при Петре I, не отразились в языке деловой письменности первых пяти лет следующего столетия, что обусловлено, скорее всего, удаленностью местных делопроизводственных учреждений от московских канцелярий.

Задачи Словаря языка памятников Приенисейской Сибири

Определяемый как полный, исторический, толково-переводный, сравнительно-сопоставительный, Словарь языка памятников Приенисейской Сибири преследует решение следующих задач:

1. Представить по возможности полно лексический состав говоров вторичного образования в период их складывания.
2. Определить реальное употребление слова в его связях с другими словами.
3. Представить словообразовательные возможности языка на данном этапе исторического развития.
4. Показать развитие словарного состава в данный исторический период, вскрыть процессы, происходившие в говоре на ранних этапах его развития.
5. В пределах, доступных для лексикографического издания, проследить историю слова: установить, является ли оно общерусским или областным; определить пути проникновения в Сибирь; проследить, является ли слово живым или устарело; отмечается ли другими историческими словарями или фиксируется впервые; вошло ли в состав литературного языка.

Региональный исторический словарь должен включать сравнительно-сопоставительные данные по употреблению слов в других локально приуроченных памятниках, по фиксации заданного слова в различных диалектных и нормативных словарях. Такая характеристика позволит более широко показать историю слова: определить принадлежность его к общерусской или областной лексике, раскрыть пути проникновения в Сибирь, указать распространенность в сибирских говорах. Однако достаточно большой объем и сложность предварительной обработки памятников различной территориальной приуроченности, выверка словарных материалов по различным лексикографическим и историческим источникам не позволяют представить все сведения в одной словарной статье, как это планировалось ранее. Для избежания перегруженности словарной статьи большим количеством дополнительной информации считаем целесообразным сравнительно-сопоставительные данные пред-

ставить отдельным изданием (II часть словаря), сохранив в первой части собственно лексический материал, грамматическую характеристику слова, расширив (в разумных пределах) иллюстративную часть и тем самым дать возможность более широкого показа текстового материала, отражающего материальную и духовную культуру первопоселенцев Сибири.

Помимо указанных научных задач словарь ставит перед собой и задачи чисто практические – служить справочным пособием для чтения скорописных текстов различных жанров деловой письменности, созданных на территории Сибири в период ее освоения русскими, показать богатство архивных материалов, недоступных для широкого круга исследователей.

Словарь предназначается для широкого круга специалистов, занимающихся историей материальной и духовной культуры русских первопоселенцев Сибири (историков, диалектологов, этнографов), а также для студентов филологических и исторических факультетов.

Источники словаря

Основную группу источников (более 300 единиц) составляют рукописные материалы, хранящиеся в различных архивах страны: в Российском государственном архиве древних актов в Москве (фонды 214, 838), в архиве СПБФИРИ РАН в Санкт-Петербурге (фонд поуездной коллекции № 110), в Государственном архиве Красноярского края (фонд 907). Все памятники писаны характерной для XVII в. скорописью. Крайне незначительную часть (около 10 единиц) составляют тексты, изданные историками – исследователями прошлого Сибири.

Отбор рукописных источников для регионального словаря проводился в соответствии с требованиями, разработанными автором настоящего исследования [6]. Среди основных требований могут быть выделены следующие:

1. Тексты должны быть приурочены к конкретному региону и принадлежать перу местных писцов. В соответствии с этим положением для картотеки отбираются памятники, писанные жителями Мангазейского, Туруханского, Енисейского и Красноярского острогов, т.е. острогов, расположенных в бассейне Енисея или в Обско-Енисейском междуречье (старая Мангазея). Необходимость разграничения материалов, созданных в разных регионах Сибири обусловлена характером заселения территории Зауралья и спецификой формирования постоянного населения [7]. Принадлежность текстов перу местных писцов устанавливалась в ходе предварительного палеографического и текстологического анализа.

2. Тексты должны быть ограниченены рамками конкретного периода. Настоящий словарь включает материалы, созданные в период 1606–1705 гг. Нижняя граница обусловлена временем освоения Приенисейской Сибири, формированием оседлого (постоянного) населения и созданием местных делопроизводственных учреждений. Первые памятники, написанные в приказных и таможенных избах Приенисейской Сибири, не сохранились (или пока не обнаружены). Сохранность выявленных наиболее ранних текстов, как правило, неудовлетворительная, что существенным образом затрудняет использование их в качестве достоверных источников. Верхняя хронологическая граница является более условной.

3. Тексты должны по возможности равномерно представлять описываемый период. Пожалуй, это требование трудно осуществимо, поскольку связано с сохранностью отдельных групп памятников, характеризующих ту или иную сферу человеческой деятельности. Тем не менее, имеется целый ряд однотипных памятников, которые отражают лексический состав (по отдельным тематическим группам) достаточно равномерно. Ср., например, таможенные приходные книги по Енисейску (1630–1704 гг.), по Мангазею (1627–1699 гг.), по Туруханскому зимовью (1631–1650 гг.). Это и сборники отписок, проезжих росписей и выписей. Все названные документы представлены почти каждым годом на протяжении всего описываемого периода. Таким образом, есть основание полагать, что взятые в совокупности памятники деловой письменности вполне достоверно отражают словарный состав русских говоров Сибири, хотя, естественно, не в полном объеме.

4. Количество источников должно быть ограничено. Следует отметить, что количество источников может оказаться неоправданно большим, поскольку хранилища располагают сотнями тысяч интересующих нас памятников. Необходимо определить разумный предел, достаточный однако для выявления словарного состава говоров русских первопоселенцев Сибири, максимально приближенного к реальности. Количество источников должно быть таким, чтобы надежно обеспечить каждый языковой факт цитатным материалом, но не перегружать картотеку избыточными данными. Здесь следует учитывать различный объем источников, которые могут включать до нескольких сотен однотипных текстов (сборники проезжих, сборники росписей и под.) или отдельные тексты до 1000 листов (таможенные книги).

5. Это должны быть тексты разной жанровой принадлежности, по возможности более полно отражающие народно-разговорный язык. Для картотеки Словаря памятников Приенисейской Сибири отбираются типичные образцы соответствующих видов деловой письменности. Как отмечал С.И. Котков, «когда из-за невозможности изучения всей

массы определенного вида источников приходится ограничиваться исследованием всего лишь какой-то доли их, в основу отбора этих текстов должно быть положено прежде всего привлечение всех основных вариантов подобного рода источников, вариантов по содержанию» [8].

Лексикографической разработке подверглись тексты самого разнообразного тематического содержания, отразившие различные сферы человеческой деятельности – торговлю, промыслы, быт, общественные и личные отношения. Решающим моментом при выборе источника является богатство тематики и его языковые качества. Как непоказательные (исходя из целей и задач словаря) исключаются из обработки различные именные книги, крайне ограниченно используются книги раздаточного жалованья служилым людям и под.

Стремление к исчерпанности, полноте расписывания материала реализовывалось двумя путями: 1) за счет привлечения большого количества разножанровых материалов, но частичной их обработки; 2) за счет тщательной обработки отдельных, наиболее типичных текстов.

В лексикографической практике сложились три метода обработки письменных источников – *сплошной, полный и выборочный*, каждый из которых имеет свои достоинства и зависит от типа словаря [9].

На первом этапе составления картотеки для регионального исторического словаря целесообразно использовать *метод сплошной выборки*. При сплошном расписывании наиболее типичных в жанровом отношении источников учитывается весь лексический состав памятника. «Этот тип выборки дает исчерпывающий материал по данному памятнику, показывает частоту употребления тех или иных слов, форм или контекстов, гарантирует от пропусков. Однако при такой выборке картотека во многих случаях заполняется аналогичными или повторяющимися контекстами» [10]. Для того чтобы избежать избыточности картотеки часто повторяющимися словами, при сплошном расписывании были приняты некоторые ограничения [11].

Сплошное расписывание – трудоемкий процесс, который требует тщательного отбора источников, количество которых не может быть бесконечно большим.

Сплошной метод расписывания основополагающих текстов, хотя и дает много избыточного материала, позволяет более глубоко проникнуть в семантику памятника и отражаемого этим памятником языка. Картотека при этом характеризуется семантической исчерпанностью в объеме расписанных для картотеки памятников.

Другим способом обработки источников является *полная, или исчерпывающая, выборка*, задача которой состоит в учете «всех случаев особого употребления каждого из отдельных слов текста, но без полного

охвата повторяющихся, идентичных словоупотреблений в пределах данного памятника» [12].

При полной выборке учитываются все лексические единицы (не словоупотребления!) во всех значениях и типичных употреблениях. На первый план при полной выборке выступает яркий, показательный контекст, для определения которого необходимо предварительное изучение всего памятника.

При полном способе обработки источников также были введены некоторые ограничения [13].

Данный способ обработки источников, как и предыдущий, позволяет представить в картотеке лексический состав памятников в максимально полном объеме. В то же время удается избежать избыточного накопления однотипного материала.

Памятники таможенного делопроизводства (книги таможенные, приходо-расходные, именные, раздаточные, разгонные, ясачные и под.) обычно содержат однообразный материал, часто повторяющиеся идентичные формы. В таком случае тексты подвергались частичной, или специальной, выборке.

Частичная выборка предполагает отбор слов по отдельным тематическим группам, например, лексика рыбного, пушного, соляного и других промыслов, наименование тканей, одежды, обуви, головных уборов, бытовой утвари, наименование частей тела человека и другие. Это может быть выборка на отдельные лексико-грамматические категории слов или слов на отдельные буквы алфавита. В любом случае частичная выборка ориентирована на подбор слов по целевой заданности. Этот тип обработки не может быть основным, поскольку не гарантирует от пропуска отдельных слов и таким образом не отвечает целям и задачам словаря. Частичное расписывание оправдывает себя лишь при работе с фрагментарно сохранившимися текстами, а также с ущербным (ветхим) и однообразным материалом.

Наиболее полно и объективно представить в картотеке весь наличный фонд лексических единиц памятников деловой письменности оказывается возможным только при использовании всех трех способов обработки текстов (в зависимости от характера источника, его объема и сохранности).

Группы памятников по лексическому наполнению

Предварительный анализ рукописных источников позволил выделить несколько групп памятников, различающихся лексическим составом.

В первую группу вошли тексты, максимально приближенные к разговорной речи; редакторская правка и употребление шаблонов здесь незначительны. В эту группу включаются материалы приказной избы,

судебного стола: известные члены семьи, допросные речи, сказки, съски о злоупотреблениях и под. Сюда же входят описные книги рыбных лошадей, переписные книги постоянных дворов.

Вторую группу составляют тексты, связанные с передачей прямой речи писца (заказчика), но отличающиеся большей степенью стандартизованности, т.е. употреблением определенных трафаретов, формул, устойчивых сочетаний. В данную группу входят материалы приказных изб (кроме указанных выше): отписки воевод, росписные списки городов и острогов, подорожные, купчие, заемные, поручные.

Третья группа объединяет тексты, не связанные с передачей прямой речи, и представляет собой составленные по определенному образцу перечни номинативной (в основном) и атрибутивной лексики. Это прежде всего материалы таможенного производства: различные типы таможенных книг (десятинные, летовые, соболинные, отпускные, приходо-расходные и другие), проездные выписки, ценовые и товарные росписи, росписные списки и др.

Широкий охват рукописных памятников, разных в жанрово-тематическом отношении, позволяет представить в словаре различные шласти лексики:

- 1) нейтральную, обычную для разных сфер употребления;
- 2) собственно деловую лексику и терминологию, позволяющую разграничить деловые / неделевые тексты;
- 3) специальную лексику, связанную с развитием различных промыслов;
- 4) лексику разговорной речи, которая в свою очередь подразделяется на лексику общерусскую и местную. Под лексикой разговорной речи общерусского употребления понимаются слова, употреблявшиеся жителями Сибири при описании бытовых ситуаций, предметов домашнего обихода; как правило, это слова, обладающие определенными словообразовательными аффиксами и имеющие сниженную эмоциональную окраску. В то же время это слова, не содержащие указания на территориальную ограниченность. Диалектными считаются слова, территориально ограниченные для XVII в., а также слова, «называвшие общерусские реалии, но имевшие изоглоссы» [14].

Формирование словаря

Основной единицей словаря является семантически характеризуемое слово: полнозначное знаменательное и – ограниченно – неполнозначное служебное.

В соответствии с поставленными задачами в основу формирования словаря положен принцип максимально полного охвата лексического материала, представленного в деловой письменности заданного региона.

«Принцип дифференциального формирования состава словарика, допустимый в словаре справочного назначения по отношению к близкому по времени языковому состоянию, не допустим в словаре собственно историческом, преследующем цель описания состояния словарного состава и его движения в определенное время» [15]. Исходя из этого в Словарь включены все полнозначные знаменательные слова, извлеченные из памятников деловой письменности рассматриваемого региона, независимо от их территориального происхождения, сферы функционирования, представленности в современном русском языке. Особое внимание уделяется словам, которые при сохранении значений изменили характер употребления, — изменения отразились в сочетаемостных способностях слова, в стилистической окрашенности и др.

Отдельные отступления от принципа по возможности полного охвата лексики памятников объясняются причинами, не имеющими отношения к языку (ограничение объема издания).

В словарик вошли местные топонимы, гидронимы (и производные от них), подтверждающие локальную приуроченность текстов: Енисейск, Красный Яр, Туруханск, Большая Елань, Маклакова заимка, Овсяная Шивера, Споловинный Луг; реки Енисей, Белая, Кас, Кача, Сым, Тунгуска (Верхняя, Нижняя, Подкаменная), Таз, Упса; озера Байкал, Иргенъ, Долгое, Маленькое; енисейский, байкаловский, качинский, тазовский, тунгушик и др.

На имена собственные распространяются ограничения, действующие при составлении общих толковых словарей.

Включенные в состав словарика топонимы, гидронимы и имена собственные (прозвища) в самом словаре предлагается представить отдельным списком с указанием источников, в которых они употреблены.

Этнонимы и производные от них включаются в словарь даже при редком (или единичном) их употреблении в памятниках письменности, поскольку они помогают воспроизвести реальную этнографическую ситуацию в Сибири XVII в., раскрыть характер взаимоотношений русских первопоселенцев с коренным населением: аринцы, асаны (васаны), баты, браты, качинцы, кутугирцы, лапагирцы, тынгусы (тунгусы), ястыки; аринский, васанский (осанский), братский (брацкий), тынгусской и др. Этнонимы, как и топонимы, целесообразно представить в словаре самостоятельным списком с указанием памятников, в которых они отмечены.

Широкий показ местных топонимов, гидронимов, этнонимов — важная отличительная черта регионального исторического словаря.

Включены в словарь и названия жителей, образованные от географических названий (березовец, вожанин, сольвычегодец, москвитин,

томич и под.), поскольку они несут дополнительную информацию о местах выхода первопоселенцев Сибири. Внесение в состав словарика наименований жителей по месту их проживания также является важным отличительным признаком регионального исторического словаря.

В памятниках деловой письменности широко представлена лексика народно-разговорной речи в ее экспрессивно-стилистическом употреблении. В Словарь включается вся лексика, независимо от частотности ее употребления и нормированности в литературном языке, поскольку даже в более позднее время «процесс нормализации еще во многих случаях лишь поверхностно затрагивал эти специфические словарные ресурсы живой разговорной речи» [16]. В словарь включается самая разнообразная лексика, представляющая быт и род занятий русских первопоселенцев, раскрывающая особенности материальной и духовной культуры. Это названия предметов одежды и обуви (азям, балахон, гусарка, епанча, зипун, рубаха, шапка, шляпа, щаны, голицы, бакари, коты, чарки), жилых и хозяйственных построек (повалыша, клетка, сени, чюлан, стая, поварня, мыльня), продуктов питания (жир, бурдук, брынец, тищено, крупа ячная, тищеничная, гречоющая, горох, юкола), посуды (братенка, ковши, котел, кушинец, утка), украшений (бисер, варенцы, серьги, перстень, жемчуг), книг (Апостол, Маргарит, Ефрем Сирин, Цветник, грамматики) и др.

В словаре фиксируются все просторечные (в том числе и словообразовательные) варианты слов: вобче, докаместь, нонеча, окроме, опосле, опчий, обережь, подмога, голь, соболищко, пессишко, лисенка, розсомаченка, спромыслить, обдолжать, упромышиять, уprodать. Включаются в словарь и некоторые грубопросторечные слова: борзолет, щелкопер.

Немалое место в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири занимает лексика производственная, связанная с сельским хозяйством и различными ремеслами и промыслами (пахать, сеять, извозничать, колачничать, мясничать, переторговывать, плотничать, прасолить, скорняжить, учиться иконному письму). Включенная в словарь профессиональная лексика способствует решению проблемы «соотношения специальной и неспециальной подсистем, <...> соотношения понятия и специального названия, становления понятийных систем как отражения разных аспектов человеческой деятельности» [17]. Большое значение имеет специальная лексика и в этнокультурологическом аспекте.

Центральное место в региональном словаре, естественно, отводится лексике местной, независимо от судьбы слов в современном русском языке. Иначе говоря, в словарь включается как диалектная [18], так и региональная лексика, под которой понимаются слова, зафиксированные

только памятниками отдельной территории и не представленные в современных народных говорах того же региона [19].

Наряду с основными формами слов в Словарь включены все графические, фонетические, словообразовательные и морфологические варианты, а также ошибочные и искаженные написания слов. Общее количество слов и словоформ, включенных в словарь, – 5450 единиц.

Структура словарной статьи

Основной композиционной единицей регионального исторического словаря, как и любого другого толкового словаря, является словарная статья. Построение статьи базируется на методологических принципах, обеспечивающих выполнение словарем поставленных задач – представить по возможности полно лексический состав говоров заданного региона в момент их формирования. Словарная статья должна «дать в руки исследователей добротный и надежный материал для решения кардинальных проблем лингвистики» [20].

Большинство словарных статей представляют собой относительно законченные самостоятельные части. В рамках каждой статьи слово как предмет лексикографического описания представлено в разнообразных аспектах: графико-орфографическом, фонетическом, грамматическом и семантическом.

В рамках одной словарной статьи могут разрабатываться два и более однокоренных разносуффиксальных слова, тождественных по значению: *барабанный* – *барабанский*, *бараний* – *барановый*, *иноземной* – *иноземской*, *карминный* – *карминовый*, *служивый* – *служильный*. В этом случае параллельные образования включаются в заголовочную строку как равноправные: **БАРАНИЙ И БАРАНОВЫЙ**. При этом второй равноправный компонент заголовочной строки выносится на свою алфавитную позицию и сопровождается отыскочной пометой.

В одной словарной статье даются полные и краткие прилагательные, совпадающие по значению, при этом за основу принимается форма полного прилагательного: **АЛЫЙ (-ОЙ) прил., кр.ф. АЛ**. Если в текстах употребляются только краткие прилагательные, а полные прилагательные не обнаружены, то в качестве заглавной выносится краткая форма: **БЕЗЛОШАДЕН, БЕЛОВАТ, КАРЬ** и под.

Наречия описываются в самостоятельных словарных статьях [21], независимо от способа образования и связи с другими частями речи: **БЕРЕЖНО, ПРЯМО, ТАЙНО, ВВЕЧЕРУ, ВТАЙ, ПО-КИТАЙСКИ**.

Производные грамматические формы размещаются в словаре следующим образом.

Формы степеней сравнения прилагательных и наречий, как правило, разрабатываются в тех же словарных статьях, что и формы положи-

тельной степени. При этом сама форма включается в заголовочную строку и подтверждается текстовым примером с соответствующей пометой в квадратных скобках [ср. ст.] или [превосх. ст.].

В порядке исключения в отдельных словарных статьях разрабатываются:

- 1) суффиктивные формы, например: *лучше* – суффиктивная форма прилагательного *хороший* и наречия *хорошо*;
- 2) полные формы сравнительной степени, имеющие независимые значения: *лучший* – привилегированный или знатный представитель группы коренного населения (*лучший князец, лучший мужик*);
- 3) формы сравнительной степени, не соотносимые с формами положительной степени: *паче*.

Причастия и деепричастия помещаются в заголовочной строке после соответствующего инфинитива и иллюстрируются примером. В словаре принято следующее расположение производных глагольных форм: причастия предшествуют деепричастиям, при этом действительные причастия предшествуют страдательным, а формы настоящего времени – формам прошедшего. Например: **ПРИГНАТЬ; ПРИГНАВШИЙ, ПРИГНАННЫЙ – прич., ПРИГНАВ – деепроч.**

В отдельных случаях причастия разрабатываются в самостоятельных словарных статьях:

- 1) если причастие утратило связь с глаголом и употребляется в качестве прилагательного или существительного: *беглый, служильный, любимый, битый, дутый, проклятый*;
- 2) если у причастия развилось особое лексико-грамматическое значение, что привело к изолированности формы: *ухано, послано, поморожено* и под. В последнем случае причастия сопровождаются пометой *«прич. безл»*.

В отдельных словарных статьях могут разрабатываться и деепричастия и причастия, если инфинитив в текстах не отмечен или восстановить исходную форму представляется затруднительным: *допрямя, заjdaz, закрепя, испустя, мога, поклав, рняся, згоян, посылан*.

В отдельных словарных статьях рассматриваются фономорфологические корреляты восточно- и южнославянского происхождения: *берег – брег, город – град, время – веремя, лодъя – ладъя, рождество – рождество* и под.

В отдельных словарных статьях рассматриваются собираательные существительные: *дубье, малье, лоскутье, кривье, гвоздье* и др. [22].

В отдельных словарных статьях разрабатываются значимые части сложных слов: *благо-, добро-, много-, -пядныи, -ланнии*, при этом каждый компонент имеет грамматическую характеристику, толкование, ил-

люстрации из памятников письменности. При лексикографическом описании первого компонента сложных слов в заголовочной строке даются все отмеченные в текстах сложения, например: *ново-*: *новоприборный, новоприсыльный, нововерстанный, нововыборный, новокрещенка, новонакладный, новопоселеный, новостроенный, новоприискной, новоселидебный, новосостоятельный, новоуказанный*; *много-*: *многогодичный, многолюдный*. Каждое слово из приведенного списка как самостоятельное разрабатывается на своем месте по алфавиту.

Разные формы числительного в составе сложных слов также могут разрабатываться в самостоятельной словарной статье: *дво-е, дву-*. *Первая часть составных слов со значением: 1. Два (двоеглавой). 2. Состоящий их двух (двоеглавой, двоечарочной)*.

Каждое слово, включенное в Словарь, сопровождается словарной статьей или *отсылачным указанием*. К отсылачным единицам, имеющим в Словаре самостоятельную позицию, относятся варианты слова: АНЦЫРЬ – см. АНСЫРЬ, АРЖЕНОЙ – см. РЖАНОЙ, ОНБАР – см. АМБАР, КОПОРОС – см. КУПОРОС.

Структура словарной статьи предусматривает 7 основных позиций, каждая из которых теоретически обоснована:

- 1) заголовочная строка;
- 2) грамматические сведения о слове;
- 3) толкование значений слова;
- 4) семантическая схема словарной статьи (расположение значений);
- 5) сравнительно-сопоставительная информация;
- 6) устойчивые сочетания и фразеологизмы;
- 7) иллюстрации из текстов.

Основным объектом лексикографического описания в Словаре является слово. Учитывая неустойчивость орфографических норм для XVII в., под отдельным лексикографическим словом понимается весь комплекс близковариантных написаний, имеющих единый морфемный состав и обладающий общностью семантических и грамматических характеристик, например: *кызылбашский, кизылбашский, кызылбашской, кизынбушкий, козылбашской*.

В отдельных случаях допускаются отступления от указанного определения. Так, рассматриваются как одно лексикографическое слово примеры типа *зимний* и *зимный, дальний* и *дальний*, хотя с диахронической точки зрения словообразовательная структура подобных слов различна.

Разными словами считаются имена существительные, различающиеся твердостью и мягкостью конечного согласного корня или основы,

сопровождающей изменением грамматических характеристик слова: *короб* (муж. р.), *коробь* (муж. р.) – *коробъ* (жен. р.).

Каждое лексикографическое слово имеет полную словарную статью, которая включает грамматическую характеристику, толкование, иллюстративный материал, а также сведения об употреблении слова в составе устойчивых сочетаний.

В словаре принят алфавитный порядок расположения слов с частичным гнездованием, при этом □ в связи с непоследовательным написанием приравнивается в алфавитном отношении к букве Е. Принцип гнездования относится только к однокоренным словам, принадлежащим одной части речи: *взятика – взяток, задержска – задержанье, клада – кладка – кладь, описка – опись, барабанный – барабанский, бааний – баановный, грабить – грабливать, забивать – забивывать*.

Для Словаря памятников Приенисейской Сибири приняты два основных типа *заголовочных строк*:

1. *Заголовочная строка* содержит одну основную форму и в круглых скобках графико-орфографические варианты к ней. Этот тип заголовочной строки используется в тех случаях, когда отождествление слова не вызывает затруднений: НЕФТЬ (НЕФТЬ, НЕВТЬ), ПЕРЕЦ (ПЕРЫЦ), ХЛЕБ (ХЛЮБ);

2. *Заголовочная строка* содержит два (и более) слова, соединенных союзом *и*, если это слова семантически тождественны или имеют близкий фонетико-морфологический состав: БОРАНИЙ (БАРАНИЙ) и БОРАНОВЫЙ; УБИВСТВО и УБОЙСТВО.

Заголовочное слово в разрабатываемом словаре приводится в упрощенном виде в соответствии с правилами, разработанными составителями СлРЯ XI–XVII вв. [23]. В заголовочной строке в круглых скобках даются все зафиксированные варианты написания слова: БАКЧА (БАКЬЧА); БАРОЧНОЙ (БАРОШНОЙ); БЛЕЗДКА (БЛЕСКА), НЕФТЬ (НЕВТЬ, НЕФТЬ) и под. Буквы Е, □, Ъ и Ъ употребляются так, как отмечено в первоисточниках, даже если подобное употребление не соответствует этимологическому написанию: АПРЕЛЬ, АПРЮЛЬ, АРИШИН, АРАШИН, АРЫШИН, АНГЫЦЫРЬ. В порядке исключения в заголовочном слове восстанавливается буква Ъ как показатель мягкости выносного согласного в середине и на конце слова: *ко^й, полукри^йе, учите^йный*, (в тексте) и *конь, полукривье, учительный* (в словаре). Конечный Ъ в существительных мужского рода не восстанавливается: БОГ, ДВОР, ДОМ.

Грамматические сведения о слове представлены в Словаре памятников Приенисейской Сибири системой грамматических помет, ко-

торые принципиально не отличаются от помет, принятых в исторических словарях русского языка.

Все заголовочные слова, кроме существительных и глаголов, имеют указания на частеречную принадлежность, выраженную пометой: *прил.*, *прич.*, *местоим.*, *нареч.*, *числ.* *собир.*, например: БЕГЛЫЙ¹, *прил.*; УМОЛОЧЕН, *прич.*; СОБЯ, *местоим.*; ВТАЙ, *нареч.*; ОСЬМЕРО, *числ.* *собир.* и т.п. Грамматическими пометами уточняющего характера снабжаются отдельные служебные части речи: БЛИЗКО, *предлог с род. пад.*; ВСТРЕЧЬ, *предлог с дат. пад.*; ДЛЯ РАДИ, *предлог с род. пад.*.

Имена существительные в соответствии с их родовой принадлежностью имеют пометы *м.* (мужской род), *ж.* (женский род) или *с.* (средний род): КОРОБЬ *м.*, КОРОБЬ *ж.*, КОРОБЬЕ *с.* Существительные, употребляемые только во множественном числе, приводятся в форме именительного падежа множественного числа с пометой *мн.*: АСАНЫ *мн.*, БРАТЫ *мн.* Грамматическими пометами существительных оформляются субстантивированные прилагательные: БЕГЛЫЙ², *м.*; ПРОЕЗЖАЯ², *ж.*, ПОАМБАРНОЕ, *с.*

Для прилагательных и причастий в заголовочном слове в качестве основной флексии приводится флексия мужского рода, *наиболее частотная* для памятников данного региона, в скобках отмечаются варианты формы окончания: АНБАРНОЙ (-ЫЙ) *прил.*, КРАШЕНИННЫЙ (-ОЙ) *прил.*, СИНИЙ (-ЕЙ) *прил.*, КАФИНСКИЙ (-ОЙ) *прил.* и под. Даный подход к выделению заглавного слова обусловлен ярко выраженной неустойчивостью употребления окончаний мужского рода (-ый, -ой, -ий, -ей) с явным преобладанием форм на -ой в текстах деловой письменности Приенисейской Сибири.

Формы сравнительной степени прилагательных и наречий имеют пометы *ср. ст.* и *превосх. ст.* и даются в рамках словарной статьи на заданное слово. Если прилагательное в текстах используется только в краткой форме (полная форма не обнаружена), то именно эта форма используется в качестве заголовочного слова и сопровождается соответствующей пометой *только в кр. ф.*: ИГРЕНЬ, БЕЛОВАТ.

Глаголы не имеют специальной грамматической пометы. Указание на вид глагола дается через определение, при этом вид глагола в определении и определяемого слова совпадают: ГОРОДИТИ. Огораживать; РОЗБИТЬ. Нарушить целостность чего-либо. Отсылочные глаголы к другому члену видовой пары имеют в определении помету *несов.* *к:* ВЫГРУЖАТЬ *несов.* *к* ВЫГРУЗИТЬ; ВЫПУЩАТЬ *несов.* *к* ВЫПУСТИТЬ; ОТДАВАТЬ *несов.* *к* ОТДАТЬ. Если видовая соотнесенность отдельных глаголов по памятникам рассматриваемого региона не прослеживается, то в словарь включается только один компонент видо-

вой пары без отсылочной пометы: БЛЮСТИСЬ, ВИДАТЬ, ВЫГРЕБАТЬ.

Глаголы со значением многократного действия даются в отсылочных статьях через помету *многокр. к:* ВЕЛИВАТЬ *многокр. к* ВЕЛЕТЬ; ВАРИВАТЬ *многокр. к* ВАРИТЬ; ЗБИРЫВАТЬ *многокр. к* ЗБИРАТЬ; ПЛАЧИВАТЬ *многокр. к* ПЛАТИТЬ.

Указание на страдательный залог может быть передано в самом определении (*БИТИСЯ – Биться, сражаться*) или через отсылку (*ОТРИЦАТИСЯ страд. к ОТРИЦАТИ*).

Грамматической пометой *безл.*, которая ставится за номером значения, снабжаются безличные глаголы: КАЗАТИСЯ. 2. Безл. Казаться, представляться.

Нерегулярные формы глаголов настоящего и прошедшего времени приводятся в заголовочной строке и помещаются в отдельных отсылочных статьях: МОГЛ см. МОЧЬ, ДМЕТ см. ДМИТИ.

Глагольное управление представлено в словарных статьях разными способами, в том числе и через вопрос (без вопросительного знака): УМЫСЛИТЬ что, ПРОМЫШЛЯТИ кого, что.

В отдельных случаях особенности управления могут быть показаны через словосочетания: БЕЖАТИ... 2. Передвигаться по воде, плыть: бежати парусом.

Выбор способа толкования слова зависит от судьбы самого слова в современном русском языке.

Если слова, широко употребляемые в прошлом, не изменили своего основного значения и не утратили активности в употреблении, то в таком случае описательное определение и перевод не требуются. Такие слова «определяются посредством современного материально тождественного слова» [24], т.е. повторяется то же слово: ВОДА, ж. Вода; РУКА, ж. Рука; НЕСТИ. Нести; МОЛОДОЙ, *прил.* 1. Молодой.

Если сохранившееся в современном русском языке слово изменило свое значение или способность сочетаться с другими словами, то в таком случае используется перевод слова на современный язык путем подбора синонимических эквивалентов: ПОГИНУТЬ. Погибнуть; ОТКОЛЬ. Откуда; ДУРНО *ср. Вред, зло.*

Часть лексики, исчезнувшая из языка вместе с реалиями и понятиями, требует описательного толкования, содержащего элементы энциклопедизма. Энциклопедическая характеристика особенно актуальна для слов с национально-культурным компонентом [25]: АНТИМИС, м. Напрестольная льняная или шелковая ткань с изображением погребения Христа с зашитыми в углах частичками мощей; АРЧАГ (АРЧАК), м. Деревянный остов седла, седло.

Если контекст не позволяет сделать достаточно полное (точное) описание реалии, то используется способ толкования через родовое название: УЛЕДИ, ЧАРКИ, мн. Род обуви.

Для производных слов, сохраняющих достаточно прозрачную связь с производящей основой, принят способ отыскочного толкования: АЗЯМИЦКО с. уничиж. к азям; ДОЧЕРИЦКО, с. уменьш.-уничиж. к дочь; СЛУЖБИЦКА ж. уничиж. к служба; ГВОЗДЬЕ, с. собир. к гвоздь; КРЕМЕНЬЕ с. собир. к кремень; ПОЯСЬЕ с. собир. к пояс; ТЕСНОТА ж. Свойство по знач. прил. тесный; БЕРЕЖЕНЬЕ, действие по знач. глаг. беречь; ЗБАВКА действие по знач. глаг. збавлять; НАВАРКА действие по знач. глаг. наваривать; НАУЧКА действие по знач. глаг. изучать; ОПИСКА действие по знач. глаг. описать.

Путем отсылки преимущественно толкуются в словаре имена прилагательные: ГАРУСНЫЙ, прил. к гарус. Отсылка может быть представлена пометой *относящийся к*: НЕВОДНЫЙ, *относящийся к неводу*. Однако в тех случаях, когда материалы памятников не позволяют подобрать к прилагательным соответствующие им существительные (использовать отыскочный принцип), то для прилагательного дается развернутое определение: БЕГЛЫЙ¹ (-ОЙ), прил. *Находящийся в бегах, скрывающийся*; ВЕСЧИЙ (-ЕЙ), прил. *Предназначенный для взвешивания*.

В словах-синонимах толкование дается только при слове, которое стоит на более ранней алфавитной позиции, при последующих словах ставится помета *то же, что...*: ДОМОРОЩЕННЫЙ, прил., *то же, что ДОМОКОРМЛЕННЫЙ*. Аналогичная отыскочная помета употребляется и при словах с суффиксом субъективной оценки, которые являются абсолютными синонимами к словам без суффиксов: ОГОРОДЕЦ, м., *то же, что огород*; ЖЕНКА (ЖОНКА), ж., *то же, что жена* (1).

Если значение слова определить затруднительно, то на месте дефиниции в скобках ставится знак вопроса: АБАЛАК, м. (?)

Таким образом, способы толкования слов в Словаре памятников Приенисейской Сибири в целом совпадают с принципами толкования слов, принятыми в толковых словарях русского языка. Это описательный способ, включающий в отдельных случаях элементы энциклопедизма, подбор синонимов из современного русского языка и отыскочное определение.

Устойчивые сочетания (в том числе и терминологические) и **фразеологизмы**, независимо от степени семантической спаянности компонентов, включаются в словарь и даются в разрядку в конце словарной статьи. После знака ♀ (семантический ромб) помещаются, как правило, устойчивые сочетания слов: ♀ т а м о ж е н н ы й г о л о в а; ♀ д е с я т я п о ш л и н а; ♀ б ы т ь в а м а н а т а х. Формулы и трафареты, принятые

в деловой письменности, а также сочетания, обладающие высокой степенью семантической спаянности помечаются знаком ♦ (заштрихованный ромб): ♦ б и т ь ч е л о м – формула почтительного приветствия; ♦ к у д а х о д и л и п л у г и к о с а – формула в документах, определяющая границы владения.

В большинстве случаев устойчивые сочетания толкуются и подтверждаются примерами из текстов: ♀ д е ж н и й с т о л – учреждение, ведающее денежными сборами с населения. Денежного ж. стола счтные списки гдэрве казне деньгам и товаромъ. Сп. росп. ен. воев. Салт., 6 об., 1683 г. Если устойчивые сочетания по составу и значению полностью совпадают с современным русским языком, то толкование в таком случае опускается: ♀ в с е д о е д и н о г о, ♀ п о в с я г о д ы.

В качестве заглавного слова, под которым помещается устойчивое сочетание, чаще всего выбирается слово, грамматически подчиняющее себе остальные члены словосочетания: ♀ п р и к а з и а з б а под словом ИЗБА; ♀ м я г к а я р у х л я д ь под словом РУХЛЯДЬ; ♀ гречка я г у б а под словом ГУБА;

♀ с в о е ю д у р о с т ью под словом ДУРОСТЬ; ♀ д р а т и д р а н ь под словом ДРАТИ и под. Однако подобный порядок подачи может быть нарушен, например, в случае, когда прилагательное употребляется только в сочетании с определенным существительным: ♀ б е л а я р ы б а под словом БЕЛАЯ; ♀ з а к л а д н а я к р е п о с т ь под словом ЗАКЛАДНАЯ и др. случаи.

Иллюстрирование в региональном словаре, на наш взгляд, всецело зависит от целей и задач словаря. Поскольку разрабатываемый Словарь памятников Приенисейской Сибири предполагает представить по возможности полно весь лексический состав говоров вторичного образования в период их складывания, а также продемонстрировать реальное употребление слова в его связях с другими словами, то задачи иллюстрирования в региональном историческом словаре сводятся к следующему:

- 1) наиболее полно раскрыть семантику слова;
- 2) представить реальное употребление слова в его связях с другими словами;
- 3) отметить первую и максимально позднюю фиксацию слова в обработанных источниках;
- 4) продемонстрировать зафиксированные в письменности варианты слова;
- 5) показать грамматические и стилистические характеристики;
- 6) ввести в научный оборот новые рукописные разножанровые источники определенного региона;
- 7) представить ареал распространения слова.

Насыщенность словарной статьи иллюстративным материалом зависит от семантического содержания и функциональной характеристики слова. Чем шире приводимая в Словаре схема значений слова, его употреблений, возможностей лексической и синтаксической сочетаемости, тем богаче и разнообразнее подбор цитат.

В региональном историческом словаре каждая основная словарная позиция (т.е. каждое однозначное слово и каждое значение многозначного) подтверждается двумя-тремя цитатами, отражающими наиболее раннюю и позднюю регистрацию слова памятниками данного региона. Оттенок значения также иллюстрируется двумя хронологически обусловленными примерами.

В отдельных случаях количество цитат может быть увеличено.

Объем цитаты должен быть достаточным для определения семантической, грамматической и стилистической характеристики слова, демонстрации его типичных и устойчивых связей с другими словами. В то же время используемая цитата должна быть по возможности краткой и представлять собой законченное синтаксическое целое (насколько это позволяет источник). С учетом сказанного, в Словаре допускается сокращение больших предложений, если пропущенная часть не имеет отношения к объясняемому слову и не вызывает искажения смысла цитируемого фрагмента.

При большом количестве в картотеке иллюстративного материала на заданное слово предпочтение отдается цитатам, содержащим описание бытовых реалий, традиций первопоселенцев Сибири, а также цитатам, представляющим интерес в культурно-историческом аспекте в целом.

Иллюстративный материал располагается непосредственно за толкованием слова (значения, его оттенка) или устойчивого сочетания. Расположение цитат внутри словарной статьи дается в хронологической последовательности.

Цитирование рукописных текстов проводится в *полном соответствии с орфографией и пунктуацией оригинала*. Отступления допускаются только при употреблении прописной и строчной букв.

Текст цитируемого источника воспроизводится с максимальной точностью, однако с некоторым упрощением графики. Из букв старого алфавита сохраняется только буква Ъ. Буквенная передача числового значения сохраняется, но в круглых скобках дается и цифровое обозначение. Это же положение распространяется на обозначение годовых дат, которые даны в памятниках по византийскому летоисчислению и при цитировании остаются без изменения.

Выносные буквы включаются в строку и выделяются курсивом, при этом мягкость включенных в строку согласных не отмечается, например: *десят, пятдесят* и под.

Из надстрочных знаков при цитировании сохраняется только знак титла, буквы, вынесенные под титло, включаются в строку и выделяются курсивом, сами сокращенные слова не восстанавливаются: бга, гсдрь, члекъ.

Буква ъ употребляется в соответствии с текстом оригинала. Если в первоисточнике начертания букв ъ и ѣ совпадают, то при цитировании указанные буквы употребляются в соответствии с этимологией: домъ, день.

Комментарий составителя словаря, включаемый в случае необходимости в текст цитаты, заключается в круглые скобки. Это может быть подтверждение особенностей употребленной формы (так в ркп. – так в рукописи) или переложение числового значения с буквенной передачи в цифровую: Е (5) пар обуви.

Реконструкция утраченной части контекста или вставка слова из пропускаемой части предложения для сохранения смысла фразы оформляется квадратными скобками: По извѣту мангазѣйского стрелца [взято] у целовальника у Десятки Борисова Г (3) чети пятипудовых муки. Кн. 78, л. 849, 1642 г.

После каждой цитаты приводится сокращенное название источника, отмечается номер листа, после запятой указывается дата написания памятника: Кн. там. прих. ен. 1, 284 об., 1630 г.; Отп. ен. воев. с чел., 3, 1635 г. Сокращенное название включает информацию: 1) о жанре памятника делового содержания (отписка, челобитная, допросные речи, книга таможенная и пр.); 2) о месте его создания (енисейский, мангазейский, красноярский и др.) [26]. Архивные данные (место хранения, фонд, № единицы хранения) в случае необходимости легко восстанавливаются по специальному Указателю источников, прилагаемому к Словарю памятников Приенисейской Сибири.

Образцы словарных статей

АБАЛАК м. Топоним? Идучи от Ржественской цркви на абалакъ на правои сторонѣ в мѣжах в одну сторону двор посадского члвка Луки Глухова. Кн. пер. пост. дв. ен., 23, 1704 г. Идучи с абалаку к Мелничной рѣчке по улице что х квасной избѣ на лѣвои сторонѣ в мѣжах все старое и гнило. Кн. пер. пост. дв. ен., 25 об., 1704 г.

АДѢЯЛО см. одѣяло.

АЗЯМ, м. Верхняя мужская летняя одежда, длинный каftan. Азям камка зелѣнная поношен с прорехи оплечье и зарукаве шито золотом и розными шелками подложен кумачем чернымъ. Росп. ясыр. Ха-

бар., 663, 1654 г. Азям камка рудожелтая ветчаной подложенъ камчишко двоелищною. Росп. ясыр. Хабар., 664, 1654 г.

АЗЯМИШКО, м., уничож. к азям. Азямишко бѣлеи вѣтчаной подкумачем лазоревым. Росп. ясыр. Хабар., 664, 1654 г.

АЛЫЙ (-ОЙ), прил., кр. ф. аль. Алый. Азям камка лазорева соломянка опущен бархатом черным без рукавъ подложенъ камкою алою и красною. Росп. ясыр. Хабар., 663, 1654 г. Знамя киндяшное средина алая. Сп. смет. ен., 33, 1685/86 г. Знамя киндяшное средина ала в сре-динъ крест и поля лимонные. Сп. гор. ен., 94, 1695 г.

АМАНАТ (ОМАНАТ, ОМОНАТ), м. Заложник. Во 136-м году аринскии кнзецъ Татуш <...> вину свою покрыл и в оманаты сына своего дал. Отп. красн. воев. Дуб., № 249, 1628/29 г. Отдана та рыба на кормъ аманатомъ. Кн. там. прих. ен. I, 284 об., 1630 г. Взяли в оманаты за великою дракою и за кровю <...> лутчих братцких людеи <...> и за тѣми аманаты ясаку прибыл будет немала. Отп. ен. воев. с чел., 3, 1635 г. И с того числа издержано для аманатовъ и ясашныхъ людеи на сѣти чѣмъ аманатомъ и ясашнымъ людемъ рыбы ловити. Кн. дес. сб. русск. тов. манг. I, 70 об., 1636 г. Да том Васка в ту ж пору убил лутчево аманата шамана и за тово шамана иноземцы тынгусы убили рускихъ людеи шестьдесят члвкъ. Сказ. манг. воев. Борят., 66, 1643 г. А я того аманата взял для подтверждения всеми Даурской земли потому что тово Лаптая все слушают. Челоб. Хаб., 672, 1654 г. А у аманатовъ которыхъ из ясашныхъ зимовеи в Мангазью привозят иманы скаски за их иноземческими знамены. Смета переч. манг., 162, 1704 г.

◊ С и д е т ь в а м а н а т а х ъ – быть в заложниках. Сидѣли мы в Красноярском острогѣ в аманатах попеременно. Челоб. кач. и аринск. кнѧзц., 414, 1654 г.

АМАНАТСКИЙ (АМАНАТЦКИЙ, -ОЙ), прил. к аманат. И диякъ Богдан того сторожа ухватил к себѣ на двор да с ними ж взял гсдрвы аманатские желѣза и муку. Сказ. манг. воев. Борят., 69, 1643. Пят котлов аманатскихъ варчих в том числѣ зеленои мѣди ветхои. Сп. росп. манг. воев. Ник., 4 об., 1702 г.

◊ А м а н а т с к а я и з б а: Да мы же поставили твою гсдрву винную поварню и аманатскую избу. Сб. челов. ен., 137, 1626 г.

◊ А м а н а т с к и й д в о р: А в остроге останетца на карауле и у тюрмы и у аманатского двора только двадцать девятъ члвкъ. Отп. ен. воев. Воров. II, 28-29, 1641 г. А гсдрво жаловане кормъ нам холопем давано в аманатской дворе по скотинѣ на месяц. Челоб. кач. и аринск. кнѧзц., 414, 1654 г.

АМАНАТЧИК, м. То же, что аманат. Братцкому ясырю и аманатчикомъ и на тунгуские и на остияцкие расходы на корм вышло... Отп. воев. Плем. 142-2, 11, 1634 г.

АМБАР (АНБАР, ОНБАР), м. 1. Отдельно стоящая холодная постройка для хранения хлѣбныхъ и другихъ припасов. Амбар. Из гсдрва онбара взято муки ржаной. Отп. ен. воев. Плем. 142-2, 19, 1634 г. На мелнице кѣбѣт два онбара для хлѣбныхъ запасов банишко старое ветхо. Отп. ен. спас. мон., 14, 1659 г. И в томъ остроге поставлены великог гсдря на хлѣбные запасы и для приѣзду с казнами шесть анбаровъ болшихъ. Кн. стр. ен., 234, 1667 г. Анбар двоиной с перилами с навѣсом. Росп. сп. ен., 4, 1688 г. Да анбаръ о четырехъ житяхъ крыт тесомъ гдѣ ниѣ сыпаны великого гсдря хлѣбные запасы. Сп. росп. манг. воев. Ник., 4 об., 1702 г. Над тѣмъ погребом и над выходом анбар брусянои же крыт тесомъ на четыре ската з зубцами. Сп. росп. манг. воев. Ник., 5 об., 1702 г. У анбара во дворѣ подле погребища хлев скотцкои. Кн. пер. цен. ен. пост. двор., 54 об., 1705 г.

2. Подвалное помещение хозяйственного назначения в доме. А под тою избою анбар а другая половина подполье. Кн. пер. ен. пост. дв., 14, 1704 г. Под тою избою анбар холодной подволоки тесовая... Под кѣбѣтью анбар и погреб позади стая конская. Кн. пер. ен. пост. дв., 19-19 об. 1704 г.

◊ С о л я н о и, х лѣб н ы и а м б а р: На улицѣ два онбара хлѣбные погреб с напогребницей да баня. Отп. ен. спас. мон., 10 об., 1659 г. Анбар хлѣбной о дву житьяхъ гостиной сотни Ивана Ушакова. Кн. окл. обр. ен., 262 об., 1685 г.

3. Строение для хранения товаров и торговли. Стояла в том анбаре гсдрва казна соболная. Кн. там. прих. I, 293, 1630 г. Приѣхав <...> по дыскамъ у торгового члвка в онбарѣ тынгускихъ соболей. Пам. ат. Алекс., I, 1639 г. И в тѣхъ лавкахъ и анбарахъ и погребахъ и на скамьяхъ торгуют рускими и сибирскими всякими товары торговые и всякихъ чиновъ люди по вся годы. Кн. окл. обр. ен., 260-а, 1685 г.

◊ К а з е н н ы и а м б а р: А живу я на Турухане с великимъ опасениемъ что кругъ съѣзжие избы и казенныхъ анбаровъ и воевоцкого двора никакие крѣпости нѣт. Отп. манг. воев. о смене, 40, 1671 г. Анбаръ казенныи о дву житьяхъ кругомъ двухъ стѣнь подѣланы перила. Сп. росп. ен. воев. Салт., 22, 1683 г. А над погребом в анбарѣ всякая таможенная зборная казна и табакъ. Сп. росп. манг. воев. Ник., 5 об., 1702 г.

4. Постройка производственного назначения. И на усть Песцанки рѣчки на мелнице онбар старой ветхой с подпоры <...> в онбаре изба да двои жернова да мелнишного заводу пят насѣкъ лом молот да пѣшня. Вверхъ песцанские мелницы на мелнице онбар новой мѣрою шти сажен

<...> мелнишного пят наськъ клин ломъ тутика желѣзное. Оп. ен. спас. мон., 13 об.-14, 1659 г.

АМБАРНОЕ (АНЬБАРНОЕ), с. Пошлина за пользование складским помещением, за хранение товаров. Платил аньбарного постоялово рубль денег что стояла в том аньбаре гсдрва казна соболная. Кн. там. манг., 293, 1630 г.

АМБАРНОЙ (-ЫЙ) (АНБАРНОЙ, -ЫЙ), прил. к амбар (анбар). Пробои аньбарные дверные вдертьные... Тов. цен. росп., 22, 1649 г. Взять семдесят рублей с онбарных мѣсть. Сп. росп. ен., 6, 1688/89 г. Пят замков аньбарныхъ тритцат топоровъ устюжскихъ. Кн. там. отп. ен., 1696/97 г.

◊ А и б а р н а я п о ш л и н а .

АНБАР и произв. см. амбар и произв.

АНБУРСКИЙ (-ОЙ), прил. Гамбургский. Половинка сукна анбурского большая цена двадцать восемь рублей половинка сукна анбурская середняя цена двадцати два рубли. Тов. цен. росп., 36-36 об., 1649 г. Сукня анбурская с круживом мишурнымъ цена пять рублей. Тов. цен. росп., 47, 1649 г. Двадцат пять анбурских половинокъ. Сб. проезж. ен., 14, 1689 г. Три половинки сукон анбурскихъ. Сб. проезж. манг., 62-а, 1690/91 г. Да ис тѣх же половинок анбурских сошито въ Енисѣйску двадцатеры чолки. Кн. отп. ен. янв. 469 об., 1700 г. Полторы половиньки сукна анбурского в остатках. Кн. отп. ен. янв., 479 об., 1701 г.

АНГЕЛ, м. То же, что именины. ◊ Н а а н г е л – по слушаю именин. В Мангазѣ на гсдрвские ангелы служылым людемъ гсдрво жаловане погреб есть вином поять по вся годы. Сказ. манг. воев. Борят., 125, 1643 г.

АПРЕЛЬ (АПРѢЛЬ), м. Апрель – восьмой месяц календарного года в допетровской Руси. Апрѣля въ И (8) де подал Енисѣйского острогу служилои казак Оска Галкин. Отп. ен. воев. Плем. 2, 1 об., 1636 г. Апрѣля после АЗ (17) числа въ ночь бжиею волею пришла вешняя большая вода изъ Тунгуски с Башкала озера и из Енисею. Отп. ен. воев. Ржев. о полновод., 195-196, 1660 г.

АРДЕВИЛЬСКИЙ (АРТЕВИЛЬСКИЙ) прил. к Ардебиль (город в Иране). Десять косяков пестредеи теврских и ардевильских. Сб. проезж. ен., 20, 1688/89 г.

АРЖЕНОЙ (АРЖАНОЙ) см. ржаной

АРИНСКИЙ. прил. к аринец. В прошлом во 136-м году <...> изменили качинские и аринские тотары князцы и лучшие люди отъехали в Кыргызы. Отп. красн. воев. Дуб., № 245, 1628 г. Аринский кнзецъ Татуш гсдарю добил челом и вину свою покрыл... Отп. красн. воев. Дуб., № 249, 1628 г.

АРИНЦЫ, мн., АРИНЕЦ, м. Представитель рода-племенного объединения, обитавшего в верховьях Енисея. Послал я на качинцев и на аринцев воину атамана Ивана Колцова и с ним служилых людей 140 члвкъ. Отп. красн. воев. Дуб., № 245, 1628 г. Послали нас в кыргызы к аринцам и велели нам проведат как живут ясачные люди. Челоб. красн. воев. Карам., 3, 1631 г. Изменили тебѣ гсдрю подгородные ясашные татара качинцы и аринцы и ястыки отехали от Красноярского в киргизы. Челоб. красн. служ. люд., 124, 1640 г.

АРХИЕПИСКОП, м. Титул старшего среди епископов, один из высших в христианской церковной иерархии. Во имя великого гсдна преосвященного архиепископа Макария. Сб. челоб. ен., 44, 1626 г.

АРХИЕПИСКОПЛЪ, прил. к архиепископ. Привезли с собою в Мангазѣ <...> на своемъ коѣ таинно тоболскому архиепископлю сну боярскому мангазьскому десятильнику Федору Захарову бочку вина вѣдръ в двадцати... А на Турухан Федор Захаров ъздил по архиепископлю указу для дховныхъ дѣл. Сказ. манг. воев. Борят., 20, 1643 г.

АРЫ, только мн. Родо-племенное объединение на территории Сибири. В 10 дницах в чулымских вершинах кочевья томских ясачныхъ людей Кызыла Богасары а к ним прилегли землицы качимские ары браты маты. Отп. ен. приказн. чел. Трубч., № 145, 1620 г.

ЗАМЫТЬ, безл. Замести, затянуть чем-либо. И том ево кочь замыло на кошке песком <...> и том кочь ис песку выгребали и с мѣли сымали двѣ недѣли. Отп. манг. воев. Ухт, 91, 1644 г. И инѣе тое протоку пѣском замыло лише весною ход бывает. Сказ. манг. толм., 88, 1664 г.

ИДУЧИ, деепреч., см. идти.

НАСКОРЕ, нареч. Вскоре, быстро. Степан Черницынъ томчас подводы дал без мешкоты наскоре. Гр. манг. стрел, 80, 1667 г.

ПОМЕРЕТЬ. Умереть. В тѣх землицах ясачные люди многие померли. Кн. ясачн. ен., 52, 1633 г.

◊ Г о л о д н о ю с м е р т ю п о м е р е т : И у всяких людей хлѣбные запасы переписат чтобы имъ <...> в Мангазѣ голодною смертью не померет. Отп. манг. воев. Ухт, 91, 1644 г.

ПО ОСЕННІ, нареч. Осеню. Всѣ збрели по осени на Турухан и в Енисѣйской острог. Отп. манг. воев. Ухт, 91, 1644 г.

Литература

1. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1979. Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы конференции, октябрь, 1975 г., Москва. Вып. 3. Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1975.
2. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII–первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971. Захарова Л.А. Томский исторический словарь XVII в. // Сибирские русские говоры. Томск, 1984. Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография (По материалам пермских памятников XVII–н. XVIII в.). Пермь, 1990. Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII вв. Новосибирск, 1991.
3. Богатова Г.А. Диахронический словарь в системе словарей исторического цикла // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. Словарь русского языка XVIII века: Проект. Л., 1977.
4. Там же С. 8.
5. Городилова Л.М. Принципы отбора источников для словаря памятников Восточной Сибири XVII века // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тезисы докл. 24–26 окт. 1988 г. Красноярск, 1988.
6. Цомакион Н.А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966. Палагина В.В. Диалектный состав первых жителей Томска // Вопросы языкоznания и сибирской диалектологии. Вып. 2. Томск, 1971. Она же. Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII века // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1972. Радич Л.М. К вопросу о диалектном составе первооселенцев Енисейского острога // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Вып. 1974. Красноярск, 1975. Захарова Л.А. К вопросу о диалектной основе прикетских говоров // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 4. Томск, 1977.
7. Котков С.И. Исследование и издание скорописных памятников русского языка // Вопросы языкоznания. 1981. №6.
8. Картотека словаря XVIII в. // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. Картотека ДРС // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977. Богатова Г.А. Соотношение картотеки и словаря // Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.

- Она же. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
9. Картотека словаря XVIII в. // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967.
 10. Городилова Л.М. Организация картотеки для регионального исторического словаря. Хабаровск, 1998.
 11. Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977.
 12. Городилова Л.М. Указ. раб.
 13. Мжельская О.С. Территориально ограниченная лексика в древнерусских памятниках (диалектизмы и регионализмы) // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.
 14. Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977.
 15. Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977.
 16. Рупосова Л.П. Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте // Проблемы исторической терминологии Красноярск, 1994.
 17. Мжельская О.С. Указ. раб.; Полякова Е.Н. Регионализмы в пермских деловых памятниках XVII – начала XVIII вв. // Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.
 18. Богатова Г.А., Дерягин В.Я., Романова Г.Я. Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова // Вопросы языкоznания. 1982. №3.
 19. Казачонок Т.Г. Принципы построения словарной статьи в историческом словаре (на материале памятников старобелорусской письменности) // Проблемы современной исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4: Теория и практика исторической лексикографии. М., 1975.
 20. Чурмаева Н.В. Наречие в грамматике и словаре // Теория и практика исторической лексикографии. М., 1984.
 21. Есевевич И.Э. Собирательные существительные типа «камень» и историческая лексикография // Научные докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1987, № 2.
 22. Инструкция для составителей Словаря русского языка XI–XVII вв. М., 1988.
 23. СлРЯ. Вып. 1, М., 1975.
 24. Волков С.Св. Лексика с национально-культурным компонентом в историческом словаре русского языка (проблемы семантического описания) // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.
 25. Городилова Л.М. Организация картотеки для регионального исторического словаря: Учебное пособие. Хабаровск: ХГПУ, 1998.

Л.М. Городилова*

Иллюстративный отдел словарной статьи в региональном историческом словаре

Как известно, источником любого исторического словаря являются памятники письменности разных эпох и регионов. Значение каждого слова, включенного в словарь, должно подтверждаться примерами из отобранных источников. «Словарь теряет качество достоверности, если слова и значения не подтверждаются материалами памятников» [1]. Однако стремление лексикографов к экономии объема (компактности) словаря приводит к тому, что иллюстративный, а фактически *доказательный* материал приводится в минимальном количестве и объеме. Как правило, составители ориентируются, прежде всего, на время употребления слова в памятниках письменности, поэтому в качестве иллюстрации используется материал наиболее ранней (или вообще первой для данного региона) и более поздней фиксации слова. По этому принципу построены Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. [2], материалы для Словаря воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. [3]. На минимальное количество иллюстраций (две цитаты на каждое значение слова) и хронологические рамки употребления слова ориентирован Словарь русского языка XI–XVII вв. [4].

Встречается и другой подход, направленный на использование яркого, образного контекста, более полно демонстрирующего значение и употребление слова. В качестве примера можно указать Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. [5].

Использование двух-трех цитат, дополняющих друг друга при раскрытии значения слова, предлагает Е.Н. Полякова, при этом указание на первую фиксацию слова она не связывает с собственно иллюстрациями, а предлагает давать самостоятельной позицией в конце словарной статьи [6].

Л.Г. Панин подтверждает значения слов примерами из трех типов источников – сибирских летописей, деловой письменности, произведений Кирши Данилова. Критерием отбора цитат служит их территориальная приуроченность, количество и объем не оговариваются [7].

Существуют и другие подходы к использованию иллюстративного материала, представленные в словарных разработках по материалам томской, кетской, нарымской и кузнецкой деловой письменности [8].

* Людмила Михайловна Городилова – кандидат филологических наук, профессор Хабаровского государственного педагогического университета (Хабаровск).

Иллюстрирование в региональном словаре, на наш взгляд, всецело зависит от целей и задач словаря. Так, разрабатываемый Словарь памятников Приенисейской Сибири предполагает представить по возможности полно весь лексический состав говоров вторичного образования в период их складывания. Другими, не менее важными, задачами указанного словаря являются следующие:

- а) определение реального употребления слова в его связях с другими словами;
- б) показ развития словарного состава в данный исторический период (т.е. на раннем этапе формирования говоров вторичного образования).

Первая задача решается через отбор лексем из письменных источников разных жанров заданного региона и формирование словарника [9]. Две другие поставленные задачи и предопределяют отбор иллюстративного материала для словарных статей.

Задачи иллюстрирования в региональном историческом словаре

Таким образом, иллюстрирование в региональном историческом словаре помогает решить следующие задачи:

- 1) наиболее полно раскрыть семантику слова;
- 2) представить реальное употребление слова в его связях с другими словами;
- 3) отметить первую и максимально позднюю фиксацию слова в обработанных источниках;
- 4) продемонстрировать зафиксированные в письменности варианты слова;
- 5) показать грамматические и стилистические характеристики;
- 6) ввести в научный оборот новые рукописные разножанровые источники определенного региона;
- 7) отметить ареал распространения слова.

Количество иллюстраций в словарной статье

Насыщенность словарной статьи иллюстративным материалом зависит от семантического содержания и функциональной характеристики слова. Чем шире приводимая в Словаре схема значений слова, его употреблений, возможностей лексической и синтаксической сочетаемости, тем богаче и разнообразнее подбор цитат.

В региональном историческом словаре каждая основная словарная позиция (т.е. каждое однозначное слово и каждое значение многозначного) подтверждается двумя-тремя цитатами, отражающими наиболее раннюю и позднюю регистрацию слова памятниками данного региона. Оттенок значения также иллюстрируется двумя хронологически обусловленными примерами.

- В отдельных случаях количество цитат может быть увеличено, если:
- 1) двух-трех примеров недостаточно для раскрытия значения слова;
 - 2) двух-трех примеров недостаточно для показа особенностей сочетаемости слова;
 - 3) заголовочная строка включает несколько вариантов (в этом случае все варианты подтверждаются примерами из текстов);
 - 4) приведенные цитаты не исчерпывают всех возможностей стилистической характеристики слова;
 - 5) слово отмечается в памятниках различной территориальной приуроченности.

Обязательное иллюстрирование предусматривается и для устойчивых словосочетаний, помещенных за семантическим ромбом, независимо от того, имеют ли они толкования.

В отдельных случаях возможно использование лишь одной цитаты, если слово отмечено только в одном памятнике.

Объем иллюстративной части

Объем цитаты должен быть достаточным для определения семантической, грамматической и стилистической характеристики слова, демонстрации его типичных и устойчивых связей с другими словами. В то же время используемая цитата должна быть по возможности краткой и представлять собой законченное синтаксическое целое (насколько это позволяет источник). С учетом сказанного, в Словаре допускается сокращение больших предложений, если пропущенная часть не имеет отношения к объясняемому слову и не вызывает искажения смысла цитируемого фрагмента. В этом случае в примере ставится многоточие. Усечение начала и конца цитаты, как правило, не отмечается. Цитата всегда начинается с прописной буквы, в конце ставится точка.

При большом количестве в картотеке иллюстративного материала на заданное слово предпочтение отдается цитатам, содержащим описание бытовых реалий, традиций первопоселенцев Сибири, а также цитатам, представляющим интерес в культурно-историческом аспекте в целом.

Расположение цитат

Иллюстративный материал располагается непосредственно за толкованием слова (значения, его оттенка) или устойчивого сочетания. Расположение цитат внутри словарной статьи дается в хронологической последовательности.

Техника оформления

Текст цитируемого источника воспроизводится с максимальной точностью, однако, с некоторым упрощением графики. Так, встречающиеся в оригинальных рукописных текстах буквы ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ последовательно заменяются на у, о, я, и, з, ф, кс, пс. Из букв старого алфави-

та сохраняется только буква Ь. Буквенная передача числового значения сохраняется, но в круглых скобках дается и цифровое обозначение. Это же положение распространяется на обозначение годовых дат, которые даны в памятниках по византийскому летоисчислению и при цитировании остаются без изменения.

Выносные буквы включаются в строку и выделяются курсивом, при этом мягкость включенных в строку согласных не отмечается, например: десят, пятдесят и под. Буква ъ употребляется в соответствии с текстом оригинала. Если в первоисточнике начертания букв ъ и ѿ совпадают, то при цитировании указанные буквы употребляются в соответствии с этимологией: домъ, день.

Из надстрочных знаков при цитировании сохраняется только знак титла, буквы, вынесенные под титло, включаются в строку и выделяются курсивом, сами сокращенные слова не восстанавливаются: бга, гсдрь, члкъ.

Цитирование рукописных текстов проводится в *полном соответствии с орфографией и пунктуацией оригинала*. Отступления допускаются только при употреблении прописной и строчной букв.

С прописной буквы в цитатах пишутся:

- имена собственные: Мичутка, Пятунка, Осипъ Константинович Щербатой;
- топонимы: Лазаревка, Подгородная деревня, Ленский волок;
- названия государств: Великая, Белая и Малая Россия;
- названия центральных государственных учреждений: Посольский приказ, Приказ Казанского дворца, Сибирскии приказ;
- названия соборов, церквей, монастырей и икон: Успенский собор, Троицкии мужской монастырь, Неопалимая купина;
- названия церковных праздников и календарных дат: Пасха, Троица, Мясопустная неделя, Петровъ день, Никола венчни.

Со строчной буквы пишутся:

- названия народностей: тывгузы, кутугуры, лапагирцы, татары;
- названия жителей, образованные от названий городов: устюжанин, сольвычегодецъ, красноярецъ, астраханецъ, каргополецъ;
- названия местных государственных учреждений: съезжая, приказная, таможенная изба, денежный, ямской столь;
- слова: богъ, господъ, государь, богородица.

Комментарий составителя словаря, включаемый в случае необходимости в текст цитаты, заключается в круглые скобки. Это может быть подтверждение особенностей употребленной формы (так в ркп. – так в рукописи) или переложение числового значения с буквенной передачи в цифровую: Е (5) пар обувеи.

Реконструкция утраченной части контекста или вставка слова из пропускаемой части предложения для сохранения смысла фразы оформляется квадратными скобками: По извѣту мангазбиского стрелца... [взято]... у целовалника у Десятки Борисова Г (3) чети пятитудовых муки. Кн. 78, л. 849, 1642 г.

После каждой цитаты приводится сокращенное название источника, отмечается номер листа (без употребления сокращения л.), после запятой указывается дата написания памятника: Кн. там. прих. ен. I, 284 об., 1630 г.; Отп. ен. воев. с чел., 3, 1635 г. Сокращенное название включает информацию о жанре памятника делового содержания (отписка, челобитная, допросные речи, книга таможенная и пр.), о месте его создания (енисейский, мангазейский, красноярский и др.) [10]. Архивные данные (место хранения, фонд, № единицы хранения) в случае необходимости легко восстанавливаются по специальному Указателю источников, прилагаемому к Словарю памятников Приенисейской Сибири.

Если к одному заголовочному слову относятся две цитаты из одного памятника, то выходные данные источника ставятся только при первой цитате, а при второй указывается: Там же, далее – номер листа.

Рассмотренные принципы отбора иллюстративного материала для Словаря памятников Приенисейской Сибири можно продемонстрировать на примере слов **аманат**, **анбурский**.

АМАНАТ

Материалы картотеки:

1. Во 136-м году аринскии кнзеъ Татуш <...> вину свою покрыл и в **оманаты** сына своего дал. Отп. красн. воев. Дуб., № 249, 1628/29 г.
2. Отдана та чел и замок **аманатов** ковати. Кн. там. манг. 138, 289 об., 1630 г.
3. В покупки олова и одекуев и котловъ юколы и масла и хлѣбных запасов на гсдрвы росходы на **аманатов**. Кн. там. прих. ен. I, 284, 1630 г.
4. Отдана та рыба на кормъ **аманатомъ**. Кн. там. прих. ен. I, 284 об., 1630 г.
5. Отписка о сыскных и о роспросных и о пыточных рѣчах про **аманатов**. Росп. отп. красн. I, 16, 1630 г.
6. И тепѣречи та княгинка в Красном острогѣ сидит в **аманатах**. Челоб. красн. каз. 138, 43, 1630 г.
7. И за теми гсдрь языками взяли у них **аманатов**. Челоб. красн. каз. 138, 44, 1630 г.
8. И яз атаман Демка Злобин учал прошат **аманатов** в Красноярской острог. Сп. посл. красн. 138, февр., 45, 1630 г.
9. И князцы к твои гсдрьской милости не пошли аманатов в Красной острог не дали. Сп. посл. красн. 138, февр., 45, 1630 г.

10. [и мы] жѣну ево Ижѣнбикову з двема дочерми взяли и привели в Красной в **оманаты**. Челоб красн. воев. Карам., 4, 1631 г.

11. И хотѣли они нас того **аманата** Килтюга отбити и нас побити. Отп. ен. воев. с чел., 53, 1635 г.

12. Взяли в **оманаты** за великою дракою и за кровю <...> лутчих братцких людеи <...> и за тѣми **аманаты** ясаку прибыл будет немала. Отп. ен. воев. с чел., 3, 1635 г.

13. И с того числа издержано для **аманатовъ** и ясашных людеи на сѣти чѣмъ **аманатомъ** и ясашным людем рыбь ловити. Кн. дес. сб. русск. тов. манг. 1, 70 об., 1636 г.

14. А до перемены острогу не метати и **аманатов** никуды не отпускати. Наказ манг. 145, 233, 1637 г.

15. Да аманатомъ <...> на запас для рабнаго дѣла с иноземцы дано ·К·(20) фунтов пороху и ·Д· (4) фунта свинцу. Наказ манг. 145, 236, 1637 г.

16. Не дождався перемены острог покинут или **аманатов** отпустят. Наказ манг. 145, 236, 1637 г.

17. Братцкои ясыр послан... в Братцкои острожек для перемены **оманатом**. Отп. воев. Плем. I, 188, 1638 г.

18. И то им сказат будет милостию бжию брацких неясашных людеи подобют и под гсдрву црскую <...> руку приведут и **аманатов** возмут и им будет <...> за ту их службу гсдрво жаловане. Пам. наказн. манг. Горем. 148, 202, 1640 г.

19. И въ ясыре будет хто взят отрадных людеи князцы или князцовы дети <...> держат их в аманатах с великим береженем. Пам. наказн. манг. Горем. 148, 205, 1640 г.

20. И взяти из них в **омонаты** иноземцов лутчих людеи князцеи и детеи их сколько члвкъ мочно чтоб за тѣми **аманаты** гсдрвъ ясакъ имати было мочно по вся годы. Наказ Горем. манг. 149, 242, 1641 г.

21. И тѣх **аманат** береч и смотрет накрѣпко и держат в крѣпи в железех. Наказ Горем. манг. 149, 255, 1641 г.

22. Аринцы князцы Татуш да Абыта которые были в **омонатах** и из **омонатов...** ушли приходили двожды под Красноярской острог и стада отогнали. Речи расспрос. красн. служ., 142, 1641 г.

23. Да том Васка в ту же пору убил лутчево аманата шамана и за тово шамана иноземцы тынгусы убили руских людеи шестьдесят члвкъ. Сказ. манг. воев. Борят., 66, 1643 г.

24. Взяли аманатких жељз которыми жељзы скованы были в зимовъ **аманаты** ключи сильно и **аманатов** расковывал. Сказ. манг. воев. Борят., 69, 1643 г.

25. Сидѣли мы в Красноярском острогѣ в **аманатах** попеременно. Челоб. кач. и аринск. князц., 414, 1654 г.

26. А сам онъ Дмитреи вновь гсдрю не служивал и аманатов не имывал. Челоб. Хаб., 668, 1654 г.

27. А толко бы он Дмитреи того аманата не отпустил и гсдрю болши б того казны собралос и впред бы стало збиратца. Челоб. Хаб., 672, 1654 г.

28. А он Дмитреи ничего гсдрю добра не здѣлаа а вновь лутчево аманата отпустил именем Лаптая. Челоб. Хаб., 672, 1654 г.

29. А я... того аманата взял для подтверждения всеи Даурской земли потому что тово Лаптая все слушают. Челоб. Хаб., 672, 1654 г.

30. А башня пробѣжая потому высока построена для приѣзу всяких иноземцов и аманатов и обходы учинены для караулу. Спис. гор. нов. Манг., 129, 1673 г.

31. Для иноземских росходов в чемъ въ ясачных зимовях аманатомъ есть варить отдано два комла краснои мѣди. Кн. зап. мен. манг., 109 об., 1700 г.

32. А у аманатовъ которых из ясачных зимовеи в Мангазѣю в аманатъх привозят [иманы] скаски ж за их иноземческими знамены. Смета перечн. манг., 162, 1704 г.

Словарная статья:

АМАНАТЬ (ОМАНАТЬ, ОМОНАТАТЬ), м. Заложник. Во 136-м году аринскіи кнзець Татуш <...> вину свою покрыл и в оманаты сына своего дал. Отп. красн. воев. Дуб., № 249, 1628/29 г. Отдана та чел и замок аманатов ковами. Кн. там. манг. 138, 289 об., 1630 г. Взяли в оманаты за великою дракою и за кровю <...> лутчих братцких людеи <...> и за тѣми аманаты ясаку прибыл будет немала. Отп. ен. воев. с чел., 3, 1635 г. И взяти из них в омонаты иноземцов лутчих людеи князеци и детеи их сколко члекъ мочно чтоб за тѣми аманаты гсдрвъ ясакъ имати было мочно по вся годы. Наказ Горем. манг. 149, 242, 1641 г. А я того аманата взял для подтверждения всеи Даурской земли потому что тово Лаптая все слушают. Челоб. Хаб., 672, 1654 г. А у аманатов которых из ясачных зимовеи в Мангазѣю привозят иманы скаски за их иноземческими знамены. Смета переч. манг., 162, 1704 г.

С и д е т ь в а м а н а т ь – быть в заложниках. И тепѣречи та княгинка в Красном острогѣ сидит в аманатах. Челоб. красн. каз. 138, 43, 1630 г. Сидѣли мы в Красноярском острогѣ в аманатах попеременно. Челоб. кач. и аринск. кнзц., 414, 1654 г.

АНБУРСКИЙ

Материалы картотеки:

1. Половинка сукна анбурского большая цена двадцать восемь рубльевъ половинка сукна анбурская середняя цена двадцати два рубли. Тов. цен. росп., 36-36 об., 1649 г.

2. Сукня анбурская с круживом мишурнымъ цена пять рублей. Тов. цен. росп., 47, 1649 г.

3. Половинка сукна красная анбурская. Сб. проезж. ен., 2, 1688 г.

4. Двадцат пять анбурских половинокъ. Сб. проезж. ен., 14, 1689 г.

5. Три половинки сукон анбурскихъ. Сб. проезж. манг., 62-а, 1690/91 г.

6. Двѣсти аршин покромеи анбурскихъ. Кн. отп. ен. сент. 206, 48 об., 1700 г.

7. Да ис тѣх же половинок анбурских сошито въ Енисѣйску двадцатеры чюлки. Кн. отп. ен. янв. 469 об., 1700 г.

8. Полторы половинъки сукна анбурского в остаткахъ. Кн. отп. ен. янв., 479 об., 1701 г.

Словарная статья:

АНБУРСКИЙ (-ОЙ), прил. Гамбургский. Половинка сукна анбурского большая цена двадцать восемь рублей половинка сукна анбурская середняя цена двадцати два рубли. Тов. цен. росп., 36-36 об., 1649 г. Три половинки сукон анбурскихъ. Сб. проезж. манг., 62-а, 1690/91 г. Да ис тѣх же половинок анбурских сошито въ Енисѣйску двадцатеры чюлки. Кн. отп. ен. янв. 469 об., 1700 г. Полторы половинъки сукна анбурского в остаткахъ. Кн. отп. ен. янв., 479 об., 1701 г.

Таким образом, формирование иллюстративного отдела словарной статьи требует от составителей региональных словарей большого внимания к собранному в картотеке материалу и тщательного соблюдения теоретически обоснованных критериев отбора.

Литература

1. Чурмаева Н.В. О лексикографическом описании древнерусских обстоятельственных наречий // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы конференции. – Вып. 3: Теория и практика исторической лексикографии. М., 1975.

2. Христосенко Г.А., Любимова Л.М. Материалы для регионального исторического словаря нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. Вып. I (А-В). Чита, 1997.

3. Хитрова В.И. Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы для практических занятий. Вып. 1. М., 1987. Вып. 2. М., 1989.

4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.1. М., 1975.

5. Словарь языка мангазейских памятников XVII–первой половины XVIII в. / Автор и составитель Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.

6. Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография. (По материалам пермских памятников XVI–нач. XVIII в.). Пермь, 1990.
7. Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
8. Палагина В.В. Материалы для исторического словаря томского говора // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 3. Томск, 1975; Захарова Л.А. Томский исторический словарь XVII в. // Сибирские русские говоры. Томск, 1984; Чигрик Г.М. Материалы для исторического словаря кузнецких говоров XVII в. // Русское слово в языке и речи, вып. 2. Кемерово, 1977.
9. Городилова Л.М. Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. // Вопросы языкоznания. 1998, №3.
10. Городилова Л.М. Организация картотеки для регионального исторического словаря. Хабаровск, 1998.

М.И. Задорожный*

Ситуации смешные и не очень и их моделирование

В одном из вариантов широко распространенного сюжета о незадачливом глупце Ходжа Насреддин, встретив похоронную процессию, пожелал ей успехов и счастливого пути, за что и был поколочен с вразумлением, что надо было воздеть руки к небу и сказать: «Упокой, господи, душу усопшего». Запомнив этот урок, Насреддин в другой раз, но уже встретив свадьбу, так и поступил: воздел руки к небу и произнес заупокойное пожелание. И снова был поколочен с наставлением, что надо было не молиться за упокой, а танцевать и петь. Ходжа и это намотал себе на ус и, встретив по пути охотника, подстерегавшего зайца, принял петь и танцевать, но так разошелся, что спугнул зайца. Охотник надавал ему тумаков и втолковал, что идти надо было на цыпочках, то пригибаясь, то распрямляясь. Насреддин так и сделал, увидев пастуха с овцами. Овцы испугались и разбежались, а пастух тоже всыпал ему как следует.

Данный сюжет задан ситуативной рамкой (фреймом, сценарием) из четырех событий, каждое из которых сопровождается определенной реакцией на него реагента – главного героя и ответными действиями на эти реакции контрагентов – субъектов (вершителей) исходных событий.

* Михаил Иванович Задорожный – доктор филологических наук, профессор Орехово-Зуевского педагогического университета (Орехово-Зуево).

Его комичность состоит в том, что ни одно из исходных событий не сопровождается адекватной реакцией на него сквозного героя, не способного к самообучению и потому действующего не в соответствии с ситуацией, а вопреки ей.

Возникает вопрос: является ли этот вариант сюжета с представленными событиями и реакциями на них единственным, порождающим смеховой эффект, или есть еще какие-то с тем же либо, по крайней мере, приближающимися по уровню смеховым потенциалом? Чтобы ответить на него, необходимо, естественно, знать общее число всех теоретически возможных вариантов данного сюжета. Такая информация может быть получена путем комбинаторного моделирования на основе некоторых задаваемых или выводимых параметров и их значений (логических состояний), в качестве каковых в конкретном случае как раз и выступают соответственно упомянутые исходные события и реакции на них.

С учетом того, что исходных событий четыре (похороны, свадьба, охота на пугливого зверя, пастьба овец), на каждое из которых из-за неконтролируемости своих действий реагентом возможны четыре реакции последнего (пожелание успехов и счастливого пути, заупокойная молитва, шумное пение и танцы, отпугивающее перемещение), число таких вариантов равно 256 ($4^4 = 4 \times 4 \times 4 \times 4$) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Исходное событие			
I. Похороны	II. Свадьба	III. Охота на пугл. зверя	IV. Пастьба овец
Возможная реакция Насреддина			
1. Пожел. успехов и счастл. пути			
2. Заупокойная молитва	2. Заупокойная молитва	2. Заупокойная молитва	2. Заупокойная молитва
3. Шумное пение и танцы			
4. Отпугив. перемещение (пригиб. и распрымл.)			
$4 \times 4 \times 4 \times 4 = 256$			
64 16 4 1 ← Mi			
M1 M2 M3 M4			

В данном случае сюжет представлен комбинацией составляющих I (1), II (2), III (3), IV (4) (см. таблицу 2, где римскими цифрами обозначен номер исходного события, или параметра, а арабскими – номер реакции на него Ходжи Насреддина, т.е. значения параметра), иначе говоря, вариантом, находящимся в числе первых 64 вариантов (1–64) из 256, в числе вторых 16 вариантов (17–32) из 64, в числе третьей четверки вариантов (24–28) из 16 и являющимся четвертым по порядку в последней из названных совокупностей, т.е. вариантом №28.

Но в равной мере он мог быть представлен (см. таблицу 2) и комбинацией составляющих I (1), II (2), III (2), IV (1), иначе говоря, вариантом, находящимся в числе тех же первых 64 вариантов (1–64) из 256 и вторых 16 вариантов (17–32) из 64, но уже в числе не третьей, а второй четверки вариантов (21–24) из 16 и являющимся первым по порядку в этой четверке, т.е. вариантом №21.

Таблица 2

Вариант №28				Вариант №21				Вариант №23			
I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4

В такой же мере возможна и комбинация I (1), II (2), III (2), IV (3), отличающаяся от предыдущей только тем, что хотя формируемый ею вариант также находится во второй четверке (21–24), но является здесь по счету не первым, а третьим, т.е. вариантом № 23.

Номер той или иной комбинации признаков (составляющих) определяется по эмпирически установленной формуле:

$$\sum_{i=1}^n M_i m_{j-(n-i)+1},$$

где Σ – знак суммирования; n – количество параметров; i – порядковый номер параметра (нижний ряд цифровых символов от 1 до 4 в таблице 2 и нижние цифровые индексы, также от 1 до 4, при символе M в таблице 1); m – составляющая (значение) параметра; j (и соответственно m_j) – порядковый номер составляющей i -того параметра (вертикальные ряды, или столбцы, цифр в таблицах 1 и 2; в таблице 2 эти номера для конкретных комбинаций составляющих выделены полужирным шрифтом); M_i – вес составляющих i -того параметра, которому принад-

лежит данная (j -тая) составляющая, иначе говоря, количество мест, последовательно занимаемых ею в вертикальном ряду других составляющих этого же параметра при порождении (или, что то же самое, в составе порожденных) комбинаций (показатели двух последних строк таблицы 1).

В соответствии с этой формулой номера вариантов сюжета, задаваемых комбинациями составляющих I (1), II (2), III (3), IV (4), а также I (1), II (2), III (2), IV (3) и I (1), II (2), III (2), IV (1), были определены следующим образом:

$$M_1(m_1-1) + M_2(m_2-1) + M_3(m_3-1) + M_4(m_4-1) + 1 = 64 \cdot 0 + 16 \cdot 1 + 4 \cdot 2 + 1 \cdot 3 + 1 = 0 + 16 + 8 + 3 + 1 = 28;$$

$$M_1(m_1-1) + M_2(m_2-1) + M_3(m_2-1) + M_4(m_3-1) + 1 = 64 \cdot 0 + 16 \cdot 1 + 4 \cdot 1 + 1 \cdot 2 + 1 = 0 + 16 + 4 + 2 + 1 = 23;$$

$$M_1(m_1-1) + M_2(m_2-1) + M_3(m_2-1) + M_4(m_1-1) + 1 = 64 \cdot 0 + 16 \cdot 1 + 4 \cdot 1 + 1 \cdot 0 + 1 = 0 + 16 + 4 + 0 + 1 = 21.$$

Разработана также процедура определения комбинации по ее номеру, несколько напоминающая перевод систем счисления высших порядков в низшие, например десятичной в двоичную, где важную роль играют частные и остатки от последовательного деления десятичного числа на 2. Но на этом аналогия кончается, так как при переводе десятичного числа в двоичное последнее формируется остатками, записываемыми в обратном порядке. При переводе же номера в комбинацию последняя формируется, причем не в обратной, а в прямой последовательности, как раз частными, округляемыми, если они дробные, до ближайшего большего целого числа. Остатки (разности между делимыми и произведениями делителей на характеристики, т.е. целые части, частных) служат при этом в качестве делимых (остатком можно считать и сам задаваемый номер как разность между ним и никаким, т.е. нулевым, исходным остатком). Делителями же являются соответствующие M_i , т.е. веса составляющих очередного параметра (см. две последние строки таблицы 1).

Вот как выглядит, например, установление вида комбинации, соответствующей №21:

$$1) 21: 64 = 0,3 = 1; d \text{ (остаток)} = 21 - (64 \cdot 0) = 21;$$

$$2) 21: 16 = 1,3 = 2; d = 21 - (16 \cdot 1) = 5;$$

$$3) 5: 4 = 1,3 = 2; d = 5 - (4 \cdot 1) = 1;$$

$$4) 1: 1 = 1; d = 1 - (1 \cdot 1) = 0.$$

Следовательно, №21 – это последовательность составляющих I (1), II (2), III (2), IV (1), полностью идентичная той, которая зафиксирована под этим номером в таблице 2.

Эта процедура, которая в принципе может быть изображена и символически, т.е. в виде аналитической формулы, также представляет не-

сомненный интерес, например, когда нет необходимости или возможности произвести полное исчисление комбинаций, но нужно иметь представление о какой-то комбинации, причем не первой попавшейся, не случайно выбранной, а конкретной или хотя бы локализованной в достаточно определенных рамках комбинационного пространства.

Как уже отмечено, общее количество возможных вариантов данного сюжета установлено прежде всего с учетом того, что исходных событий четыре (похороны, свадьба, охота на пугливого зверя, пастьба овец), на каждое из которых из-за неконтролируемости своих действий реагентом возможны четыре же реакции последнего (пожелание успехов и счастливого пути, заупокойная молитва, шумное пение и танцы, отпугивающее перемещение), почему оно и равно 256 ($4^4 = 4 \times 4 \times 4 \times 4$).

Таблица 3

Исходное событие							
I. Похороны		II. Свадьба		III. Охота на пугл. зверя		IV. Пастьба овец	
Реакц. Наср.	Отв. реакц.	Реакц. Наср.	Отв. реакц.	Реакц. Наср.	Отв. реакц.	Реакц. Наср.	Отв. реакц.
1.Пожел. успех. и сч. пути	1.Пол. 2.Отр.	1.Пожел. успех. и сч. пути	1.Пол. 2.Отр.	1.Пожел. успех. и сч. пути	1.Пол. 2.Отр.	1.Пожел. успех. и сч. пути	1.Пол. 2.Отр.
2.Заупок. молитва		2.Заупок. молитва		2.Заупок. молитва		2.Заупок. молитва	
3.Шум- ное пение и танцы		3.Шум- ное пение и танцы		3.Шум- ное пение и танцы		3.Шум- ное пение и танцы	
4.Отпуг. перемещ.		4.Отпуг. перемещ.		4.Отпуг. перемещ.		4.Отпуг. перемещ.	
$4 \times 2 \times 4 \times 2 \times 4 \times 2 \times 4 \times 2 = 4096$							
1024 512 128 64 16 8 2 1							
$M_1 M_2 M_3 M_4 M_5 M_6 M_7 M_8 \leftarrow M_i$							

Но на действия реагента возможны также как минимум две реакции контрагентов: положительная или хотя бы нейтральная (например, благодарность, поощрение в случае адекватности реакции реагента) и отрицательная (например, выражение в той или иной форме неудовольствия, порицания в случае неадекватной реакции реагента на событие), с учетом чего количество вариантов сюжета увеличивается в 16 раз и оказывается равным 4096 (см. таблицу 3).

При этом исходный сюжет становится представленным не комбинацией I (1), II (2), III (3), IV (4), а, естественно, комбинацией I (1-2), II (2-2), III (3-2), IV (4-2) (см. таблицу 4, где, как и в таблице 2, римскими цифрами обозначен номер исходного события, а арабскими – номера реакций на него Ходжи Насреддина и контрреакций «оппонентов» Ходжи; «выпавшие» номера выделены полужирным шрифтом), иначе говоря, вариантом, находящимся в числе первых 1024 вариантов (1–1024) из 4096, в числе вторых 512 вариантов (513–1024) из 1024, в числе вторых 128 вариантов (641–768) из 512, в числе вторых 64 вариантов (705–768) из 128, в числе третьих 16 вариантов (737–752) из 64, в числе второй восьмерки вариантов (745–752) из 16, в числе четвертой двойки вариантов (751–752) из 8 и являющимся вторым по порядку в последней из названных совокупностей, т.е. вариантом №752.

Таблица 4

Вариант № 752				Вариант № 1245			
I	II	III	IV	I	II	III	IV
1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1
2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2
3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4
1 2	3 4	5 6	7 8	1 2	3 4	5 6	7 8
Вариант № 677				Вариант № 678			
I	II	III	IV	I	II	III	IV
1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1	1 1
2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2	2 2
3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4
1 2	3 4	5 6	7 8	1 2	3 4	5 6	7 8

Но в равной мере он мог быть представлен (см. таблицу 4) и комбинацией составляющих I (2–1), II (2–2), III (2–2), IV (3–1), иначе говоря, вариантом, находящимся, в отличие от вышеупомянутой канонической (зафиксированной академическим изданием) комбинации, в числе не первых, а вторых 1024 вариантов (1025–2048) из 4096, в числе первых 512 вариантов (1025–1536) из 1024, в числе вторых 128 вариантов (1153–1280) из 512, в числе вторых 64 вариантов (1217–1280) из 128, в числе вторых 16 вариантов (1233–1248) из 64, в числе второй восьмерки вариантов (1241–1248) из 16, в числе третьей двойки вариантов (1245–1246) из 8 и являющимся первым по порядку в последней из названных совокупностей, т.е. вариантом № 1245.

В такой же мере возможна и комбинация I (1–2), II (2–1), III (3–1), IV (3–2), формирующая вариант № 678.

Еще один вариант сюжета, а именно № 677, представленный комбинацией I (1–2), II (2–1), III (3–1), IV (3–1) и отличающийся от предыдущего лишь одной деталью – положительной реакцией пастуха на действия Насреддина, интересен тем, что в нем во всех ситуациях, кроме первой, Ходжу если не осыпают благодарностями, то, во всяком случае, не награждают тумаками.

В соответствии с вышеизложившейся формулой

$$\sum_{i=1}^n M_i m_{j-i(n_i)+1}$$

номера вариантов сюжета, задаваемых, например, комбинациями составляющих I (1–2), II (2–2), III (3–2), IV (4–2) и I (2–1), II (2–2), III (2–2), IV (3–1), были определены следующим образом:

$$M_1(m_1-1) + M_2(m_2-1) + M_3(m_2-1) + M_4(m_2-1) + M_5(m_3-1) + M_6(m_2-1) + M_7(m_4-1) + M_8(m_2-1) + 1 = 1024 \cdot 0 + 512 \cdot 1 + 128 \cdot 1 + 64 \cdot 1 + 16 \cdot 2 + 8 \cdot 1 + 2 \cdot 3 + 1 \cdot 1 + 1 = 0 + 512 + 128 + 64 + 32 + 8 + 6 + 1 + 1 = 752;$$

$$M_1(m_2-1) + M_2(m_1-1) + M_3(m_2-1) + M_4(m_2-1) + M_5(m_2-1) + M_6(m_2-1) + M_7(m_3-1) + M_8(m_1-1) + 1 = 1024 \cdot 1 + 512 \cdot 0 + 128 \cdot 1 + 64 \cdot 1 + 16 \cdot 1 + 8 \cdot 1 + 2 \cdot 2 + 1 \cdot 0 + 1 = 1024 + 0 + 128 + 64 + 16 + 8 + 4 + 0 + 1 = 1245.$$

Как и в первом случае, т.е. когда не учитывались реакции контрагентов, устанавливаются также и конкретные виды комбинаций признаков, соответствующие тому или иному номеру варианта сюжета, например № 1245:

- 1) 1245:1024 = 1,2 = 2; d (остаток) = 1245 – (1024·1) = 221;
- 2) 221:512 = 0,4 = 1; d = 221 – (512·0) = 221;
- 3) 221:128 = 1,7 = 2; d = 221 – (128·1) = 93;
- 4) 93:64 = 1,5 = 2; d = 93 – (64·1) = 29;
- 5) 29:16 = 1,8 = 2; d = 29 – (16·1) = 13;
- 6) 13:8 = 1,6 = 2; d = 13 – (8·1) = 5;
- 7) 5:2 = 2,5 = 3; d = 5 – (2·2) = 1;
- 8) 1:1,0 = 1 = 1; d = 1 – (1·1) = 0.

Следовательно, № 1245 – это последовательность составляющих I (2–1), II (2–2), III (2–2), IV (3–1), полностью идентичная той, которая зафиксирована под этим номером в таблице 4.

Более тонкая дифференциация реакций контрагентов, естественно, увеличит, и значительно, число вариантов сюжетной линии. В частности, только добавление к положительной и отрицательной реакциям еще и нейтральной увеличивает их (вариантов) число более чем в 5 раз (в

$5,0625$), составляющее в таком случае $4 \times 3 \times 4 \times 3 \times 4 \times 3 \times 4 \times 3 = 4^4 \times 3^4 = 256 \times 81 = 20736$.

Кроме того, все три типа этих реакций могут быть выражены как словесно, так и физически, а также одновременно и словесно, и физически.

Если даже не учитывать последнюю возможность (словесно-физическую), то и тогда число рассматриваемых вариантов значительно превышает 300-тысячную отметку ($4 \times 3 \times 2 \times 4 \times 3 \times 2 \times 4 \times 3 \times 2 \times 4 \times 3 \times 2 = 4^4 \times 3^4 \times 2^4 = 256 \times 81 \times 16 = 331776$). Учет же и такой возможности доводит это число до совершенно фантастических размеров в существенно более полутора миллионов, а именно: $4 \times 3 \times 3 \times 4 \times 3 \times 3 \times 4 \times 3 \times 3 \times 4 \times 3 = 4^4 \times 3^8 = 256 \times 6561 = 1679616$.

Вот где таится одна из неисчерпаемых возможностей художественного творчества! Поистине, как говорил наш великий классик, язык неистощим в соображении, т.е. в сопряжении, соединении понятий.

Следующий этап в исследовании проблемы – моделирование массового сознания, в частности реакций слушателей на сюжет нарратива (его восприятие ими как комического или, напротив, как лишенного этого свойства), – может быть осуществлен в направленном психолингвистическом эксперименте.

Психолингвистический эксперимент такого рода – очень сложная задача уже чисто технически, так как для оценки уровня комичности (некомичности) или, в несколько иной плоскости, остроумности (неостроумности), например, всего лишь 10-ти предъявляемых вариантов сюжета хотя бы 30-ю информантами при обеспечении независимости оценок потребуется не менее 300 испытуемых. Это тот минимум миниморум, который мог бы гарантировать относительную репрезентативность выборки, что, вообще-то, достигается, как показывают статистические расчеты, при условии привлечения к эксперименту не менее 50 респондентов по каждой экспериментальной позиции. Впрочем, вариант эксперимента без соблюдения требования независимости оценок в данном случае, как кажется, вообще невозможен ни физически, ни психологически, поскольку оценка одним и тем же информантам даже только 10 вариантов сюжета, подобных приведенному, крайне утомительна и потому ненадежна.

Еще более сложна ждущая своего решения задача выявления глубинных механизмов того, каким образом индивидуальный либо коллективный творец смешного, не прибегая – это очевидно – к полному перебору всех возможных вариантов сюжета, выходит на один-единственный, характеризующийся максимальным комическим эффектом.

Категория вида в русском языке (исторический аспект)

Известно, что все, в том числе и язык, развивается по законам, но почти за столетнюю историю существования исторической науки о языке законы развития грамматики (морфологии и синтаксиса) не раскрыты. Дело в том, что грамматический знак двусторонен, обладает содержанием, значением и материальной формой его выражения, то и другое подчиняются разным законам развития, и здесь важно найти основание, которое или которые стали базовыми для закона развития грамматического знака. Так, например, в фонетике многочисленные регулярно повторяющиеся явления младограмматиками были названы историческими законами развития, а оказалось, что в большинстве своем это были процессы всего трех законов (закон открытого слога, закон смягчения согласных и закон падения редуцированных гласных, каждый с определенным набором процессов от четырех до двух десятков), «золотым сечением» которых стали или сочетания звуков речи (закон смягчения согласных), или положение звуков речи в слоге (закон открытого слога), или в слове (закон падения редуцированных гласных) – это и стало тем, что объединило множество процессов в исторические законы развития фонетики, каждый из которых имеет свое основание и то, что все эти законы объединяет в определенную систему.

Для того, чтобы законы развития грамматики могли быть сформулированы, на первых этапах их поиска необходимо выявить *тенденции* развития грамматического знака или еще лучше выявить процессы развития, которые со временем могли быть объединены в законы развития.

Какие тенденции развития отражает категория вида у глагола?

Известно, что каждая часть речи развивается по четырем направлениям: а) формируется семантический объем части речи; б) формируется категориальный корпус у части речи; в) каждая часть речи вырабатывает свою систему словообразования и формообразования; г) каждая часть речи имеет свою (главную и второстепенную) синтаксическую функцию.

А. Каждая из частей речи формирует свою семантику, возникает, например, обобщенное понятие предметности (существительное), процессуального признака (глагол), пассивного признака (прилагательное) и др. У каждой части речи возникают вновь или исчезают семантические классы – основа семантического содержания части речи. В семантических классах что-то появляется вновь, что-то исчезает, происходит

движение в семантическом классе, возникают неологизмы, архаизмы, историзмы и т.д.

Основанием семантического содержания частей речи в системе знания является система оппозиций: предмет-признак (существительное + глагол), предмет-признаки (существительное + глагол + прилагательное + причастие), признак-признака (глагол + наречие + деепричастие) и т.д. Местоимение, например, не вписывается в эту систему оппозиций, оно обозначает, имеет своим содержанием указывать на отношение к предмету или признаку; оно или начинает новую систему оппозиций или начало тупиковой ветви развития; поскольку оно вне оппозиции, оно не имеет своих категорий (кроме семантических классов: личные, указательные, относительные...), а соответственно своего словообразования и формообразования, их формы стали материальным источником формообразования спрягаемых форм глагола, полных прилагательных.

Б. Каждая часть речи развивает свою систему категорий, которые отражают или что-то в сущности их семантического значения, или их функций. Так, у существительного своими категориями являются род, число, падеж, категория одушевленности, у глагола – вид, наклонение, время, лицо, залог; категории рода, числа зависят от этих же категорий у имени.

Категория вида, или аспектуальности, имеет своим содержанием качество протекания («характеров» и «способов») процессуального (активного) признака и таким образом является категорией, углубляющей семантическое содержание глагола.

В лингвистической литературе фигурируют три точки зрения на сущность категории вида: самым распространенным является положение о грамматическом его характере, согласно которому видеообразование – это формообразование в пределах одной глагольной лексемы (Виноградов В. В., Серебренников Б. А., Панфилов В. З., Жукова А. Н., труды по аспектологии Е. А. Земской, И. П. Мучника, Ф. Копечного и др.); взгляд на вид как на лексическую категорию (Дурново Н. Н., Сидоров В. Н., Поливанов Е. Д., Кошмидер Э. и др.); у современных аспектологов взгляд на вид как на лексико-грамматическую категорию (Маслов Ю. С., Бондарко А. В., Смирнов Л. Н., Авилова Н. С. и др.) – все эти определения носят частный характер, в них не представлена категория вида, как единство содержания и формы, средства материального выражения его. С нашей точки зрения выделение видовой пары (глаголы совершенного-несовершенного вида) не отражает сути дела. Если смотреть на вид, как на качество протекания процессуального, активного признака, то *видов столько, сколько этих качеств*: читать – читывать – почитывать, прочитать – читнуть и т.д. Ни одно из употребляемых здесь морфологических

* Александра Ивановна Иванова – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

средств не может быть признано единственным однофункциональным, даже суффикс -ну- (толкнуть и сохнуть).

Если речь вести о совокупности видовых значений (способов и характеров действий), то в языке они накапливались, а вместе с этим формировалась и система материальных средств их фиксирования.

В современной исторической лингвистике происхождение объема содержания категории вида (его семантического поля) и хронология системы материальных средств ее выражения не рассматриваются совсем или в большинстве случаев исследуют историю видо-временной системы, тогда как это две разные системы с принципиально разными основаниями их содержания и разными материальными средствами их выражения.

Современный вид глагола за очень длительную историю своего существования сформировал богатейшее семантическое поле (семь основных характеров действия и около тридцати способов действия), которое разнообразно характеризует сам процессуальный (активный) признак – главный признак субъекта. Приемы познания способствовали разносторонне проникнуть в существо активного признака и сделать содержание его объемным.

Категории вида и времени пересеклись единожды на уровне материальных средств их выражения, отражая определенную тенденцию их функционирования. Дело в том, что каждое вновь возниквшее значение (содержание категории и сама категория) на первом этапе своего существования не имеет собственных средств выражения, потому что в языке свободных от значения форм не существует, поэтому всякое новое значение внедряется в уже имеющуюся для какого-то значения и форма (материальное средство) становится многофункциональной (это стало тенденцией ее существования и развития). Категория глагольного времени в системе темпоральности занимает определенное место и возникла тогда, когда было осознано ее основание: актуализация процессуального признака к моменту речи говорящего: в объеме содержания категории темпоральности выделяем три единицы (располагаем их по степени абстрагирования и по той же степени внутри каждой):

а) *физическое* (астрономическое), лексическое время. Основанием является вращение земли вокруг солнца и своей оси: осень, зима; утро, полдень; движение от размытых границ временного отрезка к точным очертаниям его: 5 минут, год; трехступенчатой оппозиции времени: вчера – сегодня – завтра, тогда – сейчас – потом; общему временному понятию: всегда, когда, время. Описательное (по деталям) время:...грачи улетели, лес обнажился, поля опустели, только не ската полоска одна... –

поздняя осень. Крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь, его лошадка, снег почужа, несется... – зима;

б) грамматическое время. Основанием являются разные типы *отношений*: *не_ел с утра* (сопровождение процессуального признака признаком с временным (физическим) содержанием); *дом стоял* (стоит, будет стоять) в переулке (отношение процессуального признака с моментом речи говорящего, актуализируется одно из трех временных признаков глагола *только в изъявительном наклонении*: приходи к нам в гости *тогда*, когда все будут дома (корреляция *тогда* – когда отражает временные отношения двух событий);

в) *философское* время. Основанием является взаимодействие категорий: времени и пространства, времени и движения и др.

Пересечение категорий вида и грамматического времени произошло на уровне средств выражения тогда, когда, кроме инфинитива, стало формироваться и изъявительное наклонение, тогда появилось не только временное значение у процессуального признака, но и *спряжение, лицо* говорящего, к которому или от которого актуализировалось временное значение процессуального признака.

Формы лица, спряжение у глагола стали развиваться самостоятельно из избыточных местоименных средств. Избыточность эта возникла как следствие развития в семантическом содержании местоимения понятия «любой», сделавший детальную конкретизацию местоименного обозначения предмета или признака, *по отношению* к которому стало выступать местоимение, *избыточной*.

Поскольку видовое значение свойственно самой сущности процессуального (активного) признака, поскольку оно должно с неизбежностью присутствовать (сопровождать) значение любой собственно глагольной категории, в том числе и в формах категории времени, хотя несколько и специализировано, например, глагол настоящего времени только несовершенного вида, глагол будущего простого только совершенного (читаю – прочитаю, несу – ношу – принесу). Градация всех видовых значений на оппозицию совершенного – несовершенного вида условно и не отражает, естественно, всего спектра видовых значений: несу – однократное, однонаправленное действие, ношу – многократное, разнонаправленное, крикну, мигну – очень короткое, мгновенное; строю – статальности, наговорю – кумулятивности; начитаюсь – сатуративности; аккомпанирую – комитативности; приоткрою – смягчительности и мн. др.

В задачу исторической науки о языке входит определение не только всего набора видовых значений, но и выявление хронологии их возникновения, построение исторической парадигмы этих значений. Пока

эта сторона истории категории вида совершенно нигде не затронута. Некоторую помощь в решении этой задачи может оказать построение хронологии формирования системы **средств выражения видовых значений**. Очень коротко, схематично ее можно представить в следующем виде:

- 1) интонация (музыкальное, тоническое ударение) и долгота (4 степени) гласных корня;
- 2) чередование гласных в корне;
- 3) суффиксальный период; на этом уровне развития видовых значений возникло время;
- 4) префиксальный период;
- 5) силовое, динамическое и свободное ударение в слове;
- 6) новые суффиксы (-ыва, -ива, -ироваться и др.);
- 7) фразовая интонация и др.

I. Именные корни, обозначающие процесс (типа: бег, ход, съпн и др.), стали выступать в функции признака – предиката и приобрели суффиксальный детерминант типа – t (бъг+ти, ход+ти, съпн+ти и т.д.), возник глагол, но в корне продолжали действовать и процессы, свойственные корням имени. В компаративистике проблеме древнего корня уделялось в прошлом и уделяется сейчас большое внимание, изучается первоначальный вид корня, его состав, увеличение состава корня за счет аффиксации, сращивания корней в один, чередование гласных в корне и т.д.

Поскольку первоначально корней было не очень много, поскольку человек искал способы увеличения его именной функции. Для этой цели использовали интонацию гласных корня. Сколько тонов и каково их качество в древнем (индоевропейском) корне было сейчас сказать трудно, ни один из современных индоевропейских языков этой интонации гласных в корне не сохранил. Было ли это что-то похожее на четыре тона китайского языка или семь тонов вьетнамского? Или эта музыкальная система гласных была совсем другой? Но факт существования ее вероятен. В компаративистике же исследуются типы только *словесного* ударения у имен и глаголов.

II. Чередование гласных в корне. Для праязыкового корня в компаративистике установлена схема чередования e: o: нуль. Сущность аблauta, таким образом, заключается в системе количественных (степени долготы) и качественных чередований гласных сначала корневых, а затем и суффиксальных морфем. Наиболее распространенным типом качественного чередования является чередование e/o [нес-ти – нос-ти; вез-ти – воз-ти]. Количественное чередование постепенно достигает четырех степеней: ъ (сверхкраткий), о (краткий), о (долгий), oi (дифтонг, сверхдолгий): ъ – о – о – oi. Удлиняется и ряд качественных чередований: e/o + o = a: нести – ности – наливать; ходти – хаживать. Современный рус-

ский язык дифтонгов не знает, произошла их монофонизация по закону открытого слога. Возникнув как явление фонетического порядка, аблaut приобрел и функции морфологического значения. В системе разных индоевропейских языков различные ступени аблauta одного и того же корня могли дать начало слову с новым значением или иным видовым значением того же корня.

III. Даже после изменения в системе ударения, переход к динамическому (силовому) ударению, и после удлинения рядов чередующихся гласных в корне язык оказался в затруднительном положении, этих средств, видимо, оказалось недостаточно для закрепления вновь формирующихся в системе познания человеком в картине окружающего его мира все новых и новых качественных характеристик активного, глагольного признака, появилась потребность в качественно новом средстве, и таким средством стал *суффикс* (по происхождению тоже корень, возник новый прием слово- и формообразования – словосложение).

Наряду с древнейшими суффиксами типа носити, ходити, дыш(ъ)ати были новые суффиксы трех типов для обозначения, например, разных оттенков совершенного вида: аорист простой (несть, рекъ); *сингматический* с темой о (несохъ, рекохъ); *сигматический* аорист с продлением корневой гласной, но без темы о (нъс + s + ъ = нъсь, рък + s + ъ = ръхъ). Не останавливаем внимание читателей на фонетических изменениях на стыке морфем. Имперфектный суффикс -ъ- образовал глагол несовершенного, многократного вида, обозначал действие как процесс, в его течении, без отношения к его началу или завершению. Темы о/e/ je/ (н)e/ и настоящего времени, как всякие суффиксы эпохи до возникновения более поздних категорий, были средством выражения видовых значений, имели, возможно, более полный набор звуков, поскольку любой аффикс по происхождению корень = знаменательное слово, но в результате фонетического взаимодействия со звуками корня, с одной стороны, и со звуками показателями лица, с другой стороны, в результате процесса компрессии звуков в слове внешний вид и состав суффикса изменился и упростился вследствие действия фонетических процессов на стыках морфем.

На этом уровне обозначения качественных различий активного признака в системе познания сформировалось соотношение этого же признака с моментом речи говорящего, но специальных средств для фиксации этого соотношения в языке не было, и оно наложилось, совместилось с теми видовыми суффиксами, которые потом в науке получили названия аористных и имперфектных – для обозначения активного признака, предшествующего моменту речи (прошедшему времени), разнообразие их форм не обозначало временных различий, осознание этого

в дальнейшем привело к исчезновению этих форм как временных; с течением времени появилась специализированная форма: читаль, а, о есмь, которая, в свою очередь, упростилась до одной причастной лексемы, утратив вспомогательный глагол, который тоже, кроме прочего, выполнял видовую функцию, указывал на результативность прошлого действия в настоящем.

Совмещение значений (вида и времени) в одной форме долго продолжаться не может, одно из значений может быть утрачено, поэтому как для значения времени, так и для значения вида начался поиск новых средств выражения.

IV. На помощь виду пришел *префикс*, который стал мощным средством не только слово-, но и формообразования; закачавшийся было вид устоял. Префикс оказался более экономным, чем громоздкие спрягаемые аористные и перфектные образования для выражения разнообразных видовых значений в возобладавшей единственной форме прошедшего времени: читал – прочитал – дочитал – зачитал – прочитывал – читнул и т.д.

V. Всякое появившееся в языке новое средство приспособливалось и для выражения видовых значений или как синонимичное, или единственное, так стало и с изменением в системе акцентологии слова; динамическое, силовое разноместное (не прикрепленное к определенному слогу в слове: как во французском языке к последнему, в польском – ко второму от конца слова и пр.) в восточнославянских языках стало заметным средством видовых различий в глаголе: засыпать – засыпать (яму).

VI. В новое время (в XV в.) появился суффикс -ыва- (-ива-) для обозначения многократности глагольного действия: читывал, сказывал вместо имперфектных образований; суффикс -ирова-ть (из французского с XVIII в.) пока еще не специализирован по видовому признаку (теграфировать, инструктировать – двувидовые глаголы).

VII. Не часто, но все-таки используется для обозначения видового различия в глаголе фразовая интонация: казнить – нельзя помиловать; казнить нельзя – помиловать.

Итак, глагольный вид за длительную историю своего существования накопил целую систему средств выражения, однажды он сильно заколебался, когда в системе материальных средств выражения был как бы «вырван бок», суффиксы стали быть двуфункциональными, но глагол справился с этой напастью, выстоял, хотя и не очень скоро. Вид и время все время стремились обособиться, разорвать совмещение значений в одной форме.

Но в индоевропейском пражзыке префиксальные образования были чрезвычайно редки. Время, хотя и сформировало парадигму спряжения, актуализируя лицо говорящего и слушающего, но самостоятельной, оригинальной временной глагольной формы еще не сумело отработать, и пришло это нескоро. Причастие с суффиксом -л- (читаль, пахаль) возникло, как и всякое причастие, при определенных обстоятельствах в жизни (функционировании и развитии) глагола.

На каком-то этапе (уже в индоевропейском пражзыке) стали возникать переходные глаголы, зарождались залоговые отношения между субъектом и объектом: активный признак – предикат вступал в отношения между ними: пахарь – *пахал* – поле, предикат двунаправлен: субъект транспортирует свой процессуальный признак объекту; возникла «идея», возможность иметь объекту при себе предикат. Но глагол к этому времени сформировал все значения и средства их выражения для связи только с субъектом, и тогда в функции предиката при объекте глагол стал приобретать специальные показатели залоговых, временных, видовых значений, а чтобы быть связанным с именным объектом он стал приобретать еще и именные средства связи с ним (род, число, падеж) и превратился в *причастие*. Возникшее причастие сделало категорию времени (читаль есмь) абсолютно независимой формально от видовых значений глагола, возникла оригинальная временная оппозиция (читаль есмь – читаю), которая окончательно развела эти две категории.

Появление причастия в функции предиката при объекте имело серьезное последствие в развитии сложного предложения, появился один из двух путей (распад простого предложения с двумя предикативными центрами: S + P, O + P (причастие)) развития сложного предложения.

Видо-временной системы в современном русском языке не существует, существуют две самостоятельные системы со своим набором единиц (объемом) содержания, значения категорий и своих средств выражения этих категорий. А совмещение значений в одной форме на определенном этапе их существования свидетельствует об определенной тенденции функционирования языковой формы (материальных средств выражения грамматических значений). Видовые значения занимают определенное место в системе категории качества в ее семантическом поле [темнота, темный, темнеть – потемнеть, темнеющий, затемненный].

Итак, за долгую историю существования вид накопил разнообразные (морфологические, лексические, синтаксические и др.) средства выражения очень большого объема содержания категории. Задача историков языка выстроить хронологию его (объема содержания категории), т. е. выстроить историю его развития.

*И.М. Камова, И.В. Блинова**

«УМ» vs. «MIND» в русском и английском языках:
неуниверсальность фундаментальных
человеческих способностей

В своей книге «Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте» Анна Вежбицкая замечает: «Никакое убеждение не является столь устойчивым в исследовании человеческих эмоций, как вера в то, что их можно свести к небольшому числу универсальных и врожденных эмоций, свойственных всем («нормальным») людям» [1, с. 503]. Далее она показывает на примере ряда эмоциональных концептов, что способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык. В этой связи представляется интересным сравнить другие фундаментальные способности человека, такие как «ум» в русском языке и «mind» в английском; и мы предполагаем, что эти концепты также являются лингвоспецифичными для обеих культур.

Ближайшими переводными эквивалентами слова *mind* в русском языке являются такие слова, как *ум, разум, рассудок, интеллект*. Однако, хотя фокусы употребления английского и русских слов совпадают, диапазоны их употребления различны, а следовательно, различны и значения этих слов. По определению словаря, «Ум, разум, рассудок, интеллект – способность человека думать и понимать или невидимый орган, с помощью которого человек думает и понимает и который находится в верхней части головы, в области лба и висков» [2]. Определение отражает диффузность значения этих слов. Так, в контексте Умом этого не понять нельзя со всей определенностью сказать, имеется ли в виду неэффективная работа органа или недостаток способности понять. Аналогичная ситуация возникает при интерпретации и других выражений со словом *ум*.

В русском языке «ум» – это тот невидимый орган, который отвечает за мыслительную деятельность. Это вершина в иерархии систем в организме человека: с помощью воли и совести «ум» регулирует не только мышление, но и всю деятельность человека. В семантике русского слова *ум* можно выделить два основных компонента значения: спо-

* Ирина Михайловна Камова – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
Ирина Владимировна Блинова – студентка (5 к.) Алтайского государственного университета (Барнаул).

собность думать и понимать и соответствующий орган и противопоставленность чувству. Значение способность думать и понимать и соответствующий орган не нуждается в доказательстве: умный, ясный ум, блестящий ум – говорят о мыслительных способностях. Существование оппозиции *голова – сердце*, посредством которой в русской языковой модели человека выражается противопоставление рационального и эмоционального, неоднократно отмечалось в лингвистической литературе (см.: например [3; 4]). Аналогичная оппозиция наблюдается и между соотносительными нематериальными сущностями *ум – чувство*. Как уже отмечалось, в наивной языковой анатомии «ум» вместе с силами воли и совести контролирует всю жизнедеятельность человека, в том числе и его чувства. Пока «ум» как орган работает исправно, чувства не могут взять верх, они в подчинении у «ума». Но часто бывает так, что «ум» теряет власть над чувствами и они овладевают человеком. Одновременно функционировать на равных «ум» и *сердце* не могут, между ними нет взаимодействия, только борьба: любить без ума, сходить с ума, быть без ума значит испытывать сильные чувства, свести с ума – лишить ума, заставив испытывать сильные чувства. При этом в оппозициях *ум – чувство, голова – сердце* левые части оппозиций часто оцениваются негативно. В русской языковой картине мира излишняя рассудительность не приветствуется, что следует из того богатства отрицательных коннотаций, которые свойственны словам с корнями *ум- и голов-* и синонимичным им словам: *умник, умничать, умствование* «ненужное размышление» (неодобр.), *головной* – «идущий от головы, сухой». Ум противопоставляется не только чувству, но и опыту человека. Поэтому деятельность «ума» представляется как бы оторванной от жизни, реальности: *умозрение* – «абстрактное, не основанное на опыте рассуждение», *умственный* – «мыслительный, часто не связанный с действительностью», *рассудочный* – «односторонний, добытый отвлеченным путем».

Итак, «ум» в русской языковой анатомии – это способность думать и понимать (и соответствующий орган мышления), которая противопоставлена чувству. Анализ русского концепта «ум» обнаруживает следующие особенности: 1) изолированность мышления от духовной, эмоциональной и эмпирической жизни человека; 2) наличие противопоставления «ума» чувству, при котором «ум» оценивается негативно. Эти особенности русского концепта «ум» хорошо соответствуют некоторым семантическим характеристикам русского языка, на которые указывала Анна Вежбицкая, а именно: эмоциональности, т.е. ярко выраженному акценту на чувствах, и иррациональности (или «нерациональности»), т.е. подчеркиванию ограниченности логического мышления, логического знания и пониманию непостижимости и непредсказуемости жизни [5,

с. 33, 34]. Иррациональность как свойство русской ментальности Анна Вежбицкая объясняет как характеристику восточного мышления вообще, противопоставляя Россию Западу: «Характерное для Запада подчеркивание в человеке разумного начала обычно связывают с особым вниманием, которое Запад всегда уделял свободной воле и активной деятельности отдельного индивида. В то же время недоверие русских к логическому мышлению, человеческому знанию и «тирании разума» сопряжено, видимо, с тем значением, которое Восток придает ограничениям человеческой воли и власти» [5, с. 36]. Таким образом, русский концепт «ум» так же, как и русское «авось», очень точно отражает преобладающую в русской культуре тенденцию рассматривать мир как «совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению». «Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» [5, с. 79].

Английское слово *mind* имеет более широкий диапазон употреблений, означая: 1) способность думать и понимать и соответствующий орган, 2) способность запоминать и удерживать в памяти и соответствующий орган, 3) способность чувствовать и желать и соответствующий орган. Слово *mind*, как и русское слово *ум*, имеет диффузную организацию значения, обозначая в различных контекстах «то ли способность..., то ли невидимый орган, отвечающий за эту способность». *Mind* как способность думать и соответствующий орган представлен в следующих выражениях: *come to mind* – прийти на ум, *no two minds think alike* – букв. никакие два ума не думают одинаково, *poison smb's mind* – развать ум, *set mind on smth* – «зациклиться», думать об одном и том же. Здесь *mind* как нематериальный орган является вместилищем мыслей; ср. в русском: *прийти на ум, в уме, из ума вон*. Значение *mind* как способность запоминать и соответствующий орган памяти, не являясь первым в современном употреблении слова, исторически является исходным: английское *mind* восходит к индоевропейскому *men/ *mon «вспоминать, думать» [6]. И это значение сохранилось в языке: *bear in mind* – помнить, *put one in mind of* – напомнить, *pass out of one's mind* – забыться и т.п. Здесь *mind* представлен как вместилище информации, подобно русской *памяти*. Значение *mind* как способность чувствовать и соответствующий орган является вторичным и развивается позже, чем первые два. «*Mind*» включает чувства, заботу о ком-либо, сердечность: *mindful* – внимательный, заботливый, *minder* – человек, заботящийся о ком-либо, *what's on your mind?* – что вас тревожит? *Mind* часто упоминается в свя-

зи с любовными чувствами: *you are in my mind* – ты в моем сердце. Таким образом, *mind* объединяет в себе свойства интеллектуального и эмоционального, а не противопоставляет интеллектуальное эмоциональному, как это делает русское слово *ум*. То обстоятельство, что *mind* объединяет в себе интеллектуальное и эмоциональное, делает этот концепт центральным в английской языковой модели человека, подобно тому как в русской языковой модели центральным является концепт «душа». И в самом деле, в некоторых контекстах *mind* означает то же, что и русское слово *душа*, т.е. нематериальное тело человека как вместилище всей его внутренней жизни. Одно из значений слова *mind* определяется как *that animates the body and is distinct from it* [7] (то, что дает жизнь телу и отлично от него), и лучшим переводным эквивалентом слова *mind* в этом значении является русское слово *душа*: *deep in my mind* – глубоко в моей душе, *peace in mind* – душевный покой, *ease mind* – отвести душу, *open one's mind* – излить душу и т.п. Кроме того, *mind* обозначает и моральную силу, психические способности, для обозначения которых в русском языке употребляется слово *дух*: *strength of mind* – сила духа, *mind's eye* – духовное око, *a sound mind in a sound body* – в здоровом теле здоровый дух. В данных контекстах *mind* противопоставляется *body* – телу, что, видимо, позволяет Анне Вежбицкой говорить об оппозиции *mind* – *body* как об оппозиции интеллектуального и материального компонентов в английской модели личности, которая отражает так называемый «картезианский дуализм». Нельзя не согласиться с ее утверждением, что «понятие *mind* ... есть весьма специфический продукт английского языка, не имеющий эквивалентов в других языках мира» [5, с. 384].

Английский язык, в отличие от русского, не только не противопоставляет ум и чувства, душу и интеллект, но и обозначает их одним словом. Первоначально функции *mind* были связаны с мышлением (думать и помнить), впоследствии на этот орган переносятся функции других материальных и нематериальных органов – сердца, души, воображения. Этот процесс может быть объяснен как легкостью переносов значений в английском языке, так и особенностями менталитета его носителей, которые ищут сходства и взаимосвязи в явлениях действительности. В результате из органа мышления *mind* превратился в обозначение обобщенной духовной составляющей человека, противопоставленной материальному телу – *body*. В русском языке подобная оппозиция выражается словами *тело/плоть* – *душа/дух*. При этом в русском языке материальному началу противостоит духовная, эмоционально-волевая субстанция (*душа, дух*), а в английском – интеллектуальный компонент (*mind*). В русском языке именно «душа» отождествляется с личностью человека, в то время как в английском языке выступает как синекдоха по от-

ношению к личности человека в целом «mind». Таким образом, в английском лингвоспецифичном понятии *mind* отражается важная особенность англосаксонской культуры – подчеркивание в человеке разумного начала и подчинение ему начала эмоционального.

Лингвоспецифичность понятия *mind* обуславливает трудности при переводе. Чтобы перевести слово *mind* на русский язык, надо учитывать контекст, иногда очень широкий. Так, слово *mind* может быть переведено как *внимание* (*take mind of smth* – отвлечь внимание), как *желание* (*He doesn't know his mind* – он не знает, чего хочет), как *решение* (*make up one's mind* – прийти к решению), как *намерение* (*change mind* – пересмотреть), как *мнение* (*be of the same mind* – иметь общее мнение) и т.п.

Литература

1. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка/Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
3. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // Вопросы языкоznания. 1995. №3.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
6. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford, 1996.
7. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. М., 1996.

*Н.Ф. Крюкова**

Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей

Человек, так или иначе имеющий дело с текстами, вовлечен в «игру» бытийности; он социально функционален и антропологически неповторим: человек смыслополагает, переосмысливает, переводит мир на «живой» язык; он старается постичь то содержание, которое в нем и через него; он сам по себе метафоричен. Человек не выбирая находится в метафорике экзистенциального, что имплицитно «навязывает» опреде-

* Наталья Федоровна Крюкова – доктор филологических наук, доцент Тверского государственного университета (Тверь).

ленный «спектр» поведения. Под метафорикой, например, речевого поведения понимается национально-культурная модель восприятия и отражения действительно реального мира, заданная культурно-языковым контекстом и непосредственно от него зависимая [1, с. 143].

В свою очередь метафоричность выступает как показатель менталитета различных групп людей (например, менталитета народа – носителя языка, профессионального менталитета, возрастного менталитета и др.), проявляется в преобладании типов текстов в разных культурах (см., например, типологию текстов по эмоционально-смысловой доминанте у В.П. Белянина), объясняет существование текстов для «внутрикультурного употребления» [2, с. 7], что прежде всего отражается в образных средствах языка, где культурно значимая информация выражена в коннатаивном аспекте значения и играет важную роль при участии языковых средств в смыслопостроении. Так, восприятие звуковой символики фонических структур и звукосимволизма поэтического текста в целом носит ярко выраженный национальный характер, который определен разным языковым опытом реципиентов. Это сказывается и при продукции текстов. Например, высокие и противоположные им низкие звуки хорошо контрастируют при восприятии и чаще всего ассоциируются с противопоставлением светлого и темного [3]. Такой контраст характеризует эмоциональный тон русской поэзии [4]. В английском языке в стихотворных приемах чаще употребляются напряженные губно-зубные щелевые [5], например, /f/. О.Д. Кулешова, [6] отмечает особый «размытый» характер английского звукосимволизма по сравнению с русским, что выражается в отсутствии крайне полярных оценок звуковой символики графем. Использование звуковой символики в немецком поэтическом языке также существенно отличается от звуковой символики русского поэтического текста [7]. В немецкой поэтике предпочтение отдается звукосимволизму консонантной системы; что же касается гласных, то чаще всего используется графема «i». Много интересных наблюдений было сделано по поводу национально-культурных особенностей метафор. В некоторых культурах метафоры систематически используются для описания людей. Так, в племени апачи (Центральная Аризона, США) метафоры типа «А есть Б» представляют собой ярко выраженный речевой жанр, ассоциируемый со взрослыми людьми, у которых репутация уравновешенного, мыслящего, критического, острого человека, обладающего обширными культурными знаниями [8, р. 99]. Западные апачи называют метафоры «мудрыми словами». Интерпретация этих «мудрых слов» основывается на следующей характеристики: метафоры определяют только поведенческие атрибуты, которые указывают на нежелательные качества тех референтов, к которым отсылает метафора. Так,

если представитель западных апачей говорит: «Эти девочки – бабочки», – он имеет в виду не их внешность, а то, как они себя ведут. Метафоры интерпретируются следующим образом: они ведут себя легкомысленно, гоняясь друг за другом, веселятся и развлекаются, в то время как должны работать, выполняя свои обязанности. Странная характеристика этих «мудрых слов» – в том, что они все время относятся к негативным качествам людей. Возможно, «мудрые слова» используются для того, чтобы поддерживать стандарты вежливости; буквальный язык может казаться слишком эксплицитным и откровенным, нежели метафорический язык. «Мудрые слова» в отличие от прямых определений можно проигнорировать или неправильно понять, так как метафоры всегда представляют возможность для широкой интерпретации [9, р. 92]. Именно это свойство метафоры и предопределило специфику метафоричности речевого поведения представителей племени апачи.

В разных языках можно найти и традиционные сравнения: русские говорят – *здоров как бык*, поляки – (*zdrowi jak ryba*) *здоров как рыба*; у русских – *важная персона*, у поляков – (*gruba ryba*) *толстая рыба*. В русском языке, если женщину сравнивают с лошадью – она либо физически крупная, грубая или много работает (этот образ рабочей лошади пришел в русский язык из татарского: русский – *работает как вол*, татарин – *работает как лошадь*). В калмыцком языке образ женщины-лошади означает красавицу [10, с. 8].

Не всегда очевидна причина зоонима в качестве метафоры, особенно если у носителей разных языков имеются в наличии общие реалии, которые могли бы привести к понятийному, предметно-логическому и логико-семантическому совпадению. О рано поднимающемся человеке в русском, итальянском, испанском языках говорят «*встает с петухами*». Во французском можно было бы услышать «*встает с жаворонками*». В английском употребительны оба выражения, причем обе реалии присутствуют во всех странах, где распространены эти языки.

Естественно, переносные значения в разных языках могут совпадать, так как зачастую они восходят к универсальным явлениям природы, животного мира и строятся на переосмыслении основных, наиболее общих признаков, присущих им: «*жизнут как кошка с собакой*», «*медлительный как черепаха*» и т.п. Огромное влияние на формирование одинаковых коннотативных значений зоонимов оказали переводы басен, Библии и других всемирно известных произведений. В то же время при схожести коннотативных значений могут наблюдаться различия в силе эмоциональной окраски: «*козел*» в русском языке имеет более яркую пейоративную окраску, чем в английском.

Отличаются в разных языках и ласкательные нарицательные зоонимы-вокативы. Если в русском языке самый частотный вариант «*зайчонка*» или «*котеночек*», то у украинцев и белорусов – «*крыбонька*».

В некоторых языках нарицательные вокативы вообще представляют собой весьма сложные коммуникативные образования. Так, например, можно сказать о формах обращения женщины-казашки к родственникам мужа, выражающих не только уважение и почитание старших родственников, но также теплоту и нежность по отношению к младшим.

Интересны в этом отношении названия растений, которые всегда играли чрезвычайно важную роль в жизни людей, будучи связанными как с повседневной, бытовой ее стороной (еда, жилище, лечение и т.п.), так и с культурной, магической.

У различных этносов существует особая символика растений, которая отражает специфику их восприятия окружающей действительности, истории и культуры. Растение, которое у одного народа наделяется особой силой и является опозиционированным в фольклоре, может быть малозначительным или вовсе безвестным у другого.

Сравнение фразеологии разных языков показывает, что существует немало жизненных ситуаций, которые были осмыслены одинаково, но зафиксированы при помощи разных образов. Например, о ситуации, в которой делают что-либо заведомо в пустую, русские говорят «*носить подушку решетом*», а турки – «*носить воду к морю*».

Малые фольклорные метафорические жанры (пословицы, поговорки, прибаутки, загадки и т.д.) выступают как своего рода языковые формулы, отражающие этнокультурные стереотипы. Они – «*кничий*» по своей природе и являются достоянием всего общества. Автор этих произведений – коллективная языковая личность, фольклорный социум, субъект, творящий свое мироздание. Таким образом, в них представлено языковое народное сознание, воплощение народного миропонимания в своеобразной языковой форме. Афористичность и лаконизм народных «*сентенций*» выражается нередко различными приемами языковой игры, заостряющими смысл высказывания. Сами тексты малых фольклорных жанров представляют собой в содержательном плане обобщенное в языковом сознании народа представление об образе мира, что находит различные способы фиксации в фольклорных текстах. Традиции создания последних заключаются в выражении стереотипа сознания в стереотипной оценочной форме устойчивого выражения.

В настоящее время пословицы, видимо, можно считать слабо пополняемым разрядом языковых единиц. Время их активного порождения совпало с таким этапом жизни человеческого общества, когда сильны были традиции и обычаи. Недаром существовала пословица «*обычай*

старше закона». XX в. – эпоха развития человеческой индивидуальности, психологического самоуглубления личности. Это влечет за собой переформирование языкового фонда. Значительный пласт пословиц и поговорок переходит в пассивный запас языка.

Однако такое важное качество пословиц и поговорок, как выражение обобщенной мысли продолжает ощущаться как необходимое в речевом общении. Без обобщений человеческое мышление обходиться не может. Поэтому место анонимных обобщенных формул-пословиц занимают авторские – афоризмы – типа *гости – воры времени, когда всё время рядом перемены не видны, детство – фундамент жизни* (афоризмы из произведений В. Токаревой) и так далее.

Общий фонд пословиц и афоризмов в языке народа отражает не только сложившуюся в веках народную философию, но и новую систему морально-этических и философских ценностей русского этноса [11, с. 123–124].

Историческая зависимость этой системы оказывает влияние и на культурно-исторические стили в целом, определяя при этом идиостили отдельных художников. Стилевые определяющие отмечаются на всех языковых уровнях. Можно говорить, например, о поэтических стилях, ориентированных на звуковую ткань стиха, в которых звуковая мотивация, основанная на паронимии и классическом звуковом повторе, играет тексто- и смыслообразующую роль. Это заложено в русле русской поэтической традиции. Позднее, в начале XX в., отмечаются отдельные поэтические течения, декларирующие особое значение звука, которому отводится первостепенная роль в стихотворении. Это может быть и самостоятельное значение звука в индивидуальном стиле (В. Хлебников, А. Туфанов), и особое увлечение звуковым повтором, не несущим семантической нагрузки (К. Бальмонт), и стихи А. Белого, Вяч. Иванова, А. Блока, М. Цветаевой и других, для которых звуковая мотивированность и различные способы ее выражения стали типологическим признаком стиля.

Представляется возможным считать идиолектными компонентами стиля все звукосимволические средства, обусловленные звуковой ассоциативностью: паронимическую аттракцию, лейтмотив (в том числе и анаграммы) и звукоподражание (звукоповторы-имитативы и слова-ономатопеи). Эти доминирующие приемы можно считать, например, показателями идиостиля А. Блока [12, с. 39–42].

Еще пример культурно-исторической стилевой зависимости на другом уровне. В художественной прозе XVIII столетия писателями впервые осознается необходимость и появляется потребность в передаче чувств и описании эмоционального состояния героев. В художествен-

ных произведениях XVII в. для этого использовались готовые языковые средства, риторический пафос речи, жест, движение, однако, это не передавало оригинального характера и всю гамму человеческих переживаний.

В России рационалистические требования к роману господствовали до второй половины XVIII в. Н.М. Карамзин первым ввел субъективное восприятие и освещение воспроизведимых явлений и потому был не раз упрекаем в явном субъективизме своих описаний и характеристик. Карамзин внедрил в ткань повествования образ автора как своего рода внутренне обязательного посредника между публикой, читателем и воспроизведимой реальной средой [13, с. 16–57]. Все инновации Карамзина позволяют считать его основоположником русского сентиментализма. Для поэтов – представителей русского сентиментализма характерен достаточно определенный набор сладостных эпитетов, раскрывающих внутренний мир лирических героев, «мир чувства и сердечного воображения» [14, с. 279–280]: *нежный, сладкий, сладостный, кроткий, прекрасный, любезный, милый, приятный, томный, чувствительный* и др. Для «отрицательных» эмоций – *горестный, тяжкий, печальный, мрачный, ужасный, страшный, злой, коварный* и др., а также набор эпитетов русской народной поэзии: *леса дремучие, слезы горючие, густые леса, сыпучие пески, белый свет*. В сочетании со световой гаммой даются «слуховые» и «обонятельные» эпитеты: *белый, алы́й, черный, желтый, лазоревый, голубой, зеленый, розовый, багряный; звучный, глухой, шумный, тихий; благовонный, ароматный, душистый*.

Сентименталисты отказываются от «громкости» и «парения» одилической поэзии классицизма. В стихах Карамзина лишь незначительный пласт составляет церковно-славянская, высокая лексика. Так, слова с неполногласием (хладный, златой, брега, глас и т.п.) в его стихах воспринимаются уже не как славянизмы, а как поэтизмы. Немногие сложные эпитеты унаследованы им от предшественников (*златострунная арфа*); его индивидуальные новообразования отличаются яркой образностью (*долгоотыченный глас, кровоглавый червь, мило-злобные Цирцеи, нескладно-пышные слова*) и выступают как важные идиостильевые компоненты.

Для поэзии начала XX в. были очень характерны эпитеты, связанные с названием цвета, который символизировал то или иное понятие. Так, по результатам исследования В.В. Краснянского [15], белый цвет обычно символизировал в стихе либо идею мертвенности: *тоскливо-белые стены* (И. Анненский), *мертвенно-белый лоб* (Л. Юнина); либо он был связан с представлением о символе чистоты: *девственно-белый косогор* (И. Бунин), *непоправимо белая страница* (А. Ахматова), *нетленно-белый снег* (В. Брюсов). В соединениях же с основой прилагательного «желтый» выделяется семантический ореол, который соотносился с

образным восприятием желтого как чего-то неприятного: *скучно-желтое лицо, равнодушно-желтый* (А. Ахматова).

Историческая зависимость метафоричности находит свое выражение даже в достаточно узких рамках одного дискурса. Так, например, интересный в этом отношении анализ метафор был проведен в текстах по экспериментальной психологии [16]. Однако социокультурные обстоятельства, отражающиеся в метафоричности того или иного дискурса, могут характеризоваться не только диахронически. Показателен в этом отношении анализ записей (*Congressional Record*) трехдневных дебатов, демонстрирующий, что метафоры широко использовались обеими сторонами в американском сенате в январе 1991 г. во время споров относительно войны в персидском заливе [17]. Каждая сторона, однако, использовала разные виды метафор для выражения своей позиции.

Хотя не известно насколько эффективны были эти метафоры, ясно, что они использовались для убеждения, конкретизации и персонализации определенных вопросов. Большое количество работ показывает, что метафора может действительно менять отношение людей к различным политическим или общественным темам.

Итак, представление о мире, присущее данной лингво-культурной общности, существует в форме «коллективных представлений»; по Л. Леви-Брюлю, тех представлений, которые передаются из поколения в поколение в виде мифов, архетипов, символов, эталонов и стереотипов поведения, в том числе и речевых. Прежде всего текстовыми аналогами таких «коллективных представлений» можно рассматривать метафоры, идиомы, пословицы, образы и так далее – все то, что соотносится с мифологической картиной мира, т.е. тем базовым (прототипическим) представлением о мире, которое является общим для носителей данного языка и которое, по всей видимости, служит основой их культурной идентичности.

В этих текстовых средствах зафиксирован и воспроизведен исторический, социальный, культурный и житейский опыт данной лингвокультурной общности, опыт, к которому на бессознательном уровневольно или невольно обращаются носители языка. Они представляют своего рода «житейские понятия», которые, по словам Дж. Лакоффа, не осознаются интеллектуально, а используются автоматически, бессознательно и без заметных усилий воспринимаются как часть нормальной жизни. Таким образом, породившая их образность отступает на второй план. Наоборот, активация общих знаний и знаний чисто текстовых особенностей при необходимости приобретает гораздо большее значение. Отсюда можно сделать вывод о той особой роли, которую играют именно лексические средства метафоризации (часто с символическими тропами) при

определении и структурировании различий метафоричностей в разных менталитетах. Эти различия при определенных целевых установках возможно компенсировать при помощи фонетических и синтаксических средств метафоризации, как это делается, например, в считающихся универсальными суггестивных текстах, так как «наименее осознаваемыми являются фонологический и синтаксическо-логический уровни [воздействия / развития языка], а номинативный и формально-символический принимают максимальное участие в вербальной мифологизации действительности» [18, с. 64].

Метафоризация тоже дает основания для различий, но здесь в первую очередь речь идет об особенностях идеостилей различных писателей. В качестве примера можно привести метафоризацию-сравнение у И.С. Тургенева в малой форме реализующуюся в «Стихотворениях в прозе» и в более эпической форме в его романах. Например: *гордо прыгающий по залитому солнцем крыльцу желтенький пушистый цыплёнок, за которым лениво наблюдает большой черный кот*, как аналогия не понимаемому и не принимаемому всеми слоями общества, но всеми силами пытающемуся произвести на него впечатление Базарову в «Отецах и детях»; или значимый символ «Дворянского гнезда» – облака, *тихо плывущие по спокойному синему небу*, соотносимые с чувствами и мгновениями в жизни Лаврецкого, на которые «можно только указать – и пройти мимо» (показателен в этом смысле диалог в самом начале романа: – *О чем ты это? – спросила она вдруг Марью Дмитриевну. – О чем вздыхаешь, мать моя?* – Так, – промолвила та. – *Какие чудесные облака!* – Так тебе их жалко, что ли? *Марья Дмитриевна ничего не отвечала.*); или присутствующие в большом количестве «насекомые» в самом начале романа «Накануне», создающие параллели и непосредственно с Шубиным и Берсеневым, и со всеми молодыми людьми, окружающими Елену Стакову и не интересными ей, как противопоставление Инсарову.

Для А.П. Чехова более всего характерна метафоризация-подражание. Так, например, анализ текста «Вишневого сада» убеждает, что пьеса состоит из напоминаний различных способов речения. Отсюда заметная несвязность, несогласованность между собой последовательных реплик персонажей, говорящих пошлости, которые определенным образом характеризуют каждого из произносящих их: это и претенциозные автоматизмы Пети Трофимова, и стилизованные в духе эпигонского романтизма восторженность Ани, и иеуместная сентиментальность Раневской, и лжепатетика Гаева, и многое другое.

У В.М. Шукшина модель производства метафоризаций-противопоставлений строится на стяжении двух разных планов: города и дерев-

ни. Именно в этом заключается та онтологическая значимость шукшинской метафоры, которая и выражает мировоззрение писателя, и формирует адекватное ему мироощущение читателя, обеспечивающее понимание самой России. Теплота и сочувствие – вот главная интонация метафоризованных таким образом текстов Шукшина. Она слышится уже в самых ранних его рассказах. Например, в «Сельских жителях», где старуха с внуком отправились, было, из сибирской деревни в гости к сыну в Москву, да так и не рискнули поехать. В рассказе «Земляки» самым странным образом встречаются после долгой разлуки два брата: один городской, другой – деревенский. Невыразимые чувства охватывают Миньку, студента театрального училища, после встречи с навестившим его отцом, «председателем большущего колхоза в степном Алтае». Подобное столкновение города и деревни так или иначе присутствует в каждом произведении Шукшина, отражаясь, например, в оппозиции «индивидуум – общество» в языке его рассказов, или в проблеме «своего» и «чужого» в философской сказке «До третьих петухов», или в борьбе «слова божьего» и «слова бесовского» в киноповести «Калина красная».

Общий анализ метафоризаций и метафоричности в разных социокультурных обстоятельствах приводит к выводу о необходимости коллективного расширения сознания, которое, по мнению В.В. Налимова, станет возможным, когда возникнет корреляционная связность семантически различно ориентированных личностей [19, с. 80]. Как отмечает Ю.М. Лотман [20, с. 69], уже для машины с запоминающим устройством (а тем более для человека) история накопления интеллектуального опыта представляет вместе с тем и объем этого опыта, поскольку история сознания является его содержанием; копирующая ее исторически сложившаяся языковая структура оказывается неразрывно связанной с национальным историко-психическим складом народа. Она не может быть заменена рационально-построенным искусственным языком без существенных культурных потерь. Проблема расширения коллективного сознания требует направить усилия на овладение всем достоянием культуры, что возможно осуществить только через целостную систему воспитания и образования на всех уровнях.

Литература

1. Соловьев Г.В. Психолингвистический аспект метафорики речевого поведения // XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997.
2. Галеева Н.Л. Основы деятельности теории перевода. Тверь, 1997.

3. Иванова-Лукьянова Г.Н. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. Вып. 1.
4. Панов М.В. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. Вып. 1. М., 1966.
5. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка: Пособие по курсу общего языкознания. М., 1974.
6. Кулешова О.Д. Роль фоносемантики в речевом воздействии // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
7. Петрухин А.Ф. Содержательность звуковой формы поэтического произведения: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1979.
8. Basso, K.N. «Wise words» of the Western Apache: Metaphor and semantic theory // Meaning and anthropology. Albuquerque, 1976.
9. Levinson, S.C. Commentary on B.Beck. The metaphor as a mediator between semantic and analogic modes of thought // Current anthropology, 1978. Vol. 19.
10. Булак Т.Г. Трудности восприятия фольклорного текста при обучении иностранному языку // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. СПб., 1992.
11. Савенкова Л.Б. Пословицы и афористика: традиции общества и психология личности // Филология на рубеже XX–XXI веков. Пермь, 1996.
12. Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.
13. Сорокин Ю.С. Язык и стиль карамзинской прозы в оценке современников и последующих поколений // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII–начала XIX вв. СПб., 1994.
14. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1984.
15. Краснянский В.В. Развитие сложного эпитета // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987 гг. М., 1989.
16. Sternberg, D. Psycholinguistic language, mind, and world. L., 1990.
17. Voss, J., Kennet, J., Wiley, J., & Engstler-Schooler, T. Experts at debates: The use of metaphor in the U.S.. Senate debate on the Gulf Crisis // Metaphor and symbolic activity, 1992. Vol.7.
18. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. М., 1996.
19. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
20. Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

*Е.В. Лукашевич**

Детки деткам – рознь: этнопсихолингвистические проблемы русской ментальности

В настоящее время в социологических и психологических исследованиях, а также в методике и практике преподавания русского языка как иностранного все большее внимание уделяется этнопсихолингвистической проблематике. В частности, главную задачу овладения языком в коммуникативном плане А.А. Леонтьев формулирует так: «Научиться говорить или писать так, как говорит или пишет носитель языка (или, по крайней мере, стремиться к этому как к пределу)» [1, с. 226]. В связи с этим в структуре коммуникативной компетенции, наряду с языковым и речевым компонентами, все чаще выделяется культурный компонент, отражающий национальную ментальность и необходимый для адекватной коммуникации. Под ментальностью мы понимаем «социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать повседневного коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков» [2, с. 25].

Если рассматривать ассоциации как «минимизированное представление об окружающем мире и оценку этого мира человеком» [3, с. 5], то результаты ассоциативного эксперимента, представленные в «Русском ассоциативном словаре» [4] (далее – РАС) позволяют получить данные о специфике этнического сознания, ментальности, важные не только для носителей русского языка, но и для тех, кто изучает русский язык и русскую культуру. Покажем это на примере анализа синонимического ряда *ребенок – дитя – чадо – ребятиенок*. Нетождественность вербального и невербального опыта обуславливает тот факт, что один и тот же объект связывается в различных национальных языках с разным содержанием [3, с. 5]. На наш взгляд, такая же ситуация возможна и в одном языке.

Сопоставление словарных дефиниций данных слов в современных толковых словарях показывает, что *ребенок*, *дитя*, *ребятиенок* связаны семами 'маленький мальчик / девочка' и 'сын или дочь', а *чадо* соотносится с ними только по семе 'сын или дочь', при этом оно стоит ближе к *дитя* – 'независимо от возраста', ср.: *ребенок* – 'до отроческого возраста' (т.е. до 13–15 лет), видимо, аналогично у *ребятиенок*. Кроме того, словарь связывает *ребенок* и *дитя* по компоненту значения 'о наивном, неопытном, доверчивом человеке' (MAC), а *дитя* и *чадо* по значению 'человек, усвоивший ха-

терные черты породившей его среды, обстановки, тесно, кровно связанный с кем-, чем-л.' (различие – в сфере употребления) [5] (далее – MAC). Сравним это с результатами свободного ассоциативного эксперимента.

«Хотя считается, что представители разных культур испытывают универсальные эмоции, распределение этих универсальных эмоций, (в структуре значения. – Е.Л.) их интенсивность и способы выражения специфичны для носителей разных языков. С психолингвистической точки зрения, каждое слово «выводит» нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отражены сознанием и дифференцированы» [6, с. 22] (курсив мой. – Е.Л.). Специфика эмоционального компонента значения слова как единицы лексикона определяется 1) совокупностью составляющих его элементов; 2) разным уровнем их осознаваемости и социально-культурной опосредованности; 3) индивидуальными особенностями репрезентирования информации [там же].

Анализ эмоционально-оценочных реакций данных слов показал, что по количеству положительных оценок слова располагаются следующим образом: *ребятенок – ребенок – чадо – дитя* (соответственно 76%; 73,4%; 63,5%; 62,5%). Наиболее частотными являются оценки *милый (oe)*, *любимый (oe)*. Среди отрицательных оценок доминируют *глупый (oe)*, *непослушный (oe)*. Анализ эмоционально-оценочных реакций с частотностью более 1 в каждом из слов позволил выявить различия между ними.

ДИТЯ:

1. Реакцию *малое 54* (14,5%) у носителей современного языка, по-видимому, следует рассматривать не столько как констатацию возрастных особенностей (малый – 4. Небольшой по возрасту, малолетний (MAC)), сколько как реализацию стереотипа, не фиксируемого толковыми словарями, (как) *малое дитя*, т.е. неумелое, требующее заботы, внимания со стороны взрослых и т.п. (ср. с единичной реакцией – взрослый человек соответствующего поведения). Кроме того, в настоящее время, на наш взгляд, данная реакция чаще связывается с переносным значением 'о наивном, неопытном, доверчивом человеке' (MAC), причем независимо от возраста. Компонентный анализ этого значения позволяет уточнить, что имеется в виду человек, 'не имеющий жизненного опыта, т.е. знаний, навыков, умений, вынесенных из жизни, практической деятельности', а потому 'бесхитростный, непринужденный, открытый, прямой, легко доверяющий всем (доверие – убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-л.)' (MAC). Следовательно, обнаруживаются устойчивые когнитивные структуры русской ментальности, лежащие в основе этических норм, в соответствии с которыми наличие жизненного опыта у взрослых предполагает условность, приворство в поведении, отношения к окружающим.

* Елена Васильевна Лукашевич – докторант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (Барнаул).

2. Реакции неразумное 7, несмыщеное 2, глупое 2, избалованное 3, балованное 2 как раз и позволяют выявить признаки, лежащие в основе названного выше стереотипа и постепенно нарастающие в структуре эмоционально-оценочного компонента значения слова, обуславливающие его динамику:

Баловать – 1. *Излишне нежить и холить, исполнять все желания и прихоти.*

Избаловать – Испортить излишним баловством.

Холить – Заботливо, с большим вниманием ухаживать за кем-, чем-л.

Нежный – 1. // Выражающий ласку, любовь, исполненный **мягкости, ласки, любви.** 4. **Слабый, хрупкий, изнеженный //** Такой, который требует бережного отношения.

Прихоть – капризное желание, причуда.

Неразумный – Не обнаруживающий, не проявляющий рассудительности, здравого смысла.

Глупый – 1. // Разг. Неразумный, несведущий, **наивный** (о детях, юных существах) (МАС).

Т.е. дитя – ребенок, испорченный излишним, большим вниманием, лаской, любовью, бережным отношением, в результате чего он стал слабым, мягким, изнеженным, капризным, лишенным рассудительности и здравого смысла, наивным и т.п. Этого наше общество не одобряет. И в качестве противоположности приветствуется дитя **любимое 17, милое 8, невинное 3, радость 3, прелестное 3, прелесть 2.**

Любимый – 3. Тот, кого любят. 4. В знач. прил. Предпочитаемый всем остальным.

Милый – 1. Располагающий к себе; славный, хороший // Приятный на вид, привлекательный. 2. Близкий сердцу, родной, дорогой.

Невинный – 2. Наивный, простодушный.

Простодушный – Бесхитростный, доверчивый.

Прелестный – Исполненный прелести (очарования, обаяния, внушиаемого кем-л. красивым, приятным, привлекательным), вызывающий восхищение; очаровательный.

Славный – Разг. Располагающий к себе своими достоинствами, качествами, очень хороший.

Хороший – Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению (МАС).

Как видим, анализ положительных оценок (в силу их расплывчатости, неопределенности, несоотнесенности с различными сферами деятельности ребенка) не позволяет уточнить те достоинства, положительные качества, свойства, которые составляют образ-эталон. Представляется, что такой спектр положительных оценок и эмоций, являющихся

отражением не столько объективных качеств ребенка, сколько того, как мы его воспринимаем (**восхищение, очарование, любовь, ласка**), отражает и причину появления отрицательного результата нашего воспитания (ср.: единичные реакции – **хоть дурное, но дитя; тупое, придурок, подлое, противное, безвольное, беспомощность, испорченное, нытик, рок** и т.п.). При этом в отношении к ребенку (особенно своему), даже при осознании его отрицательных качеств (обратим внимание на смягченность их характеристик, из которых самые грубые – **тупое, придурок, подлое**), доминирует положительное отношение, что отражается в пословицах: «**Свое дитя и горбато (хило), да мило**»; «**Свой дурак дороже чужого умника**»; «**Дитяtko что тесто: как замесил, так и выросло**» и т.п. Возможно, причиной этого является фоносемантическое содержание этого слова, включающего такие положительные характеристики, как '**радостный, светлый, добрый, маленький, горячий, веселый, яркий, активный**' (ср.: ребенок – **радостный, шероховатый, веселый, яркий, подвижный, быстрый, активный**). На наш взгляд, в данном случае положительный фоносемантический потенциал слова (звукание) служит структурообразующим компонентом значения, уравновешивая энергийный потенциал (возрастающее отрицательное эмоциональное содержание) слова, при неизменном понятийном содержании (см. об этом [7, с. 98]).

ЧАДО:

1. Явное уменьшение реакций, связанных с семой '**маленький/ малый**': соответственно 4,4–1,5% (ср.: ребенок – 14,6%), что подтверждает данные словарной статьи о независимости от возраста. Но нет достаточных оснований утверждать, что **чадо** – это только сын или дочь, а не дети вообще. Ср.: сын/дочь – лицо мужского/женского пола по отношению к своим родителям (МАС).

2. Отрицательные эмоционально-оценочные реакции (**избалованное 5, непослушное 4, непоседливое 3, баловень 2, неженка 2, маменькин сынок 2, плаксивое 2, плохо 2, неразумное 2, дурак 2, неугомонное 2, ужасное 2, иждивенец 2, глупый 2, великозрастное 2** и т.п.) эксплицируют такие признаки, как '**изнеженный, избалованный, чрезмерно чувствительный, не желающий слушаться, повиноваться, понимать что-л.**' Положительные реакции (**любимое 42, родное 20, чудо 14, милое 9, нена-глядное 8, умное 3, чудное 2, хорошо 2**) дают такие признаки, как '**предпочитаемый, близкий сердцу, такой, на которого нельзя наглядеться, налюбоваться; вызывающий удовольствие, восхищение** и т.п.'. Таким образом, большая часть выделенных признаков содержит в себе сему интенсивности, чрезмерности, несоответствия норме. Причем в основном они характеризуют не само чадо, а связаны с нашим восприятием его поведения и способностей, и, при отсутствии строгих норм в

социуме, достаточно субъективны. Многие "житейские" понятия носят языка скорее чувствуют, чем знают [6, с. 22], особенно если они относятся к сфере ментальности, само собой разумеющемуся поведению и реагированию. Ср.: непослушный – такой, который не желает слушаться, повиноваться (и это плохо!). Послушный – покорный, повинующийся, подчиняющийся. И если это чрезмерно, то тоже должно быть плохо! Но каким образом выявить норму? Как правило, в реальной жизненной ситуации для любого из нас это не составит особой проблемы, хотя может вызвать затруднения в формулировке предъявляемых требований. На наш взгляд, это иллюстрирует положение Е.Ю. Мягковой о двухкомпонентности эмоциональных явлений: одним членом является психическое отражение объекта эмоции, другим – психическое отражение ее субъекта-носителя [6, с. 21], и ставит два вопроса: 1) о соотношении компонентов; 2) о возможности иных компонентов: например, психического отражения существующих в социуме норм, стереотипов и т.п.

В связи с этим кажется важным выделение следующей группы реакций на стимул *чадо*: единственное 6, единственное дитя 3, единственный ребенок 2, маменькин сынок 2, маменькино, мамино 3, любимое дитя, ребенок интеллигентов (всего 9,6%). Часть из них нельзя однозначно охарактеризовать как положительные или отрицательные, но можно говорить о преимущественной модальности. Единственный ребенок вероятнее всего и будет изнеженным, избалованным, непослушным, чрезмерно любимым, близким сердцу и т.п. Кроме того, наличие единственного ребенка не соответствует традициям русской семьи («одно чадо, да и то чало») и интересам государства (проблемы воспроизводства населения), следовательно, вызывает негативное отношение (36,5% отрицательных эмоционально-оценочных реакций по сравнению с 26,6% у стимула «ребенок»). Показателен факт увеличения у данного стимула реакций с грубо-просторечной окраской: *выкормыш, выродок, жлоб, идиот, осел*, что на наш взгляд, показывает, каким образом может меняться эмоциональный компонент слова в процессе жизни человека и от чего могут зависеть эти изменения.

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о развитии значения слова *чадо* в современный период: 1) возможное закрепление семы 'единственный ребенок'; 2) изменение оценочного компонента в сторону более негативной оценки, чем шутливое, ироническое (МАС), чему в определенной мере способствует и фоносемантическое содержание этого слова: *чадо* – 'шероховатый, грубый, горячий, быстрый, подвижный'. Если учесть, что помета «шутл.» ставится при словах, имеющих значение шутки, языковой игры, а «ирон.» – при словах, приобретающих в высказывании значение, противоположное буквальному, и употребляе-

мых с целью насмешки [8, с. 33], то результаты ассоциативного эксперимента позволяют допустить возможность помет «неодобрительное, пренебрежительное» и даже «презрительное» (резкое порицание).

РЕБЯТЕНОК:

1. Анализ фоносемантического содержания слова «ребятаенок» ('радостный, веселый, яркий, подвижный') показал его практически полное соответствие эмоционально-оценочному содержанию. Так, положительные оценки *веселый 6, смешной 3, игривый 2, карапуз 2, резвый 2, щустрый 2* актуализируют такие признаки, как 'жизнерадостный, склонный к забавам, смеху; любящий играть, развиваться, находясь все время в движении; быть подвижным, быстрым, проворным'. К ним примикиают и реакции *шалун 6, шаловливый 3*, которые хотя и характеризуются как превышающие норму ('играя, забавляясь, вести себя более резво, вольно и шумно, чем следует; баловаться'), однако для ребенка вполне нормативны (и, пожалуй, необходимы в качестве признака нормального здорового ребенка). Из отрицательных реакций выделяются – *непослушный 5, глупый 3, несмышленый 3, грязный 2, чумазый 2*.

2. Для 17% информантов наиболее значительными признаками оказались возраст и размер: *маленький 67, малый 4, кроха, крохотный, крошечный* и т.п.

3. 13,4% формально-семантических реакций (ср.: у слова «ребенок» они составляют 2,1%): *жеребенок 19, котенок 15, чертенок 9, октятренок 6, зверенок 2, козленок 2, кутенок 2, лягушонок 2, утенок 2, ягненок 2, гусенок, мышонок, олененок, осленок, опенок, поросенок, пчленок, рубашонок, цыпленок, щенок*, среди которых есть и окказионализмы, – демонстрируют, на наш взгляд, такие компоненты значения, как ласкательность (доброжелательность) в отношении к детскости (невзрослости).

4. Интересны, на наш взгляд, реакции *деревня, деревенский ребенок, маненький, масенъкий, махонъкий* (около 1% реакций). Дело в том, что в словарной статье МАС содержится помета «просторечное», указывающая «на запретительный характер таких слов как ненормативных, стоящих на границе литературной нормы и употребляющихся в литературной речи в основном как стилистическое средство» [9, с. 77]. Однако в целом характер реакций на данное слово практически не отличается от реакций на другие стимулы, а количество отказов такое же, как у стимулов «*дитя, чадо*» (в среднем 2%; у «*ребенок*» – 0,7%). Единична метаязыковая реакция – *не употребляю*. Следовательно, для среднего носителя языка в языке-феномене (а не в системе языка) различие между словами «*ребенок-ребятаенок*» лежит скорее в области значения, а не сферы употребления.

Наличие признаков, выделенных нами у слов *ребенок* – *ребяченок* – *чадо* – *дитя* на основе анализа эмоционально-оценочных реакций, подтверждается и в сфере предметной деятельности (см. таблицу ниже).

Так, оказывается, что *чадо* чаще выступает в качестве объекта нашей деятельности, чем делает что-л. само, зато *ребяченок* активнее всего проявляет себя в физической деятельности. А сопоставление эмоционально-оценочных и деятельностных характеристик *ребенка* – *дитяти* в сознании среднего современного носителя языка, как представляется, не дает оснований говорить об устарелости второго. Анализ смыслов, рожденных в нашей деятельности по отношению к детям, показывает, что русский менталитет фиксирует как наиболее важные следующие признаки: 1) появление на свет; 2) нормальная жизнедеятельность (*двигаться, играть, стать, смеяться*) и ее нарушение (*болеть, плакать, кричать*); 3) доминирование положительного отношения взрослых к детям (*любить, заботиться, ласкать*).

Ребенок (10,5%)	Дитя (8,1%)	Чадо (2,5%)	Ребяченок (6,4%)
Плачет 13 – плач 3 – плакать 2 – плачущий 2 – не плачь 1 – ревет 2	Плачет 9 – плакать – плач		Плачет 7
Кричит 4 – крик – лжет – смеется			Кричит 2 – воет – смеется
Заболел 3 – бо- леет – болен			Болен
Спит 3 – про- снулся	Спит 3 – сон 2		Спит 2
Играет 5 – бегает – идет – уполз	Развивается – играет – ползание – упасть – упало	Играет	Играет 4 – игра – играется – играл – бежит – побе- жал – ползает – спрятался – упал 2 – хулиганит
Родился 4 – под- рос – растет	Родился 2	Растет – выросло	Родился 2
Рожать – будет, – ласкать – уми- ляться – заботы – хлопоты	Видя – но- сят – обож- жать – пом- ни – хочу – ласка	Любить 2 – ду- мать – подумать – качать на ру- ках – забота – ласка – любовь – пужать	Жаль – защити – хлопоты – лю- бовь

Показательно, что нет характеристик интеллектуальной, речевой деятельности, в которых дети выступали бы как объекты или субъекты.

Вообще атрибутами ребенка для нас, что следует из ассоциативных реакций, являются *пеленки, соска, колиска, кроватка, игрушки, сон и слезы, будущее*, но никак не отражены его духовные, познавательные потребности. Мало значимы характеристики ума и внешности. Как видим, «человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизируются в значениях и внутренней форме содержательных единиц языка» [10, с. 40].

Если расположить анализируемые слова по степени устойчивости структуры значения в обыденном сознании носителей русского языка, то выявляются следующие особенности:

- наиболее устойчивой структурой значения обладает слово «ребенок», вероятно, это связано с частотностью его употребления по сравнению с другими словами;
- на базе употребления слов «ребенок, дитя» в значении 'о наивном, неопытном, доверчивом человеке независимо от возраста' сформировались устойчивые сочетания «как маленький ребенок», «как малое дитя»;
- возможно изменение зафиксированного словарями значения у слова «чадо» от 'устар., теперь щутл., ирон. Сын или дочь (независимо от возраста)' в сторону 'неодобр., пренебр., презр. Единственный ребенок независимо от возраста (не обязательно сын или дочь)';
- возможно появление у слов «дитя, чадо» компонентов значения 'изиженный, избалованный ребенок';
- возможно расширение сферы употребления слова «ребяченок» и закрепления за ним компонентов значения 'подвижный, резвый, склонный к забавам, играм ребенок'.

Наша попытка определить условия функционирования членов синонимического ряда *ребенок* – *дитя* – *чадо* – *ребяченок* в языковом феномене позволила не только проследить процесс объективизации субъективного коммуникативного намерения в слове, через переход от мысли к слову (когнитивный аспект), но и представить возможность прогнозирования эволюции значения слова на основе смыслов, воплощающих восприятие и осмысление действительности человеком в результате его практической деятельности.

Литература

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
2. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение: структура и способы организации. СПб, 1994.
3. Сорокин Ю.А. Составляющие образа мира: современные рус-

ские и китайцы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 2000. Вып. 11.

4. Караполов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. В 4-х книгах. М., 1994-1996.

5. Словарь русского языка /Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х тт. М., 1981-1984.

6. Мягкова Е.Ю. Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения // Там же.

7. Пищальникова В.А. Анализ языка как синергетической системы: об одном «заимствовании» в русском языке // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2000. № 4.

8. Скляревская Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2.

9. Лукьянова Н.А. Современная диалектная лексикография Урала, Сибири и Дальнего Востока: типология и краткая характеристика словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2.

10. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000.

*В.А. Пищальникова**

К основаниям динамической теории значения

В современной лингвистике разговоры о необходимости смены научной парадигмы стали привычными. Но в конкретных исследованиях языковеды продолжают пользоваться «традиционными терминами», хотя их содержание понимается настолько расширенно, что говорить о терминологичности можно только условно. Такая ситуация сложилась в настоящее время и с определением категории «значение», которая не только не имеет общепризнанной дефиниции, но и, как показывает практика лингвистических исследований, имеет мало надежд на формирование этой дефиниции.

Часто и по разным поводам цитируется гумбольдтовское «язык следует рассматривать *не как мертвый продукт* (*Erzeugtes*), но как *сози-*

* Вера Анатольевна Пищальникова – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).

дающий процесс (*Erzeugung*)» [1, с. 69]. Но не часто обращается внимание на следующее за этим: «При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнести к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и факту взаимовлияния этих двух явлений» [1, с. 69] (курсив мой. – В.П.).

Акцентируя необходимость рассмотрения языка как процесса, В. фон Гумбольдт вовсе не исключает возможности исследования языка как продукта, результата этого процесса. Он лишь подчеркивает, что именно *процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка*, его феноменальная эволюция. Язык и дух тождественны функционально, хотя основания такого функционального слияния двух разных феноменов остаются неясными: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой» [1, с. 68].

Э. Сепир исследует категорию значения в рамках вопроса о соотношении языка и речи. Представляется, что это продуктивный путь решения одного из вечных вопросов науки – о взаимоотношении мышления и речи – в рамках языковедения.

Прежде всего, следует отметить разграничение Э. Сепирем языка и речи, лиши на первый взгляд сходное с разграничением этих категорий в рамках «лингвоцентристической» концепции как «потенции» и «реализации». (Впрочем, последнее разграничение настолько обще и в силу этого бессодержательно, нетерминологично, что оно не может противоречить никакой позиции).

Э. Сепир пишет: «...под речью мы будем разуметь звуковую систему *речевой символики*, поток произносимых слов» [2, с. 43] (курсив мой. – В.П.). В то время, когда господствующим направлением в американской лингвистике был дескриптивизм, Э. Сепир заявляет, что «речь не есть простая деятельность, выполняемая одним или несколькими органами, приспособленными биологически для этой цели. Это чрезвычайно сложная и постоянно изменяющаяся система приспособительных реакций в мозгу, в нервной системе, в органах артикуляции и слуха, направленных на достижение конечной цели коммуникации» [2, с. 32] (курсив мой. – В.П.). Таким образом, речь, по Э. Сепиру, – это сложный *психофизиологический процесс, осуществляющийся в коммуникации*. Каково же содержание и назначение этого процесса?

Речевой звук, ассоциированный со специфическими движениями «органов речи», по Э. Сепиру, еще не является элементом языка. «Он

должен быть, сверх того, ассоциирован с каким-либо элементом или группой элементов опыта, скажем, со зрительным образом или рядом зрительных образов или с ощущением какого-либо отношения – для того, чтобы приобрести хотя быrudиментарную языковую значимость» [2, с. 33].

На первый взгляд, приведенное высказывание укладывается в «треугольную схему» значения Ричардса–Огдена, тем более что Э. Сепира говорит: «Этот «элемент» опыта есть содержание или «значение» языковой единицы...» [2, с. 33]. Однако отличие позиции Э. Сепира заключается в том, что его «значение» – структура *принципиально нестабильная, принципиально динамическая*: «...язык есть вполне оформленная функциональная система в психической, или «духовной» конституции человека»; «язык как таковой однозначным образом не локализуется и не может быть локализован, ибо он сводится к особым символическим отношениям, с физиологической точки зрения произвольным, между всевозможными элементами сознания, с одной стороны, и некоторыми определенными элементами, локализуемыми в слуховых, моторных или иных мозговых и нервных областях, с другой» [2, с. 33] (курсив мой. – В.П.). Для того чтобы возник языковой факт, не достаточно ассоциации между «опытом» (реалией) и акустическим/зрительным комплексом *hous* «дом». По Э. Сепиру, эта ассоциация должна быть чисто символической: слово должно закрепляться за *образом*, а потому такая ассоциация всегда основана на выборе, «в некотором смысле произвольна по своему характеру, ведь слово указывает всякий раз на какой-то компонент *образа*». Только тогда, когда «связанные между собою явления опыта автоматически ассоциируются с образом», они становятся символом, словом. При этом слово связывается не с единственным образом, а с целыми классами определенных явлений. Языковой элемент – символ упрощает и обобщает наше знание о мире, более или менее произвольно объединяет явления и отношения. Значение выступает «условной оболочкой мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватить еще новые тысячи» [2, с. 35] (курсив мой. – В.П.). По сути, речь идет о том, что значение – некий когнитивный механизм языковой обработки индивидуального опыта.

Э. Сепир утверждает, что *реальное использование языка не всегда и даже не в большинстве случаев имеет отношение к значениям*: «язык есть орудие, первоначально предназначено для использования на уровне более низком, чем уровень концептуальных структур» [2, с. 36]. В самом деле, чаще всего в обыденной коммуникации люди оперируют не столько значениями, сколько конкретными явлениями и специфическими отношениями, не актуализируя всех компонентов структуры значения. Наиболее отчетливо это проявляется, на наш взгляд, в затруд-

нениях при попытке сформулировать «лексическое значение слова». То, что для Э. Сепира значение – когнитивная структура, далеко не всегда актуализируемая в речи, подкрепляется аналогией: «Словно бы динамомашину, способную производить достаточно энергии для приведения в действие элеватора, использовали только для того, чтобы привести в действие электрический звонок» [2, с. 36] (курсив мой. – В.П.).

Если продолжить мысль Э. Сепира, то можно утверждать, что определенные психически реальные когнитивные структуры стабильны, хотя и включены в континуальный поток мышления. Сама их стабильность требует *формы фиксации*, каковой и выступает значение. Но реальное психическое содержание компонентов при этом не может вполне совпадать у всех индивидов, «следовательно, *в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость и интенсивность меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности и от общего умственного развития*» [2, с. 36].

(Это положение Э. Сепира удивительным образом совпадает с положением теории речевой деятельности – основой отечественной психолингвистики – о зависимости речесмыслопорождения от *мотива* речевой деятельности и ассоциативно-апперцепционного содержания мышления. Остается только поражаться тому, что работа Э. Сепира не оказала никакого влияния на становление американской психолингвистики, начавшей развиваться спустя почти двадцать лет после выхода книги Э. Сепира, и развиваться в совершенно ином направлении).

Отсюда мышление – «наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи». Если каждый элемент речи интерпретировать, опираясь не только на его значение как *стабильную структуру*, но и на форму представления всего *цельного понятийно-образного компонента* отраженной действительности, то именно тогда мы можем выйти на содержание мышления как *процесса*. Но еще раз подчеркнем, что в обыденной коммуникации это, как правило, не является необходимым, поскольку *речевая ситуация уже исключает необходимость актуализации всего значения*, она актуализирует лишь то, что ситуативно важно для индивида, – *смысл*. «С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, tolкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью. Из этого очевидностью следует, что *границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают*. В лучшем случае язык можно считать лишь *внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического воображения*» [2, с. 36] (курсив мой. – В.П.).

Если понимать значение как когнитивную структуру, дискретированную вербально, о-формленную словом, то только в этом случае станет понятным высказывание Э. Сепира о том, что «язык по своей сути есть функция до-рассудочная» [2, с. 36]. Во-первых, утверждение о том, что *язык есть функция*, не противоречит пониманию его как когнитивной структуры, ибо структура – понятие, по Э. Сепиру, функциональное (в отличие от понимания структуры, например, Ф. де Соссюром). Во-вторых, языковые когнитивные структуры присваиваются индивидом в онтогенезе действительно неосознаваемо, до-рассудочно. «Язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль», – пишет Э. Сепир [2, с. 36]. (Здесь трудно удержаться от параллелей с Л.С. Выготским, утверждавшим, что «слово само формирует мысль», «слово непосредственно входит в самый процесс мышления»).

Верность или, по крайней мере, непротиворечивость предложенной интерпретации подтверждается и следующими положениями Э. Сепира: «...язык не покров, а скорее, заранее приготовленный путь или шаблон»; «говорить о мышлении, что оно в своем генезисе и в своем повседневном существовании немыслимо вне речи, столь же правомерно, как утверждать невозможность математического рассуждения без рычага соответствующей математической символики» [2, с. 36] (курсив мой. – В.П.).

Утверждая единство мышления и речи, Л.С. Выготский считал, тем не менее, что становление мысли прямо и непосредственно не совпадает с развертыванием внешней речи. «Единицы мысли и единицы речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество... Легче всего убедиться в этом в тех случаях, когда работа мысли оканчивается неудачно, когда оказывается, что мысль не пошла в слова, как говорит Достоевский»; «Мысль не состоит из отдельных слов – так, как речь. Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня, как мальчик в синей блузке бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузки, отдельно того, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу все это вместе в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова» [3, с. 354, 356]. Значение слова, по Л.С. Выготскому, представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления» [3, с. 297]. С одной стороны, *значение является конституирующими признаком слова* и потому может быть рассмотрено как феномен речи. С другой – значение предполагает образование понятия – «самого специфического, самого подлинного, самого несомненного акта мысли» [3, с. 298], поэтому значение можно рассматривать и как феномен мышления. Будучи одновременно «речевым и интеллектуальным феноменом», значение, однако, «не означает чисто внешней социанд-

лежности его к двум различным областям психической жизни. Значение слова есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. *Оно есть феномен словесной мысли или осмыслиенного слова. Оно есть единство слова и мысли*» [3, с. 298] (курсив мой. – В.П.).

Только при таком подходе можно вполне последовательно объяснить феномен *развития значения*.

Если считать, что языковая единица – это знак, в котором означаемое и означающее связаны ассоциативной связью, то тогда вся «динамика» значения может быть обусловлена изменением ассоциации: она может ослабляться, укрепляться, осложняться связями с другими предметами того же класса. Но при этом ассоциация «не может изменить своей внутренней психологической природы» [3, с. 299], т.е. не может перестать связывать данное слово с данным значением как когнитивной структурой. В этом случае изменение смысловой стороны слова становится невозможным и необъяснимым. «Не удивительно поэтому, что, не находя ничего специфического в связи слова со значением, семантика не могла и поставить вопроса о развитии смысловой стороны речи, о развитии значений слов» [3, с. 299].

Лингвоцентристическое языковедение, устанавливая ассоциативную связь между словом и значением в соответствии с соссюровской концепцией знака, исчерпывает развитие значения слова изменением «предметного» его содержания. Отсюда и связь мышления и речи (*«языка и мышления»*) – это связь, казалось бы, разноприродных феноменов, но стабильное, неизменное значение внутренне не связывается с континуальным процессом мышления. Декларируемое лингвоцентризмом единство *«языка и мышления»* не играет определяющей роли в разработке вопроса о языковом значении. Уже само разграничение языкового и неязыкового значения лишает проблему внутренней цельности, поскольку, по сути, *одинаково структурирующееся языковое и неязыковое значения лишаются необходимой специфики*.

Поэтому так важна мысль Л.С. Выготского о том, что значение – это единица именно речевого мышления, это именно тот феномен, который, не отождествляя речь и мышление, позволяет обнаруживать их единство. Л.С. Выготский пишет: «...в ходе исторического развития языка изменяется смысловая структура значения слова. Изменяется психологическая природа этого значения... от низших и примитивных форм обобщения языковая мысль переходит к высшим и наиболее сложным формам, находящим свое выражение в абстрактных понятиях... не только предметное содержание слова, но и *самый характер отражения и обобщения действительности в слове изменялся*» [3, с. 299].

(курсив мой. – В.П.). Т.е. предполагается, что сама структура значения как способ познания внутренне динамична, изначально и принципиально обладает способностью к развитию. В таком случае язык развивается не потому, что меняется предметный мир, но прежде всего потому, что динамичны способы его познания.

Принципиальным в решении проблемы соотношения мышления и речи Л.С. Выготский считает положение о неконстантности значения слова, которое «представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование» [3, с. 305]. (Отметим, что динамизм значения слова является принципиальной и специфической его характеристикой и для Э. Сепира). Конечно, о динамичности языка говорят сейчас все лингвисты. Но что понимается под динамикой и каковы ее причины – на этот вопрос отвечают по-разному. Чаще всего изменение семантики языка ставят в прямую и одностороннюю зависимость от «содержания мышления», а практически – от изменения объективной действительности, обуславливающего это содержание. О том, что *язык есть система саморазвивающаяся, вероятно структурирующаяся в результате обмена со средой веществом, энергией, информацией*, стали говорить только в последнее время. (Наиболее аргументированной представляется точка зрения на язык как синергетическую систему, изложенная в работах И.А. Герман [4], Г.Г. Москальчук [5]). А между тем этот внутренний потенциал саморазвития языка отмечал Л.С. Выготский, утверждая, что «значение слова может изменяться в своей внутренней природе, значит, изменяется и отношение мысли к слову» [3, с. 305] (курсив мой. – В.П.).

Если рассматривать определенное состояние языка как абстрактный момент его континуального развития, то придется признать, что «на каждой ступени развития существует не только своя *особенная структура словесного значения, но также определяемое этой структурой свое отношение между мышлением и речью*» (курсив мой. – В.П.).

Отношение мысли к слову – это развивающийся процесс, причем взаимообратный. «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о *становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове*» [3, с. 305], это становление мысли в слове отражено в понятии внутренней речи.

По словам А.Р. Лурии, высказывание всегда начинается со смутной мысли, которая внутренне обозначена лишь в самой общей, схематической форме. Исследования процессов порождения речи, проведенные психологами и лингвистами, показали, что переход от мысли к развернутой, внешней речи неизбежно опосредствуется так называемой *внутренней речью*.

Начало систематической разработке проблемы внутренней речи положено в трудах Л.С. Выготского. Он считал, что внутренняя речь – особая форма речевой деятельности, речевое мышление, возникающее из внешней речи. Ученый утверждал, что «*внутренняя, смысловая, семантическая сторона речи и внешняя, звучащая физическая сторона речи хотя и образуют полное единство, но имеют каждая свои особые законы движения*» [3, с. 306]. Он полагал, что «*смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению*» [3, с. 307], а потому предлагает различать «*движения смысловой и звучащей речи*» [3, с. 307]. Оба эти плана речи внутренне едины, хотя «*могут совершаться по противоположно направленным линиям*». Почему? Речь – не зеркальное отображение строения мысли, не выражает готовую мысль. «*Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове*» [3, с. 308]. Именно потому, что мысль и слово внутренне едины, они способны осуществляться в противоположных направлениях: от части к целому и от целого к части, сохраняя единство. Мысль и слово никогда не совпадают. Это проявляется в несовпадении грамматического и *психологического (логического)* подлежащего и сказуемого и других грамматических и логических категорий. Такое несовпадение – одна из внутренних причин развития языка: «...наш обычный разговорный язык в силу присущих ему колебаний и несоответствий грамматического и психологического характера находится в состоянии подвижного равновесия между идеалами математической и фантастической гармонии и в непрестанном движении, которое мы называем эволюцией» [3, с. 310] (курсив мой. – В.П.). Эта эволюция – результат несовпадения функционирующих в единстве грамматики мысли, синтаксиса значений и словесного синтаксиса, преобразования грамматики мысли в грамматику слов и в целом «*видоизменения смысловой структуры при ее воплощении в словах*» [3, с. 311].

Семантический план внешней речи – это *самый поверхностный план внутренней речи* – особого по своей психологической природе образования. Л.С. Выготский называет фундаментальное различие внешней и внутренней речи: первая – речь для других, вторая – речь для себя. Отсюда и структурное различие. Какие же специфические свойства обнаруживаются у внутренней речи? Во-первых, «*предикативность – основная и единственная форма внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых, и притом здесь мы встречаемся не с относительным сохранением подлежащего, а с абсолютной предикативностью*» [3, с. 342]. Психологическое подлежащее известно продуктенту речи – это абсолютный закон внутренней речи. («*Мы знаем, о чём мы думаем*»). Во-вторых, чистая предикативность

предполагает «максимальное сгущение мысли», «совершенно новый синтаксический строй», предполагающий практическое упразднение синтаксиса устной речи. Она ведет за собой редуцирование фонетических моментов речи до неких психологических комплексов, по которым опознается сказанное. На первый план во внутренней речи выступает значение, значение становится относительно независимым от звуковой стороны.

Отличительным свойством семантики внутренней речи является преобладание смысла над значением (агглютинация семантических единиц). Л.С. Выготский приводит определение смысла слова, данное Ф. Поланом. Это совокупность всех психологических факторов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл всегда динамичен, текуч, структурно сложен, имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в речи, «и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [3, с. 342]. *Значение устойчиво при всех изменениях смысла слова.* «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста... интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить и больше и меньше, чем содержится в его значении, когда мы его рассматриваем изолированно» [3, с. 348].

Вслед за Ф. Поланом Л.С. Выготский утверждает, что «между смыслом и словом существуют гораздо более независимые отношения, чем между значением и словом» [3, с. 348] (курсив мой. – В.П.). Смысл может быть отделен от выражющего его слова, может быть выражен другим словом, но значение связано со словом устойчиво. *Смыслы слов обнаруживают иные законы объединения и слияния друг с другом, нежели объединения словесных значений.* Смыслы континуальны. Слова во внутренней речи являются «концентрированным сгустком смысла», они непереводимы на язык внешней речи, несоизмеримы с лингвистическим значением того же слова.

Внутренняя речь – «особый внутренний план речевого мышления, опосредствующий динамическое отношение между мыслию и словом» [3, с. 353]. Внутренняя речь – это не то, что предшествует внешней, это, напротив, редукция слова до мысли. Важными представляются еще два положения Л.С. Выготского. «Внутренняя речь есть в значительной мере мышление чистыми значениями»; «...переход от внутренней речи к внешней представляет собой не прямой перевод с одного языка на другой... не простую вокализацию внутренней речи, а *переструктурирование речи, превращение* совершенно самобытного и своеобразного синтаксиса, смыслового и звукового строя внутренней речи в другие структурные формы, присущие внешней речи... Переход от внутренней речи к внешней есть сложная динамическая трансформация – пре-

вращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь» [3, с. 354] (курсив мой. – В.П.).

То, что внутренняя речь не равна внешней, доказывается и физиологическими исследованиями. Мозговые механизмы внутренней речи не совпадают с теми механизмами, которые обеспечивают звуковую и семантическую сторону речевых процессов. Внутренняя речь остается относительно сохранной даже при тяжелых формах нарушения фонематического слуха и восприятия речи.

Концепция внутренней речи Л.С. Выготского интерпретировалась многими учеными. На ее основе построены разнообразные модели порождения речевого высказывания – это еще одна область лингвистики и психолингвистики, которая решает проблему взаимоотношения мышления и речи.

Несмотря на многочисленные попытки осмыслиения концепции Л.С. Выготского, представляется важным еще раз акцентировать некоторые ее положения в свете современной когнитивной и психолингвистической парадигмы. Думается, что прочтение концепции Л.С. Выготского во многом определялось влиянием парадигмы, доминирующей в лингвистике конца XX в.: по словам самого Л.С. Выготского, «все кошки оказываются серыми в сумерках всеобщей структурности, как раньше их нельзя было различить в сумерках универсальной ассоциативности» [3, с. 303]. Новое прочтение концепции значения Л.С. Выготского необходимо еще и потому, что исследователь настаивает на иной, не совпадающей с доминирующей лингвистической парадигмой точке зрения: «Мы пытались... с самого начала встать на другую точку зрения, придать всей проблеме другую постановку и применить в исследовании другой метод. Анализ, пользующийся методом разложения на элементы, мы пытались заменить анализом, расчленяющим сложное единство речевого мышления на единицы, понимая под этими последними такие продукты анализа, которые, в отличие от элемента, образуют первичные моменты не по отношению ко всему изучаемому явлению в целом, но только по отношению к отдельным конкретным его сторонам и свойствам...» [3, с. 297].

Л.С. Выготский полагает, что «единицей, отражающей в наимпростейшем виде единство мышления и речи», является *значение* слова. Обратим внимание на то, что ученый говорит о единстве не языка и мышления, а последовательно – *речи и мышления*. Вспомним также и то, что А.Р. Лурия последовательно говорил о взаимоотношении языка и сознания.

Думается, что такие формулировки проблемы принципиальны. Л.С. Выготский исследует психическую, бытийную сторону речевых и мыслительных процессов, А.Р. Лурию интересуют прежде всего структуры

языка и их соотношение со структурами сознания (структурированным знанием). Можно ставить проблему и как соотношение языка и мышления, но в этом случае внимание исследователя должно быть направлено на изучение языковой способности как осуществления, формирования (а не употребления, использования) когнитивных структур языка в процессах смыслопорождения. Наконец, можно выявлять соотношение речи и сознания, но при этом актуализируется иной аспект: каким образом структуры сознания (структур хранения знания) реализуются в реальных психических процессах. Такое разграничение аспектов, подчеркнем еще раз, представляется нам принципиальным, поскольку оно, во-первых, связывается с разными лингвистическими аспектами изучения поставленной проблемы, а во-вторых, неразличение выделенных аспектов практически всегда приводит в конкретном анализе языка/речи к отождествлению слова, понятия, значения.

По Л.С. Выготскому, в речи создаются динамичные, текущие *смыслы*, лингвоцентристическая же парадигма предполагает *реализацию* в речи *значения* как устойчивого элемента языковой системы. Довольно часто цитируется высказывание Л.С. Выготского о «преобладании смысла над значением» во внутренней речи. Как совместить его с тем, что «внутренняя речь есть в значительной мере мышление чистыми значениями» [3, с. 354] (курсив мой. – В.П.) и с тем, что «на первый план во внутренней речи выступает значение»? В традиционной трактовке концепции Л.С. Выготского противоречия выглядят слишком серьезными. Но если вычленить характеристики значения и смысла во всем тексте «Мысли и слова» и сопоставить их, следуя логике концепции Л.С. Выготского, а не традиционному лингвистическому пониманию значения и смысла, то противоречия эти исчезают. Характеристики эти следующие: значение выступает во внутренней речи на первый план; значение связано со словом и, в отличие от смысла, устойчиво; внутренняя речь – мышление чистыми значениями; значение объединяет мысль и слово.

Вспомним, что Л.С. Выготский настаивает на особом подходе к вычленению единицы, способной отразить единство мысли и слова. Он рассматривает слово не как принятую в постсоксюровской лингвистике ассоциацию между понятием и звуковой оболочкой, потому что такое слово не может ни развиваться, ни даже изменяться. «Ассоциация... не может изменять своей внутренней психологической природы, так как для этого она должна была перестать быть тем, что она есть» [3, с. 299]. Л.С. Выготский отмечает, что семасиология, усвоив «ассоцианистскую» концепцию слова, рассматривает значение слова только как ассоциацию между звуковой формой слова и его предметным содержанием. Поэтому все слова оказываются «одинаково построенными со смысловой стороны и все не содержат в себе ничего специфического для речи как тако-

вой» (выделено мной. – В.П.) [3, с. 299]. Он полагает, что традиционная семантика и не могла поставить вопроса о развитии смысловой стороны слова. Для Л.С. Выготского же самым значительным открытием является установление того, что «значения слов развиваются» [3, с. 298], изменяется психологическая природа значения и его смысловая структура. Чрезвычайно важно и то, что учёный различает «в семантической структуре слова его предметную отнесенность и его значение» (курсив мой. – В.П.) и подчеркивает, что они не совпадают.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что для Л.С. Выготского значение – когнитивная структура некоторого знания, познавательная структура, оформленная словом (дискретированная, ограниченная им), а потому, будучи компонентом континуального мышления, она одновременно принадлежит и дискретным единицам речи/языка. Тогда понятно, что во внутренней речи именно значение должно выдвигаться на первый план и становиться относительно независимым от звуковой стороны. Тогда вполне очевидно, что значение устойчиво при всех изменениях смысла. Действительно, *внутренняя речь есть мышление чистыми значениями*, хотя мыслительный процесс структурируется, «управляется» смыслом – тем актуальным для индивида содержанием, ради которого порождается речь. Вот почему внутренняя речь – это «речь для себя». В этом случае объясняется и положение о том, что звучащее слово меньше связано со значением, чем со смыслом, ибо слово внешней речи и не ставит своей задачей полностью актуализировать когнитивную структуру – значение, поскольку слову достаточно в конкретной речевой ситуации быть знаком актуального личностного содержания речи – смысла. (Сравним с этим положение Э. Сепира о том, что реальное использование языка редко имеет отношение к значениям). Отсюда вполне понятно, что когнитивная структура – значение *задает способ понимания речевого произведения*. Она бессознательно внушиается языком, но вполне способна поддаваться рефлексии. (Одним из видов такой рефлексии можно считать компонентный анализ лексического значения). В такой интерпретации обнаруживается удивительное сходство концепций Э. Сепира и Л.С. Выготского. Более того, они взаимно дополняют друг друга, позволяя создать *интегральную модель значения* и тем самым заложить необходимую для современной когнитивной лингвистики понятийную основу.

Предложенная ниже схема представляет значение как устойчивую, но внутренне (принципиально) динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности и дискретированную определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его.

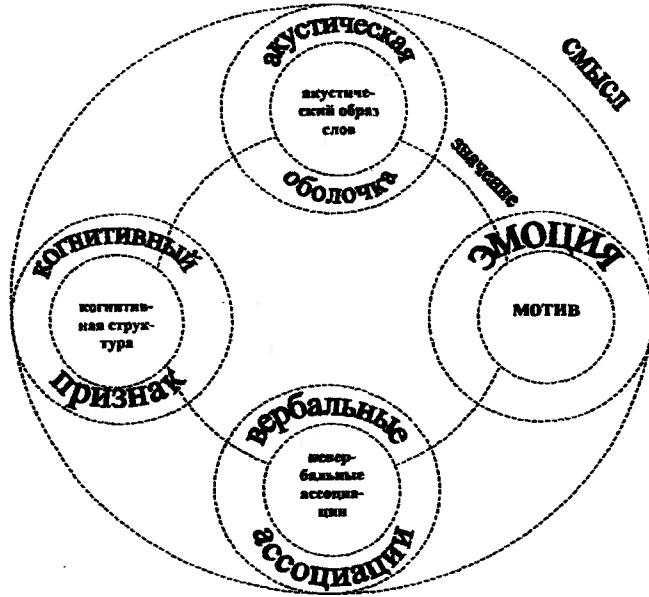

Схема 1. Когнитивная модель соотношения значения и смысла

Наиболее устойчивым, стабильным компонентом в системе значения в определенном состоянии языка является единство *акустической оболочки* слова и *акустического образа* слова. Это не означает, что другие компоненты не имеют стабильных элементов, но большая часть их содержания нестабильна, неустойчива, что и позволяет значению быть внутренне динамичным, а языку – развиваться. Кроме того, существование языка во времени делает возможным стабилизацию то одних, то других элементов этого компонента значения как когнитивной структуры, при этом возможно превращение стабильных в неустойчивые, неустойчивых в стабильные. Наиболее наглядно подобные процессы представлены в лексике любого языка.

Второй компонент схемы представляет собой единство когнитивной структуры, соответствующей способу познания данной категории (класса) реалий, и актуального когнитивного признака, определяющего процесс смыслопорождения (смысла). В конкретном процессе смыслопорождения этот когнитивный признак является структурообразующим элементом модификации когнитивной структуры («...духовная деятельность, направленная на выражение мысли, имеет дело уже с готовым

материалом: она не создает, а преобразует» [1, с. 71]). Поэтому второй компонент структуры значения также внутренне динамичен – он организуется по принципу функциональной системы: хотя совокупность когнитивных признаков, входящих в эту систему, может быть одной и той же, актуальный признак (доминанта) меняется, а следовательно, меняется и система. А.А. Потебня называет этот признак «представлением», внутренней формой слова.

Структурообразующий компонент может утрачивать свои доминантные позиции на разных этапах развития языка, может иметь и разную степень актуальности в различных состояниях языка: «Всякое создание нового слова из прежнего создает вместе с новым значением и новое представление» [7, с. 133]. С этим представлением, по А.А. Потебне, соотносится образ реалии или образ действия с этой реалией. Акустический образ актуализирует прежде всего доминантный элемент когнитивного компонента, хотя способен актуализировать и всю структуру значения.

Третий компонент – мотивационно-эмоциональный, отражающий единство мотива и эмоции. Мотив рассматривается как структура потребностей индивида, определяющая цель смыслопорождения. Необходимо помнить, что мотивационные процессы иерархичны; ведущий и производные мотивы могут в процессе смыслопорождения неоднократно изменять свой статус, что делает и этот компонент структуры значения принципиально динамичным внутренне. Мотив объективируется в эмоции, которая, обладая модальностью, интенсивностью и динамичностью, тоже является сложным образованием, соотносимым с акустической оболочкой и смыслом. Мы полагаем, что оценка должна включаться в состав эмоции.

Четвертый компонент – вербально-невербальный, единство невербальных и вербальных ассоциаций, ассоциативная структура, которая является базой интерпретации содержания всех других компонентов. Внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, когнитивного способа категоризации и невербальных ассоциаций – это и есть *значение* как когнитивная структура, *стабильно-неустойчивая структура как основа смыслопорождения*. Связь внешних по отношению к ней компонентов – акустической оболочки, эмоций, актуализированного когнитивного признака (смысла) и вербальных ассоциаций с ними – *смысл как структура актуального содержания в данном процессе речепорождения*.

Естественно, в процессах смыслоречепорождения эти две структуры находятся в единстве, они гомоморфны, и их взаимодействие порождает определенное ментально-речевое содержание. Смыслоречепорож-

дение как процесс может быть «запущено» любым компонентом, представленным в данной схеме, но неизбежно при этом актуальное взаимодействие каких-либо частей этих компонентов или их структур в целом – в зависимости от целей говорящего. Мы полагаем, что представленная схема универсальна: она может быть моделью любого типа значения/смысла.

Такое понимание структуры «языкового» значения позволяет разграничить понимание, осмысление и интерпретацию. *Понимание* – это установление соотношения между единством «акустическая оболочка – акустический образ» и актуальным в данной речевой ситуации компонентом когнитивной структуры. При этом не обязательно подключение к процессу понимания большого ассоциативного поля и *всех* компонентов когнитивной структуры (как правило, такая связь реализуется в повседневном общении), *осмысление* предполагает *интериоризацию всей структуры значения*, а не просто указание на знаковую связь между акустической оболочкой и актуальным смысловым признаком. Это уже использование ресурсов языка в его «символической», а не знаковой, по Э. Сепиру, функции. Наконец, *интерпретация предполагает рефлексию над осмыслением*, способность *сопоставлять* разные процессы осмысления и *объяснять* их. Таким образом, понимание, осмысление, интерпретация – это разные *формы* когнитивного процесса, связанные со степенью «погружения» в значение как познавательную устойчивую структуру.

Сказанное позволяет предположить, что *динамика значения* как когнитивной структуры обусловлена принципиальной потенциальностью связей когнитивных признаков, а следовательно, самим механизмом языка (речесмыслопорождения), а не характером референциальных связей единиц языка с нелингвистической действительностью. Такие связи, безусловно, существуют, и в виде компонента когнитивных структур (и только в них) они способны влиять на речесмыслопорождение, но не обуславливать его.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1992.
4. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
5. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1989.

*В.А. Пищальникова**

Ментальные основания языковой способности

Неуклонное снижение уровня орфографической и пунктуационной грамотности современного выпускника школы, которое особенно очевидно проявляется на вступительных экзаменах по русскому языку в мыслишес учебные заведения, объясняется не только отсутствием мотивации к изучению русского языка, обусловленной совокупностью социально-экономических и морально-нравственных факторов. Необходимо исследовать ментальные и когнитивные особенности формирования письма и письменности как вида речевой деятельности, поскольку безграмотность не может не быть следствием развития специфических процессов в мышлении.

В обыденном сознании выпускника современной школы – носителя русского языка – орфография и пунктуация воспринимаются как ненужное препятствие, возникающее на пути поступления в вуз молодого человека, в остальном, по его мнению, абсолютно готового к интеллектуальной деятельности. Такое мнение поддерживается «корфографоцентризмом», основательно укрепившимся в отечественной филологической науке и в практическом преподавании русского языка. В этом случае письменная речь воспринимается как техническая операция по записи звуковой речи. Однако письменность – это особый вид речевой деятельности, хотя и связанный с устным языком, но не являющийся кодированием второго порядка, как часто считают. В основе письменности как речевой деятельности лежат специфические мыслительные механизмы, без знания которых результативно обучать грамоте нельзя. Специфика письменной речи очевидно проявляется уже в том, что ее усвоение предполагает движение от дискретных единиц, которые постулируются в качестве графических эквивалентов звуковых единиц, тогда как естественное усвоение языка начинается с диффузных сигналов и приходит к дискретным единицам.

Одним из существенных положений, определяющих специфику речевой деятельности как когнитивного процесса, является ее зависимость от степени развития моторики индивида, причем не только речевой. По Н.А. Бернштейну, управление движениями осуществляется разными уровнями мозга, которые в онтогенезе структурно и функционально оформляются постепенно, взаимодействуя и соподчиняясь в определенных ритмах. Мышечная активность при письме очень ритмична и про-

* Надежда Анатольевна Пищальникова – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).

текает как упругое колебание по почти чистой синусоиде – элементарнейшей из всех кривых колебательного движения. Можно предположить, что такая кривая – модельное отражение универсальности ритмической организации письменности. (Все ли виды письма соответствуют этой кривой? Не с реализацией ли генетически универсального ритма в письменности как особого вида речевой деятельности связано становление линейного письма как доминирующего типа? Отражают ли и если да, то как соединения букв при скорописи ритмическую организацию письменности? Эти и другие вопросы возникают как следствие положения Н.А. Бернштейна, и ответы на них могут существенно уточнить специфические характеристики письменности как когнитивной деятельности. Однако они составляют предмет особого разговора).

Изучение нарушения процесса формирования письма на определенном этапе программы обучения выявляет особый контингент учащихся, имеющих отклонения от нормы в состоянии моторной сферы (речевой и неречевой), – это учащиеся с низким уровнем развития чувства ритма. Если вспомнить выводы о генетической связи моторики с содержанием звука, к которым пришел в свое время И.Н. Горелов [1], наличие такой группы детей вполне объяснимо. Переход от выписывания букв к скорописи вызывает у них появление большого числа ошибок, расширение их диапазона, ухудшение состояния графомоторных навыков. Это происходит потому, что не сформированы в достаточной мере мыслительные структуры, ответственные за соотношение моторики, акустической и графической, и ритма.

Состояние двигательной сферы существенно влияет на процесс овладения письменной речью, характер которой зависит от степени сформированности графомоторных навыков. (Отметим кстати, что и процесс восприятия письменного текста во многом определяется сформированностью у реципиента графомоторных навыков). Отсюда вполне очевидно, что необходимы психолого-педагогические мероприятия, направленные на автоматизацию графомоторных навыков, ритмизацию речевых действий (устных и письменных). Отсутствие необходимых перечисленных навыков приводит к тому, что выпускники школы, во-первых, пишут с очень разной скоростью (как в процессе переписывания письменного текста, так и под диктовку), во-вторых, не могут прочитать написанное собой. Поэтому необходимым условием работы на подготовительных курсах (!) становится ритмическая диктовка, которая обязательно предшествует смысловой. Как показывает опыт, диктовка «по словосочетаниям/синграмм» не эффективна, поскольку у значительной части абитуриентов графомоторные навыки на необходимом уровне не сформированы.

Данные психологов показывают, что такого результата могло и не быть. Известно, что письмо дошкольников на раннем этапе освоения грамоты во многом носит характер упрощенной фонетической транскрипции (именно в силу несформированности графомоторных навыков и потому отсутствия необходимых фонографических паттернов). Так, дети 4–7 лет пишут: *минына, молток, музка, правос, вада, хвосьтик, виньтик, утюк, тъульэнъ, йама, ѹук, ручий*. Но, как видим, эти написания не являются нарушением правил русской графики. Умение на первых порах писать в соответствии со слуховыми образами (в соответствии с «фонетической орфографией») говорит о развитости фонематического слуха у детей. Более того, можно предположить, что гомоморфизм слуховых и графических образов определяет характер письменности как деятельности. Вода и [вада] не одинаковы генетически, первое – отногенетически более позднее образование. Это доказано экспериментально: психолингвистами установлено, что опознание слова графического и слова фонетического осуществляется разными механизмами мозга самостоятельно, без обязательного озвучивания графического варианта. (Показательно, что лингвисты, исследующие проблемы орфографии в функциональном аспекте, закономерно приходят к выдвижению гипотез о том, что «передача письменной информации не требует предварительного ее озвучивания и проговоривания» [2], однако эта гипотеза давно стала общим местом в психологии речи и психолингвистике). Формирование устойчивых связей между фонетическим и графическим вариантом слова у грамотного человека приводит к закономерному образованию особой ментальной структуры – фонографического паттерна (перцептивного эквивалента), который и обуславливает опознание слова без перевода его из фонетической формы в графическую и наоборот. Следовательно, нужен особый этап в обучении письму, когда при переходе на скоропись должны использоваться специфические виды упражнений, направленные на формирование таких паттернов. На первом этапе орфографической деятельности этому может способствовать запись слов, правописание которых не отличается от произношения (*кром, плот, фазан, сахар* и под.), а на последующих этапах такая деятельность должна все более усложняться.

Общераспространенным является тезис о том, что механизмы языка локализованы у правшей в «доминантном», «логическом» левом полушарии. Правое же полушарие рассматривается как «эмоциональное», неязыковое. Однако, как экспериментально установлено психологами, и в правом полушарии локализованы вполне определенные вербальные механизмы. Поэтому языковая способность человека базируется на двух относительно автономных и своеобразно устроенных ментальных структурах.

Вербальная левополушарная (далее. – ЛП) структура дискретных единиц построена на жестких логических правилах. Напротив, вербальная правополушарная (далее. – ПП) структура обеспечивает соотнесение (хотя и «грубое») вербальных структур с внешним миром на основе «перцептивного эталона», сохраняющего цельность и континуальность описываемого события [3, с. 48]. Понятие перцептивного эталона – паттерна – некоторыми исследователями соотнесено с «фонетическим представлением» И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, которое понималось как область в перцептивном пространстве, соотносимая с фонетической единицей, или психический образ такой единицы. Основной механизм вербальной ПП структуры – механизм тема-рематического структурирования цельности. Он обеспечивает возможность выделения в цельности существенных компонентов, структурирующих/образующих эту цельность (Н.И. Жинкин выделял «смысловые вехи», сейчас чаще пользуются понятием *ключевые слова*). Поэтому детям с доминантным правым полушарием легче усваивать пунктуационные синтаксические правила, чем правила орфографические. Но если учесть способность детей интуитивно осознавать структуры слова, то ясно, что таких детей легче учить орфографии на мыслительных антигезах. Вербальные ЛП структуры – это система правил трансформаций глубинных структур в поверхностные. В этом случае акцентируются «тонкие» отношения между вычлененными словами и структурами. Дети с доминантным левым полушарием хуже справляются с механическим заучиванием так называемых словарных слов.

Поэтому особенности языковой компетенции детей могут объясняться, во-первых, несформированностью «тонких» ЛП структур, во-вторых, рассогласованностью в реализации ЛП и ПП структур (именно в этом случае более частотны так называемые речевые ошибки, характерны тексты с упрощенными семантическими и синтагматическими структурами, парафразия (обобщенные гиперонимические наименования), телеграфный стиль, сходный с крайними проявлениями патологии).

Следует помнить и о том, что все нормальные люди обладают неким пороговым – нормативным уровнем решения когнитивных, в том числе речевых. ПП обеспечивает понимание дальних ассоциативных связей и часто принимает их за близкие. Левое полушарие не способно к правильной оценке дальних ассоциаций, распознает их в три раза хуже правого полушария, но дает оценочные суждения о качестве предметов, осуществляет оценку эмоциональной значимости вербальной информации. Доминантность левого полушария проявляется и в характере реакций на предложенные стимулы, как правило, это обнаруживается в воспроизведении расхожих штампов: *марка-контрамарка, земля – круглая,*

время – позднее, дело – безделье и т.п. ПП направляет поток ассоциаций. При угнетении ПП усиливается речевая активность вплоть до речевой расторможенности, увеличивается число ответов на стимулы в ассоциативном эксперименте, нарастает число букв в словах. При угнетении ЛП речевая активность резко снижается, укорачивается длина высказывания: налицо механизм реципрокного взаимодействия между полушариями. Возможно, что целостность текста на начальном этапе восприятия обеспечивается ПП. (Отметим попутно, что с приходом в школу дети еще не обладают механизмом порождения и смыслового восприятия устных текстов: на поверхностном, коммуникативно- pragmaticическом уровне они языком владеют, но рефлексии над соотношением смыслов не совершают, не переходят на уровень значений как когнитивных структур). 6–7-летние младшеклассники не владеют основными средствами построения межфразовой связи; их предложения связаны не с предшествующим контекстом, а с отображаемой ситуацией. К 10–11 годам завершается формирование внутренней речи, что дает возможность успешно оперировать целостными текстами. Легко превращают замысел текст, стройный композиционно, но не могут разворачивать и сворачивать текст к замыслу. Дети этого возраста не способны адекватно передать содержание искаженного текста: они еще не ориентированы на целостный смысл при порождении. Понимают скрытый смысл, но нет еще активной аналитико-оценочной обработки информации. Возможно, эти замечания в скобках и не пришло бы делать, однако наблюдения последних десяти лет показывают, что среди абитуриентов 16–17 лет медленно, но неуклонно растет количество индивидов с только что перечисленными характеристиками речевой деятельности, характерной для детей 10–11 лет. В норме же к 15–16 годам наблюдается резкое увеличение субъективно-авторских, метатекстовых компонентов в целом, усиление встречной мыслительной активности, появляются элементы анализа и комментария в пересказе).

Доминантность ПП в восприятии речи отмечается у около 14% здоровых людей. У них эффективнее и быстрее обрабатываются вербальные стимулы. Если испытуемые с доминантным ЛП выделяют разные типы антонимии и синонимии (актуализируются формально-грамматические принципы анализа вербальных структур), то у правшей синонимия исчезает, анализ слова строится с опорой на внеязыковую действительность. ЛП испытуемые правильно и быстро совершают собственно языковые операции, но при анализе простых предложений совершают ошибки. ПП, напротив, не ошибаются в простых предложении, но допускают ошибки в сложных, ориентируясь на первое слово в предложении. Звуковой анализ одинаково эффективно выполняется и

ЛП, и ПП: это одинаковая способность к восприятию членораздельной речи. Но способность к анализу более высоких уровней языка зависит оттого, какое полушарие является доминантным.

Каждый из блоков мозга в определенной степени компетентен в способе деятельности другого. Это обусловлено особенностями мозговых механизмов психики человека. Между ЛП и ПП мозгом имеет место функциональная асимметрия: левое полушарие мозга является филогенетически более поздним и, следовательно, более высоким по иерархии, чем правое. Взаимодействие разноуровневых мозговых структур происходит в виде обмена опытом функционирования. На определенной стадии эволюции психики каждый из уровней становится способным самостоятельно осуществлять функцию, которая ранее была между ними поделена. Таким путем каждый из уровней приобретает определенный репертуар умений другого. Это относится и к взаимодействию между парадигматической специализацией правого полушария и синтагматической левого. Это приближает блоки мозга к функциональной эквивалентности в осуществлении наиболее освоенных функций [4, с. 34–35]. Отсюда следует, что, несмотря на разницу в доминантности полушарий, можно научить разнополушарных людей качественно одинаковому выполнению определенных функций, но применяя специфические методики.

Исследование дисграфии и дислексии у учащихся 1-3 классов показало, что у младших школьников имеются стойкие ошибки, приводящие к трудностям освоения письменного языка [5, с. 69]. Известно, что из общего числа неуспевающих учеников 70% детей являются леворукими, скрыто леворукими (переученными на письмо правой рукой) или характеризуются амбидекстрией (одинаковым владением правой и левой рукой). Такие дети значительно чаще делают перестановки букв и слогов при чтении, имеют специфические ошибки чтения, связанные с выбором направления чтения слов (зеркальность). Таких ошибок нет у правшей, которые заменяют буквы чаще всего по акустическому или артикуляционному свойству. Наибольшие трудности в овладении письменным языком встречаются в деятельности левшей – учащихся с ПП доминантностью.

Если речевая деятельность – это система функциональная, объективно существующая и организованная по законам синергетических систем, то ее состояние характеризуется неравномерностью развития компонентов и их нестабильностью. Эта неравномерность не является случайной, она существует как соответствие между развитием компонентов верbalных и неверbalных функций. Неравномерность обнаруживается как у взрослых, так и у детей. Каждому варианту диспропорций развития свойственны определенные речевые характеристики.

1. Обнаруживается отставание блока программирования и контроля действий (снижение процессов слуховой обработки информации). Это приводит к снижению темпа речи при среднем темпе чтения, к малой длине текста между репликами собеседника, малой длине синтагм, редкому употреблению наречий, медленному письму, меньшему количеству свободных ассоциаций. Устранение названной диспропорции развития требует особых типов упражнений, направленных на формирование когнитивных структур, способствующих нормальной работе психофизиологических механизмов указанного блока. Так, эффективны упражнения на придумывание словосочетаний различного типа с заданными словами (1 этап), придумывание предложений с несколькими, как правило, тремя словами, не связанными тематическим и, более того, намеренно удаленными друг от друга семантически (2 этап). Когда эти когнитивные операции в достаточной степени отработаны, можно предложить придумывание предложений с заданными словами при условии, что каждое последующее должно быть логически связано с предыдущим (3 этап). Позднее формирование когнитивных структур следует закрепить придумыванием рассказа с заданными, тематически не связанными словами при условии сохранения предложенного порядка слов и, наконец, придумыванием рассказов с теми же словами и при тех же условиях, но на различные темы (4 этап).

2. Обнаруживается отставание блока переработки информации (аналитических стратегий), что связано с трудностями в серийной организации движений. Это проявляется в описках, недописывании слов, пропуске начальных букв, медленном письме. При этом наблюдается высокий темп речи и чтения, большая длина отрезков текста между репликами, большая длина синтагм, частотность наречий в речевых произнесениях. Однако вместе с тем характерны неточные номинации, повторы, параграмматизмы, большое число логических сбоев.

3. Обнаруживается отставание холистических стратегий. Следствием этого являются низкий темп говорения и чтения, средняя длина текстов, относительно большая длина синтагм, особенно у взрослых, средние показатели по всем видам ассоциаций и др.

Ребенок рождается с чрезвычайно высокой степенью врожденной готовности к усвоению языка. Отдельные слова и простые фразы усваиваются им в таком раннем возрасте, когда сознание еще практически отсутствует.

Наиболее рано приобретенные языковые навыки в их естественном, не метаязыковом употреблении так и остаются не достигшими уровня осознания. Поскольку каждое новое поколение усваивает их еще раньше, чем предыдущее, можно думать, что высокая врожденная готов-

ность перерастает со временем во врожденный признак. В настоящее время отмечены сдвиги возрастных порогов освоения сложных речевых функций – чтения и письма. Многие современные дети читают и пишут в 2–3 года. Участие разума в освоении этих навыков все уменьшается, и, следовательно, возрастает доля бессознательного [6, с. 35]. Отсюда при разработке методики преподавания орфографии и пунктуации следует прибегать к приемам неосознаваемого внедрения каких-либо смыслов (суггестивных методик).

Известно, что ритмическая структура речи по-разному воспринимается лево- и правополушарными людьми. Данные речевого онтогенеза свидетельствуют о первичности ритмико-мелодических структур в иерархии звуковых единиц в так называемый дословесный период. Ритмическая группа может соответствовать слову, синтагме, предложению.

Если учесть, что ритмика речи воспринимается по-разному разнополушарными людьми, при обучении пунктуации русского языка на начальном этапе следует подбирать для анализа примеры с намеренно акцентированным ритмом, при этом на первых этапах ритмическое членение в примерах должно совпадать с постановкой пунктуационных знаков: *И свистит, и бормочет весна, по колено затоплены тополи, просыпаются клены от сна, чтоб, как бабочки, листья захлопали и под*. Такие речевые произведения способствуют актуализации необходимых когнитивных структур. В том же случае, если такие структуры в концептуальной системе конкретного индивида являются дефектными или вообще не сформированными, такие упражнения ведут к их формированию. Ритм – это структура не формальная, а смысловая, суггестивная. Усложнение ритма есть усложнение смысла. Вот почему при обучении орфографии и пунктуации русского языка следует вначале опираться на классические примеры «чистых» ритмических структур, лучше поэтических. Таким образом формируются неосознаваемые когнитивные структуры, которые способствуют более глубокому усвоению языка, фиксируемого им содержания.

Но нужно именно развивать эти структуры в процессе изучения словесности, а не оставлять ребенка на уровне приобретенных им к школе когнитивных структур, пытаясь «втиснуть» в них, как правило, вовсе не соответствующий им текстовый материал.

Неосознаваемое овладение когнитивными структурами качественно меняет мышление, усложняет его, так как образуются все новые и новые ассоциативно-вербальные/невербальные связи. Следовательно, формируется нейрофизиологическая база для действенного, действующего, творческого мышления, противостоящего тотальной стереотипизации мышления.

А поскольку школьная практика преподавания орфографии и пунктуации, как правило, не учитывает сказанного, то «когнитивная основа», которая формируется у большой части детей к началу обучения в школе, будучи стереотипной и дефектной, таковой и остается. И, более того, языковая функция становится все менее мыслительной и все более мнестической. (Как показывает опыт работы над изложением, у большой части абитуриентов память очень хорошая, но с творческими заданиями по тексту успешно справляется лишь небольшая часть).

Психологи, наблюдающие за развитием современных детей, тоже отмечают их достаточно хорошую память, но репродуктивный интеллект, затруднения в выполнении логических операций, низкий уровень обобщения, зато высокие самооценку и уровень притязаний [7, с. 28]. Очень часто когнитивное развитие отстает от коммуникативно-речевого, ребенок пользуется дефектными конструкциями предложений, употребляет слова, обозначающие абстрактные понятия, но объяснить их не может и др. Поэтому необходимым заданием становится определение значения слов, затруднения в определении которых испытывают практически все учащиеся разного возраста, в том числе и абитуриенты (на первых порах абитуриенты объясняют *пабликсти* как находящееся не-подалеку, а *саженки* как маленькие саженцы). При этом, конечно, не требуется составление определений, приближающихся к строгой словарной дефиниции, важно установить связь слова с понятием или реальностью. Одновременно должна проводиться орфографическая работа. Еще один прием активизации когнитивного компонента речевой деятельности – придумать русский синоним к слову, по происхождению иноязычному (*дезертир, привилегия, интерьер, вестибюль* и др.). Никогда нельзя упускать возможности сообщить доступно этимологические сведения о слове. Такое пристальное внимание к слову и его связям с другими, как правило, способствует активизации и усложнению ассоциативно-вербальной сети, формированию графических и фонографических паттернов, укреплению их с фонетическими.

Сказанное подтверждается следующим остроумным экспериментом.

Студентам был предложен текст на эсперанто с заданием найти в нем знакомые слова или те слова, которые вызывают какие-либо ассоциации, и попытаться перевести текст [8, с. 102]. Было получено 213 реакций на 40 слов. Студенты пытались найти сходство с русскими, латинскими, греческими, английскими, итальянскими и литовскими словами – со всеми, с которыми так или иначе они были знакомы. Испытуемые выделяли морфемы, делали предположения о происхождении слов, соотносили слова эсперанто с ассоциациями звукобуквенного характера. В восприятии текста учителями отмечается значительное влия-

ние стихотворного размера. Но в любом случае выявлялся набор гетерогенных опор при понимании текста. Видимо, это универсальные поисковые операции людей при понимании речевого произведения, а следовательно, на них и надо опираться при развитии языковой способности [8, с. 102]. Ведь если когнитивная структура присвоена, речевое действие начинает формировать контекст своего употребления, а следовательно, индуцировать определенный смысл. Вполне понятное (осознанное) слово – это усвоенная модель познания реалии действительности. В деятельности языкового сознания моделирование – это уже не копирование, а творческое продуцирование модели, которая, в свою очередь, может стать основой для создания других [9, с. 31]. Нет стабильной когнитивной структуры – нет нормально мыслящего и правильно говорящего человека. Это подтверждается изучением речевой деятельности афатиков. Исследование ассоциативных связей в условиях речевой патологии показало [10, с. 94], что у афатиков нарушена смысловая структура слова, но элементы соотносимых в уме объектов сочетаются осмысленно. Поэтому логическая соотнесенность слов с действительностью не нарушена, но речь и мышление в норме невозможны.

Ассоциативное поле каждого слова у афатика – цепочка слов или попыток дать толкование слова; нет реакций – глаголов; нет реакций – отдельных слов. Тематически связанные стимулы не вызывают связанных реакций: *стол* – *не тарелка*, что это может быть? *Чайка*, нет, это не то. К сожалению, это очень напоминает первые опыты в определении слов у слушателей подготовительного отделения и заставляет думать, что, кажется, многие когнитивные структуры наших выпускников школ ущербны.

Особым механизмом становления детского речевого мышления является осознание производности слова. Установлено, что присвоение ребенком семантики слова реализуется в единстве так называемого лексического и словообразовательного значений. Дети 5–6 лет не просто усваивают соотношение *вещь–слово*, а устанавливают смысл как единство существенных когнитивных признаков, фиксированных разными морфемами. В эксперименте [11, с. 123] обнаруживается следующее.

1. Если значение мотивирующей основы прозрачно для ребенка, то возможна утрата определенного семантического компонента, развившегося в добавление к этой основе: *хранитель* – он тело хранит, ясновидец – кто ходит без очков.

2. Слово может наделяться дополнительным значением: *заграница* – место, где живут фашисты; *усыпальница* – спальня, где дети засыпают.

3. Возможна замена данного форманта на омонимичный: *проигрыватель* – это ребенок, который плохо умеет в игры играть, все время проигрывает; *ракетница* – женщина, которая летает на ракете.

4. Наблюдается омонимичная замена корня: *странник* – это человек, который говорит странные слова; *уголовник* – кукольный уголок; *помазанник* – это крем, мы им торт обмазываем сверху и вокруг.

Причины 3, 4 понятны – несформированность когнитивных структур определенного типа, замена их на внешне сходные. (Можно заметить, что перечисленные механизмы, вероятно, носят универсальный характер, поскольку люди разного возраста пытаются объяснять не понятные им слова именно таким образом. На этих же универсалиях часто строится языковая игра как намеренное и вполне осознанное сближение в одном речевом акте разных когнитивных структур).

Особо отметим, что нередко дети членят корни, с точки зрения современного русского языка не членимые. Это свидетельствует о важности для процессов реализации языковой способности поиска внутренней формы слова – способа представления значения, который организуется доминантным признаком, гносеологически приписываемым в речевой деятельности тому или иному предмету: *искусница* – это, может быть, муха или еще какая-нибудь зверушка, которая всех искусывает, сильнокусает. Важно, что ребенок здесь опирается не только на строгие правила словообразования (= на неосознанное знание познавательных моделей, фиксированных в слове), но и на интуитивное осознание потенциальных возможностей системы. Дети четко осознают членимость слова и нередко делят основу так, что это приводит к вычленению этимологического корня. Предпочтение отдается регулярным аффиксам с очевидным деривационным значением, и это вполне объяснимо: значит, в онтогенезе сначала формируются устойчивые когнитивные структуры, регулярно закрепленные в языке. И тогда учить членению самых сложных слов на морфемы надо начинать в возрасте 5–6 лет, чтобы убыстрить образование новых познавательных структур. В орфографии, вероятно, следует начинать с овладения такими правилами (= когнитивными моделями), которые отражают наиболее стабильные соотношения единиц языка (например, правописание приставок без/бес, правила проверки ударением, но не чередование в корнях и так далее). Ошибки орфографические – это ошибки когнитивные, свидетельствующие о несформированности необходимых ментальных структур, на базе которых осуществляется мыслительная деятельность. Важно подчеркнуть, что дети легко решают и давний теоретический спор лингвистов: что является основной значимой единицей языка? Для детей 5–6 лет это корневая морфема как носитель смысла.

Практически никакого внимания не уделяется при обучении грамотному письму еще одной психофизиологической характеристике – полу ребенка. А между тем пол ребенка во многом определяет организацию лексикона и порождение текста. Девочки 7–10 лет в целом опережают мальчиков в формировании логического компонента языковой способности. У них раньше формируется представление о норме и стандарте в языке, система парадигматических отношений в лексике, внутренний лексикон жестче структурирован. В речевом поведении девочки ориентируются на оправдание социальных ожиданий [12, с. 31]. Среди мальчиков широко распространено явление «коммуникативной некомпетентности». Неодинаковы и способы формирования понятий у мальчиков и девочек в разном возрасте. Однако эти особенности практически никогда не учитываются при развитии языковой способности в рамках обучения орфографии и пунктуации.

Раннее обучение языку основывается в большей степени на лингвопознавательных (когнитивных) компонентах речевой деятельности и менее – на коммуникативных. Как показывает опыт, раннее обучение приводит к основательному усвоению когнитивных структур, представленных в языковых значениях разного типа. Следовательно, надо учить ребенка говорить сразу правильно – в этом случае он усваивает недефектные когнитивные структуры. В дальнейшем, овладев такими структурами, в условиях реальной коммуникации человек легко использует их в коммуникативной речевой деятельности, трансформируя в зависимости от условий речевой ситуации. К сожалению, значительная часть наших детей до школы обучается говорению именно в процессе пресловутой «живой русской коммуникации». А ведь именно ранний интенсивный речевой опыт влияет на функциональную организацию мозговых систем [13, с. 112]. Способность к осуществлению разных видов речевой деятельности определяет и прагматическая, и коммуникативная компетенция (что сказать и почему). Но как сказать – это задача когнитивной составляющей речевой деятельности.

Литература

1. Горелов И.Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
2. Голев Н.Д. Ошибка или описание – что хуже? (К основаниям теории функциональной орфографии русского языка) // Речевое общение. Специализированный вестник. Вып.3 (11). Красноярск, 2000.

3. Сахарный Л.В. Язык правого полушария: миф или реальность? // Язык, сознание, этнос, культура. Тезисы XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.
4. Визель Т.Г. Две стороны языка и эволюция психики // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
5. Иншакова О.Б. Трудности овладения письменной речью // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
6. Визель Т.Г. Мозговые механизмы бессознательного в языке // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
7. Болдырева Т.А., Болдырева М.А., Фадеева Н.А. Роль семьи в развитии речи и мышления ребенка // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
8. Медведева И.Л. Опоры при восприятии текста на неизвестном языке // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
9. Борбелько В.Г. Типы текста как результата деятельности языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
10. Лебедева С.В. Специфика ассоциативных связей в условиях патологии речи // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.
11. Зотова Н.Ю. Осознание производности детьми дошкольного возраста // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
12. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г., Пенягина Е.Б. Лексикон и картина мира русского ребенка: зависимость от возраста и пола // Языковое сознание: содержание и функционирование. Тезисы докладов XIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
13. Никитина Е.С. Когнитивные компоненты в модели языковой способности // Языковое сознание и образ мира. Тезисы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1997.

*И.В. Рогозина**
Медиа-картина мира

Современный этап развития человечества характеризуется резким ускорением темпов слияния этнокультурных сообществ людей в наднациональные сообщества, в рамках которых устанавливаются единые политические, правовые, экономические и иные стандарты, принимаемые членами этих сообществ на добровольной основе. Это позволяет исследователям делать однозначный вывод о глобализации процессов, протекающих в различных сферах человеческой деятельности, включая глобализацию международного общения.

Как нам представляется, в основе этих новейших тенденций лежит явление, которое мы определяем как *глобализацию информационного воздействия* на человечество. За последние десять лет СМИ трансформировались в новую структуру, обеспечивающую неуклонный рост объемов информации, поступающей отдельному человеку, социуму и всему мировому сообществу. Информация, циркулирующая по каналам, имеющим массовую аудиторию, предлагает определенную картину реальности, на основе которой на разных уровнях общества принимаются жизненно важные решения. Это дает основание говорить о становлении *информационного общества*, пришедшего на смену обществу постиндустриальному [1].

С появлением глобальной информационной системы – Интернет, представляющей собой огромный набор коммуникационных каналов, масс-медиа становятся основной средой, в которой осуществляется большинство значимых для общества видов коммуникации. В настоящее время количество пользователей Интернет составляет 300 млн. человек, и ожидается, что в ближайшие годы эта цифра увеличится вдвое.

Вследствие появления виртуальной коммуникации происходят важные качественные и количественные изменения. Качественные изменения состоят в появлении новых возможностей получения информации в процессе коммуникации. Пользователи имеют доступ к большим объемам информации, могут активно участвовать в ее выборе и осуществлять обмен информацией с другими пользователями в режиме реального времени вследствие подключения к глобальному информационному пространству. Количественные изменения связаны с возможностью включения в процесс коммуникации неограниченного количества пользователей. Традиционные СМИ начинают использовать информацион-

* Ирина Владимировна Рогозина – докторант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (Барнаул).

ное пространство Интернет для размещения в нем своих информационных сообщений: создается Интернет-система реализации информации.

Увеличивается количество источников информации, возрастает число способов получения и передачи информации. В результате этого в индивидуальном и общественном сознании происходят качественные изменения: оно глобализуется. На смену «спартикулярности» сознания приходит «глобальность» сознания со свойственным ему размытием тезаурусов [2]. Это находит свое отражение в множественности концептуальных пространств в рамках глобального информационного пространства.

Однако следует особо подчеркнуть, что в новых условиях глобального мира, «в условиях резкого усиления информационной насыщенности общества и развития индивидуального доступа к самым разным и новейшим знаниям СМИ не только сохраняют свои информационные функции, но развиваются и углубляют не менее важные социальные функции, которые, может быть, выходят на передний план по сравнению с функциями чисто событийными и новостными» [3, с. 7–8]. Таким образом, в условиях информационного общества возрастает социальная функция СМИ. Например, статус любого события может быть изменен от локального до глобально и социально значимого.

Доступ к социально значимой информации по-прежнему возможен только через СМИ, хотя несложно получать значительные объемы иной информации из других источников.

М. Херманн полагает, что перед общемировым обществом с общемировыми рынками стоят общемировые проблемы. Политические, экономические и другие процессы в современном глобализующемся мире все более усложняются. В этих условиях стремительно возрастает роль средств массовой информации как уникального механизма, способного интегрировать как отдельный социум, так и все составляющие общего мира. СМИ необходимы для адекватного понимания мира, который становится все сложнее для осмыслиения [4].

И. Дзялошинский, особо подчеркивая, что главной функцией «массовых коммуникаций» является обеспечение единства символического пространства определенного социума, рассматривает СМИ как «систему обмена символическими действиями, которые позволяют людям жить в более или менее едином символическом пространстве, пользоваться одинаковыми и теми же понятиями и вообще ощущать себя людьми одной культурной среды» [5].

Роль СМИ усиливается как на уровне целых социумов, так и на уровне отдельных индивидов. Исследователями отмечается тенденция движения от политической системы к системе СМИ на индивидуальном

и глобальном уровне. И. Засурский в Интернет-издании своей книги «Масс-медиа второй республики» констатирует переплетение сферы политического и СМИ, что, на его взгляд, позволяет говорить о *медиатизации политики*. Согласно И. Засурскому, медиатизация – это такой процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации [6].

Медиатизация рассматривается в качестве глобальной тенденции и в области культуры [7]. А социологи отмечают глобализацию социальных процессов и их взаимодействие с партикулярным жизненным миром личности как следствие медиатизации [8].

Резкое усиление информационной насыщенности общества открывает значительно больший, чем ранее, доступ к социальной информации или, как ее называют социологи, социальной реальности. Социальная реальность, в отличие от природной, конституируется путем интерпретации событий и явлений, так или иначе затрагивающих интересы общества.

Таким образом, социальная реальность конструируется участниками деятельности, она экстериоризируется с помощью языка, и в этом смысле можно говорить о социальном мире как о мире множества реальностей [9]. СМИ же являются важным, если не главным инструментом формирования социальной реальности [1].

Медиатизацию можно рассматривать с нескольких позиций. Прежде всего, это процесс встраивания СМИ, в том числе и электронных, в различные сферы деятельности человечества, при этом СМИ становятся неотъемлемым элементом структуры этой деятельности.

С другой стороны, медиатизация – это глобальный процесс воздействия на сознание людей при помощи средств массовой информации, выражющийся в формировании глобального информационного пространства и ведущий к сближению картин мира различных этнокультурных сообществ.

Медиатизация сознания определяется двумя взаимообусловленными процессами. С одной стороны, СМИ влияют на формирование как общественного сознания, так и сознания отдельного реципиента через систему текстов, а с другой стороны, по способу возникновения сами тексты СМИ являются продуктом деятельности отдельного человека на основе имеющейся у него картины мира.

В современной науке наблюдается согласие в том, что деятельность воспринимается человеком через моделирование событий и явлений окружающего мира. Понятия «модель мира», «картина мира» находятся в процессе теоретического осмысливания. Один из возможных подходов к нему состоит в том, чтобы понимать картину мира как «це-

лостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека» [10].

Картина мира моделирует психическую жизнь человека. На ее основе осуществляется целостная интерпретация реального мира. Являясь содержанием сознания, картина мира интегрирует личность человека. Исследователи особо подчеркивают регулирующую функцию картины мира: мнения и поступки людей в значительной степени направляются и диктуются картиной мира [10].

Представляется, что двумя составляющими картины мира являются индивидуальное и общечеловеческое (интерсубъектное) знание. СМИ воздействуют, прежде всего, на интерсубъектное знание как подсистему картины мира индивида, формируя медиа-картину мира. Однако следует учитывать, что разделение картины мира на составляющие является столь же условным, сколь условным представляется выделение реальности личностной и социальной. С одной стороны, социальная реальность – неотъемлемый атрибут общественной природы человека. С другой стороны, вне общества не может быть и личности. В этом смысле личностная и социальная реальность взаимно предполагают друг друга. Социальная и личностная реальность интегрированы в картине мира человека, причем в современном мире одним из *основных интегрирующих факторов служат СМИ*.

Любое взаимодействие людей в обществе всегда опосредовано каким-либо инструментом. Таким инструментом прежде всего служат различные средства коммуникации, в том числе язык. Картина мира человека зависит от того, как именно осуществляется коммуникация. М. Мак-Люэн считает, что не столько средствам производства, сколько средствам коммуникации принадлежит решающая роль в развитии современного общества [11].

Для современного этапа исследования картины мира как глобального явления характерен аспектный подход, что находит отражение в плорализме дефиниций и типов картин мира на уровне научных изысканий: научная, этнокультурная, религиозная, художественная и пр. В связи с разнообразием событий в отдельном социуме и в мире в целом и определяющей ролью их презентации в масс-медиа для жизни отдельного индивида, социума и всего мирового сообщества можно говорить о существовании *медиа-картины мира*.

Медиа-картина мира как результат воздействия СМИ на индивидуальное и конвенциональное в сознании обеспечивает единство символического пространства как на уровне отдельного социума, так и мирового сообщества. То специфическое символическое пространство, которое не дано человеку в непосредственном восприятии и образ которого форми-

руется в его психике опосредованно СМИ, предлагается называть медиа-пространством. Медиа-картина мира дает людям возможность ощущать себя частью более или менее единого медиа-пространства и обмениваться в этом пространстве символическими действиями, так или иначе расположенные на временной оси медиа-времени. *Таким образом, медиа-картина мира выполняет роль интегрирующей силы, направленной на консолидацию общемирового сообщества и управление его жизнедеятельностью.*

С другой стороны, медиа-картину мира можно рассматривать как опредмеченную ментальную деятельность людей по познанию мира, заключающуюся в его категоризации, т.е. разложении сложных процессов, явлений и событий, имеющих форму континуума, на дискретные фрагменты, которым СМИ придают тот или иной формат, соответствующий специфике протекания ментальных процессов человека.

Медиа-картина мира – это продукт непрерывной информационной деятельности человека, непрерывное опредмечивание ментальной деятельности по познанию мира, постоянная экстернализация содержания сознания отдельных людей, становящегося частью сознания или картин мира многих других людей через его актуализацию в текстах СМИ. Специфика медиа-картины мира заключается в отражении существенно значимых событий, затрагивающих основы существования и интересы как отдельного человека, так и общества в целом. Эта особенность медиа-картины мира объясняет тот интерес, который проявляет аудитория к текстам СМИ, и ту массовость аудитории, которая не характерна ни для каких других средств массовой информации.

Если сопоставить медиа-картину мира с другими типами картин мира, например, научной или художественной, по количественным параметрам, то будет ясно видно насколько меньше аудитория двух последних. Следовательно, по сравнению с другими типами картин мира медиа-картина мира принадлежит приоритет по ряду существенных параметров. Никакие другие типы текстов, опредмечивающих сознание отдельных людей, не оказывают столь масштабного влияния на большое количество людей в плане формирования в их сознании глобальной концептуальной картины мира. Медиа-картина мира характеризуется широчайшим диапазоном отражаемых фрагментов реальности: в ней представлен наиболее полный набор тематических категорий человеческого сознания.

Медиа-картина мира имеет, по крайней мере, две формы существования – ментальную, являющуюся результатом воздействия текстов

СМИ на сознание человека, и превращенную, т.е. в виде текстов информационных сообщений, находящихся на различных носителях.

Понятие текста как превращенной формы сознания очень важно при анализе взаимодействия человека с текстом [12]. Цель текстов информационных сообщений заключается в модификации картины мира в сознании человека через включение механизмов взаимодействия текста и реципиента, в результате которого осуществляется построение в его сознании определенной картины мира.

Усложнение явлений глобализующегося мира вызывает к жизни информационное воздействие, которое можно определить как более комплексное и медиатизированное, что, несомненно, обеспечивает более эффективное воздействие на ментальные структуры человека. В рамках когнитивного подхода язык рассматривается в качестве поверхностной структуры, выражающей ментальные концептуальные конструкции – «модели мира», операции над которыми совершаются в когнитивной системе человека. Цель информационного воздействия состоит в том, чтобы в когнитивной системе получателя информации построить такие концептуальные конструкции, модели мира, которые соотносились бы с моделями мира говорящего [13].

Литература

1. Мелюхин И.С. Информационные технологии и бизнес. М.: Гарант-Парк. 1997.
2. Каптерев А.И. <http://library.ntu-kpi.kiev.ua/html/arhiv/arh177/tom2/s9/Doc4.HTML>.
3. Засурский Я.Н. Информационное общество и средства массовой информации // Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики. Барнаул.: Изд-во АлтГГУ, 2000.
4. Херманн М.К. Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах. Конференция «Свободные средства массовой информации» в Московской Школе Политических Наук. 09.12.2000 <http://www.academygo.ru/Site/JournalPR/Publications/Herman.html>.
5. Дзялошинский И. Российская журналистика в поисках модели развития. <http://www.inguik.ru/RoIDzyalosh.htm>
6. Засурский И. Масс-медиа второй республики. [Http://www.cml.ru/1999/09/30/938635529.html](http://www.cml.ru/1999/09/30/938635529.html)
7. Каптерев А.И. Медиатизация «лягушки» и воспитание принципа общее и особенное в стратегиях болота и королевского двора.<http://www.library.ntu-kpi.kiev.ua/html/arhiv/arh177>

8. Соколова И.В. Структура и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории. // <http://www.iis.ru/infosoc/emag/nsf/BPA>.
9. Пигров К.С. Социальная философия. <http://www.uic.ssu.samara.ru/~cclub/pigrov1.htm>.
10. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Себренников Б.А., Телия В.Н., Уфимцева А.А. М.: Наука, 1988.
11. Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.
12. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1971.
13. Павленис Р.И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка). М.: Мысль, 1983.

*А.Г.Сонин**

Гетерогенные тексты как средство обучения и предмет изучения (о некоторых психологических проблемах содержания школьного образования)

Необходимость перманентного обновления содержания школьного образования в обосновании не нуждается. Школа, призванная заниматься подготовкой подрастающего поколения к жизни в обществе, не может работать продуктивно, не принимая в расчет изменений, которые в этом обществе происходят. Однако иногда, чутко реагируя на самые насущные проблемы, решаемые государством, школа на время выпускает из виду глобальные проблемы и тенденции мирового развития. Именно такая ситуация возникла, на мой взгляд, в российской школе вообще и в педагогической науке в частности. Вдохновленные идеями перестройки, педагоги приступили к осмыслинию тех перемен в жизни нашей страны, которые были вызваны наметившейся сменой экономического уклада. Кардинальному пересмотру содержания учебно-воспитательной работы, проводимой педагогическими коллективами на всех уровнях: от начального звена до высшей школы, – были посвящены сотни объемных злободневных трудов и тысячи не менее злободневных статей, заложивших основу для реформирования российской школы. Основной задачей, решаемой их авторами, было создание новой школьной идеологии, кото-

* Александр Геннадиевич Сонин – докторант отделения психологии университета г. Нант (Франция) и Алтайского государственного университета (Барнаул).

рая отвечала бы требованиям построения гражданского общества в России, обеспечивала бы воспитание нового ее гражданина. В соответствии с традиционным разделением учебного процесса на образовательную и воспитательную составляющие основное внимание было сосредоточено на воспитании.

Разумеется, работа отнюдь не велась односторонне. Процесс демократизации не замедлил сказаться и на содержании образования. Плюрализм взглядов вылился в создание различных «развивающих» программ, альтернативных традиционной, унаследованной от советской школы. При определенных достоинствах и недостатках этих программ (их обсуждение не входит в нашу задачу) содержательно все они ограничиваются лишь структурной перестройкой старого материала и изменением устоявшихся акцентов в зависимости от той психологопедагогической концепции, на которую опираются их авторы (например, акцентуация эмоциональной стороны познавательной деятельности в программе В.Л. Занкова, особое внимание к развитию теоретического мышления в программе Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова – В.В. Репкина и так далее).

Вряд ли стоит упрекать создателей новых программ за такой «консерватизм». Радикальные перемены в жизни любого организма нередко чреваты самыми тяжелыми последствиями. Школа же – организм хрупкий и чувствительный. Однако необходимость перемен определяется сегодня закономерностями развития современной цивилизации. Речь идет о таком планетарного значения процессе, как становление постиндустриального общества, сопровождающееся возникновением нового исторического типа культуры – культуры информационной.

Для всестороннего анализа этого явления потребуется, по-видимому, не одно десятилетие, не один десяток диссертационных исследований и коллективных монографий, поэтому в рамках этой статьи остановлюсь лишь на одном аспекте проблемы. Ни лингвистика, ни психология, ни педагогика не могут игнорировать тот факт, что *беспредметное развитие новых средств массовой коммуникации постепенно приводит к снижению исключительной значимости печатного слова в создании, преумножении, хранении, поиске, обработке и распространении знаний*. Благодаря изобретению новых материальных носителей происходит соединение словесного изображения с наглядным, картиночным. Распространение построенных на этом соединении текстов делает информационно-культурный фон – от ежедневных новостей до модных художественных форм – все более визуальным, зрелищным. При этом важным для исследователя моментом является единство смысловой структуры формально разнородных текстов, образующих

целостное произведение. Различные виды таких произведений (сначала комиксовые и кинематографические, затем телевизионные, а сегодня еще и компьютерные, распространяемые в глобальной информационной сети) демонстрируют высокую степень целенаправленности содержащейся в них информации. За счет все более жесткого навязывания рецепенту того или иного взгляда на предмет или явление разного рода гетерогенные произведения преодолеваются возможные личностные интерпретации, а иногда и те, что являются традиционными для данной культуры. Тем самым создаются новые конвенциональные стереотипы, выходящие за рамки какой-то одной культуры и способствующие разрушению как индивидуального, так и национального в самосознании. По сути, семиотически неоднородные тексты, вторгаясь в нашу жизнь и наше сознание, выстраиваются во все более совершенный «виртуальный» мир, искусственную среду, которая становится таким же фактом психической реальности, как и воспринимаемый нами мир материальных объектов, что неизбежно приводит к изменению отношений «мир человека – мир природы». Еще находясь на стадии первичного оформления, новая технологическая среда уже оказывает мощнейшее воздействие на психику человека. Это воздействие обнаруживает себя, в частности, в результатах массовой телевизионной пропаганды (рекламы), а также в феномене хакеров и маньяков компьютерных игр, для которых виртуальная реальность стала главной реальностью их жизни. Перемены произошли за достаточно короткий промежуток времени, и эта быстротечность, а также непредсказуемость превращают их в первостепенно важный объект педагогической рефлексии.

Нельзя сказать, что отмеченная проблема никак не находит своего отражения в исследованиях последних лет. Многие ученые признают, что после (1) разделения социальных ролей и передачи обучения подрастающего поколения от родителей учителям и из дома в школу, после (2) возникновения письменности и изобретения книгопечатания, обусловившего широкую доступность книг, мощный компьютерно-информационный скачок является третьим по своей значимости событием в истории образования и может привести к очередной революции в этой области. Однако в этом случае ожидаемая «революция» связывается в первую очередь с использованием последних достижений электроники в учебном процессе для создания новых форм и методов обучения (дистанционных, программированных и т.п.). Такой подход к проблеме является безусловно важным, но отражает несколько иное ее видение, нежели то, что представлено в статье.

Более близким к нему направлением работы является создание и включение в школьную программу начального курса по информатике,

знакомящего учащихся с азами работы на компьютере. Но и в этом курсе не предусматривается психологическая экспликация процессов восприятия графического текста. По-видимому, в связи с многовековой историей использования изобразительных текстов в учебном процессе принципиальная новизна интерактивной графики многими педагогами просто не осознается. Начиная с Я.А. Коменского, целые поколения ученых и мыслителей теоретически обосновывали принцип наглядности и подробно раскрывали его суть. Достаточно сказать, что в нашей стране ею занимались такие блестящие представители педагогики и педагогической психологии, как К.Д. Ушинский, В.И. Водовозов, Л.И. Божович, А.В. Запорожец и другие. В результате многолетней работы ими были выделены и описаны разнообразные функции, которые могут выполняться пиктографическим текстом в зависимости от специфических образовательных задач, но рисунок продолжал изучаться лишь с одной стороны – как разновидность наглядного материала. В качестве самостоятельного объекта школьного изучения он практически не рассматривался. А ведь именно эту задачу ставит перед нами бурное развитие электронных СМИ!

Возникает вопрос: почему при всей очевидности проблемы она так настойчиво игнорируется педагогами? Думаю, что ответ на него может лежать в истории изучения пиктографического текста. В разные времена внимание человека было приковано к различным сторонам рисунка. По-видимому, наиболее древний способ его анализа – семантический, рассматривающий отношение изображения и изображаемого. На том этапе развития изобразительных текстов, когда человек делал лишь первые шаги в освоении техники рисунка, пытаясь свернуть трехмерность воспринимаемого мира в двухмерное изображение, наиболее важной была сопоставимость (аналогическая или символическая) пиктографии с тем психическим образом, который должен был в ней материализоваться.

Значительно позже, когда были осознаны и проанализированы элементы рисунка (форма, цвет), а также значимость того способа, которым они в нем взаимодействуют (композиция, план, точка зрения), внимание специалистов стало обращаться главным образом на синтаксику – отношение между этими знаками (кодами) в теле рисунка, рассматриваемого как замкнутая система, функционирующая в соответствии с заданным набором правил. Своего апогея такой подход к тексту достиг уже в XX в., когда структурализм проник и занял одну из привилегированных позиций практически во всех гуманитарных науках.

Обращение к прагматическому измерению текста вообще и рисуночного текста в частности ознаменовало 60–70 гг. столетия. В это время на первый план вышли сами процессы восприятия текста индивидом.

Способность вызывать различные интерпретации была признана за текстами самой разной природы, в связи с чем вновь встала проблема соотношения единой когнитивной базы человечества и личностного восприятия знака. Как следствие, в рамках когнитивной психологии было проведено большое количество экспериментов, направленных на изучение процессов восприятия рисунка, механизмов его узнавания, понимания, интерпретации. Особое внимание было уделено установлению роли языка в организации восприятия пиктографического текста.

Тогда же авторы семантических теорий и представители прагматической ориентированной лингвистики выделили в качестве одного из ключевых понятий речевой ситуации. Постепенно был признан тот факт, что установление референтных связей, восприятие внутренней структуры текста в определяющей степени обусловливается его функционированием в конкретной ситуации. Подход, при котором акцентируется взаимоотношение «субъект–знак» оказался очень плодотворным и позволил уточнить многие положения, сформулированные в рамках семантического и синтаксического анализа. Очевидно, его объяснительный ресурс еще далеко не исчерпан, но развитие и усовершенствование так называемой «виртуальной реальности» все настойчивей подталкивает исследователей вернуться к исходному анализу рисуночного текста в плоскости «знак–референт».

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что при анализе виртуальных рисунков мы имеем дело с принципиально иной знакостью, иным характером замещения. На смену двухмерному пиктографическому знаку первобытного художника, изображающего трехмерное пространство, приходит четырехмерная модель четырехмерной действительности, которая (модель) не может более рассматриваться исключительно с точки зрения ее информирующей функции, обусловленной аналогической формой представления действительности. За счет использования современных средств видеотехники (цвет, компьютерная графика, мультипликация, звук) виртуальная реальность все более точно воспроизводит реальность «объективную». Однако самым важным качеством создаваемой псевдосреды является ее интерактивность.

Как известно, восприятие человеком объектов окружающего мира обусловлено его деятельностью по их преобразованию. Эта преобразующая деятельность является основой развития всех психических функций человека, отличающих его от животного. Никакой объект не может стать частью предметного мира человека иначе как через его включение в эту деятельность, через его преобразование. До последнего времени рисунок активно использовался человеком как для собственной трансформации, так и для преобразования окружающего мира. Первые

наскольные рисунки воспринимаются сегодня как неоспоримое свидетельство коренных изменений, происходивших в ту эпоху в человеческом сознании, освобождавшемся благодаря пиктографическим знакам от сиюминутности психического образа. В дальнейшем усовершенствование системы пиктографических знаков привело к созданию карт и чертежей, послуживших важным орудием освоения мира, а также определяния объектов, не существовавших в природе, зародившихся в глубинах человеческого сознания. Разумеется, выполнение рисунком этих двух важнейших функций не могло быть реализовано без изменения самого рисунка. Всякий раз, выступая в качестве опоры для прогресса цивилизации и дальнейшего психического развития отдельного индивида, рисунок мысленно трансформировался им. Эта внутренняя трансформация неизменно выступала необходимым звеном в процессе трансформаций внешних, направленных на окружающий мир, а *противопоставление внешней и внутренней деятельности определяло основное отличие пиктографического текста от того, что этот текст репрезентировал*.

Однако, по меткому выражению французского исследователя С. Тисроня, если бы человек не мечтал войти в изображение, создавая свой первый рисунок, виртуальная реальность не была бы создана никогда. Во второй половине XX в., с появлением интерактивных телевизионных и компьютерных программ, ситуация изменяется коренным образом. Стирается важнейшая грань между объективной и виртуальной реальностями: *человек получает возможность входить в изображение и совершать в нем желаемые преобразования в реальном времени, т.е. совершать по отношению к изображению уже не внутреннюю, а внешнюю деятельность*. Это позволяет ему *включать в картину мира элементы искусственно созданной среды по тем же механизмам и на тех же основаниях, что и объекты реальной действительности*. Именно это фундаментальное изменение в отношении «человек – рисунок» зачастую не принимается во внимание современной педагогикой. Свое отражение в учебном процессе по-прежнему находят лишь те две функции рисуночного текста, которые требуют внутренней деятельности по его преобразованию.

Очевидно, что если раньше семантический анализ акцентировал преимущественно то, что отражает изобразительный текст, то сегодня в первую очередь необходимо выявлять то, как рисунок интерпретирует действительность, т.е. проводить анализ, сопоставимый с анализом художественного текста. Новый член информационного общества должен четко осознавать, что пиктографический текст имеет мало общего с экраном, на который проецируется действительность. Скорее, это – свое-

образный фильтр, которым пользуется создатель, выбирая элементы действительности и интерпретируя их при помощи своеобразного языка.

Необходимость последовательно добиваться осознания учащимся этих основополагающих законов построения любого произведения, не являвшаяся актуальной еще несколько десятилетий назад, с широким распространением телевидения и персональных компьютеров, видеокассет и видеоигр перешла в разряд самых насущных. Постепенная передача многих образовательных и воспитательных функций, воспринимавшихся до сих пор исключительно как прерогатива школы, средствам массовой коммуникации повлекла серьезные изменения не только в психологию восприятия экраных произведений, но и в отношении человека ко многим сторонам его взаимодействия с миром. В своих крайних индивидуальных проявлениях эти изменения стали затрагивать вопрос жизни и смерти. Ведь если в компьютерной игре ее участник изначально имеет 3 жизни, а на смену погибшему Тамагочи можно купить нового, то с самого детства у ребенка формируется неадекватное отношение к этим ключевым моментам человеческого существования. Стоит ли говорить, что рано или поздно жизнь сама внесет ясность в эти вопросы, но произойти это может в самой необратимой форме. Неспособность отличить виртуальное от действительного, создателя программы от самого Создателя уже привела к многочисленным трагедиям, а ведь эпоха информационной культуры еще только начинается.

Могут ли в создавшейся ситуации изобразительный и экраный текст рассматриваться исключительно как средство обучения? При всей значимости их использования для конкретизации (иллюстрации) слов учителя, для создания дополнительной мотивационной базы обучения, для развития речи школьника на основе вербализации их содержания и так далее, ограничиваться их использованием лишь в качестве вспомогательных средств не допустимо. Гетерогенные тексты должны превращаться в самостоятельный объект изучения на школьном уроке. *Без формирования у человека умения самостоятельно анализировать сложные семиотически неоднородные произведения нет возможности выработать у них отстраненный, критический взгляд по отношению к указанным текстам.*

На разных этапах учебного процесса в качестве объекта изучения могут выступать разные типы текстов. В начальном звене речь может идти об анализе рекламных клипов, в ходе которого школьники должны осознать, что содержащаяся в них информация не столько относится к рекламируемому продукту, сколько замыкается на саму себя, больше рассказывая о том, как она построена, чем о качествах рекламируемого товара. В старших классах могут анализироваться так называемые

PR'ные произведения. Задача учителя при таком анализе должна состоять в экспликации того, что речи партийных руководителей и депутатов в первую очередь рассказывают зрителю не о самих этих политиках или их платформах, а о том, какой имидж они желают себе создать. Особое место на уроке должны занять компьютерные игры, увлечение которыми оказывает серьезное воздействие на психику ребенка.

Разумеется, подробные методические рекомендации потребовали бы написания отдельной статьи (а в перспективе – методического пособия для работы по изучению гетерогенных текстов в школе), но уже сегодня можно сформулировать основные требования, которые предъявляет к школе формирование новой, информационной культуры.

Перечислю лишь некоторые из них:

1. Подготовка современного школьного учителя с необходимостью предполагает его ознакомление с психологическими механизмами любо-речевомыслительной деятельности, обусловливающими восприятие любого текста.

2. Изобразительный гетерогенный текст является, по-видимому, одним из кратчайших способов донести некое содержание до реципиента. Это делает его наиболее востребованной разновидностью текста в рамках формирующейся информационной культуры. В связи с этим *особое внимание* при подготовке учителя *должно уделяться объяснению тех психологических моментов, которые определяют отличие в воздействии рисуочно-верbalных текстов на психику человека от воздействия обычных верbalных текстов* (сложность иерархической структуры, высокая целенаправленность и так далее).

3. Необходимо создание специальных методик анализа экраных текстов, который обеспечивал бы формирование у школьников критической позиции по отношению к содержанию этих текстов. Для этого разрабатываемые *модели анализа должны акцентировать* не референтные связи изобразительного текста с изображаемым, а *особенности интерпретации изображаемого за счет использования набора специфических кодов*, реальное функционирование которых должно быть продемонстрировано учащемуся и прокомментировано.

4. В результате школьник должен научиться осознавать взаимодействие этих кодов в гетерогенном тексте, обнаруживать, как конструируется в них смысл, и определять на основе анализа смысловую доминанту текста, его назначение.

5. В задачу учителя должно также входить компетентное разъяснение того, как гетерогенный текст влияет на наше восприятие изображаемого, как предзадает и формирует наше представление о нем. Возможно, на фоне всеобщей озабоченности педагогов проблемами, кото-

рые испытывают учащиеся в освоении научно-популярных и художественных текстов, изложенные здесь мысли покажутся неактуальными и даже ведущими к углублению повсеместно констатируемого разрыва между мыслительными процессами и внешней речью школьников. Нельзя не согласиться с тем, что в последние десятилетия наметился определенный разрыв, но суть его, на мой взгляд, заключается в несоответствии той формы, в которой информация доходит до ученика, критериям оценки ее усвоения, выработанным, по сути, еще в восемнадцатом веке и не учитывающими последних изменений в жизни общества. По удачному сравнению, предложенному Г. Клейстом, мышление и речь – это два колеса, параллельно вращающихся на одной оси. На разных стадиях развития человека (как в физическом, так и в онтогенезе) эти колеса могут вращаться в разном ритме. На мой взгляд, в эпоху, когда значимость вербальных текстов снижается под воздействием получающих все большее распространение текстов экранного, использование части школьного времени для решения проблем, обозначенных в этой статье, могло бы способствовать оптимизации учебного процесса на всех этапах: от начального звена до высшей школы.

М.Г. Старолетов, Н.М. Старолетова*
Грамотность как осознанный выбор индивида

Мы, преподаватели, учителя, часто любим делить учащихся на грамотных и неграмотных. И задания, выполненные ими, лаконично характеризуем: грамотно – неграмотно. После выявления этой чёткой оппозиции многие из нас пытаются понять (некоторые уже и не пытаются), в чём заключается причина столь различной «интерпретации» учащимися правил языка. Возможно, причина как раз и состоит в этой надёжно утверждавшейся оппозиции. Когда мы подходим к изучению определённого фрагмента действительности, вооружившись строгой системой противоположных понятий, то не упрощаем ли, не искажаем ли его?

Обратимся к проблеме стандартизации, упрощения в обучении орфографии и пунктуации. Определим цель: наметить способы решения данной проблемы.

* Михаил Геннадьевич Старолетов – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного технического университета (Барнаул). Нина Михайловна Старолетова – учитель школы-лицея Алтайского государственного университета (Барнаул).

Опишем ситуацию. На занятии преподаватель достаточно чётко объясняет, когда в страдательных причастиях и отглагольных прилагательных нужно писать одну или две и. Учащиеся слушают, записывают примеры, но в глазах нет искорки интереса и особенного внимания (а потом результаты...). Почему? Преподаватель раздаёт учащимся проверенные изложения. Ребята, будто консультируемые, выполняют работу над ошибками, объясняют себе, что в корне слова «выбирать» надо писать и, так как после корня следует суффикс а, а в суффиксе слова «каблучок» необходима гласная о, так как она ударная и т.п. Через некоторое время учащиеся пишут диктант и ошибаются часто в тех же словах. Почему??!

По нашему мнению, понятия «грамотность» и «неграмотность» тесно связаны. И не нужно их искусственно разделять и выдавать себе и учащимся облегчённый суррогат знаний. Уже дифференциация учащихся как грамотных и неграмотных требует корректировки. Ведь есть, условно говоря, относительно грамотные дети (это реальные «отличники»), относительно неграмотные (это реальные «ударники»), «положительно» неграмотные, «отрицательно» неграмотные и, наконец, «законченные бунтари». Считаем, что «положительно» неграмотные дети отличаются от их «отрицательных» собратьев тем, что, например, в предложении «Запряжённые в сохи и бороны лошади были сытые и крупные» могут поставить запятую после слова бороны. «Отрицательно» неграмотные с удовольствием отделят друг от друга знаком препинания слова лошади и были. Первые хотя бы фиксируют в сознании разницу между причастным оборотом и следующим за ним определяемым словом, различают члены осложнённого предложения как единицы его структуры. Они, возможно, даже слышали что-то о добавочных обстоятельственных значениях, но не знают точно, что это такое. Вторые уже просто смутно припоминают что-то о причастных оборотах и, чтобы не очень напрягаться, смело реагируют на интонацию учителя или на свою, родную. «Законченные бунтари» отличаются от неграмотных учащихся тем, что могут, например, «осчастливить» таким вариантом: «Запряженные сохи, и в бороны...». Такой «конструкт», несомненно, отражает полное неумение различать единицы семантической и синтаксической структуры предложения, оперировать ими в письменной речи.

Эта попытка дифференцирования уже даёт возможность осознать достаточно сложное положение дел: есть учащиеся, различающие единицы того или иного уровня языка и умеющие оперировать ими в письменной речевой деятельности – в той или иной степени удачно; есть учащиеся, различающие единицы грамматики статично, не умеющие оперировать ими в синтагматике речи и поэтому допускающие ошибки.

Орфография и пунктуация – лишь вершина айсберга! Орфографические и пунктуационные навыки и умения, основанные на сложном процессе усвоения абстракций (!) грамматики, существуют в постоянном конфликте между их грамотным и безграмотным применением. Грамотно пишущий человек потому и есть такой, что он постоянно преодолевает собственную неграмотность, жёстко контролирует «предлагаемые» ею варианты написания. Что значит преодолеть свою неграмотность? Это означает силой воли и разума восстановить в своём сознании системы языковых уровней, правила выбора их единиц в письменной речи, хотя бы фрагментарно осознать языковую иерархию. Например, при написании слова «мировоззрение» необходимо понимать, что оно сложное, на нижней ступени иерархии делится на морфемы, на стыке двух из них встречаются две буквы з, следовательно, норма правописания в данном случае обусловлена морфемным составом. Все мы грамотны и неграмотны функционально, оперативно. Мы в той или иной мере знаем, как надо ошибаться и не ошибаться. Проведите эксперимент: поменяйтесь с ребятами ролями учителя и учащихся на занятии, напишите на доске вперемешку правильные и ошибочные варианты слов и предложите «учителям» найти ошибки. Увидите, насколько увлечённо и качественно «учителя» заклеят вашу безграмотность. Особенно удивиться в этой ситуации можно тому, что среди строгих «педагогов» окажется немало «тroeчников» и «двоечников».

В ситуациях грамотности – неграмотности находится большинство носителей языка, и поэтому процесс обучения родному языку в школе необходимо продуктивно сориентировать, придать ему характер преодоления препятствий, внутренней борьбы и индивидуально осознанного выбора.

Действительно, существует неадекватность между способом объяснения орфограмм и пунктограмм (и, соответственно, способом их усвоения) и ситуацией реального речетворчества. Читаем в пособии Д.Э. Розенталя: «После пишущих под ударением в соответствии с произношением пишется о:

1) в окончаниях имён существительных и прилагательных: *но-жом, свечой* (ср. безударные окончания: *стажем, тучей*)...;

2) в суффиксах имён существительных и прилагательных: *-ок (крючок)*...» [1, с. 26].

Такой способ подачи материала (и он достаточно распространён) предполагает пассивное, неактуализированное, не на глубинном уровне сознания усвоение правил. Читая, «средний» учащийся пробегает глазами – часто мимо – слова *окончание, суффикс*, и его внимание в определённой степени фиксируется на примерах. В ситуации реального рече-

творчества «средний» учащийся пишет, например, в сочинении следующее: «Я люблю смотреть, как моя маленькая сестрёнка перебирает своими ручонками погремушки». Нельзя гарантировать, что учащийся не ошибётся при написании отмеченных букв, так как он, в принципе, думает в этот момент только о pragmatike высказывания, желая передать потенциальному адресату своё отношение к сестре в словах *маленькая, сестрёнка, ручонки*. Учащийся думает, оперирует и выбирает в pragmatischen целях суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением. И в этом он не ошибается, решает проблему! Так почему же мы, русисты, не создаём ему эту ситуацию размышления, оперирования и осознанного выбора при обучении орфографии? Почему бы вместо выложенного на тарелочке правила не предложить аналитическую работу в виде таблицы с вопросом?

РУЧОНКА	ТУШЕНКА
ЛАВЧОНКА	СГУЩЕНКА
КЛЕТКА СО СТРИЖОМ	СОСТРИЖЕМ ВОЛОСЫ
(ПОЧЕМУ?)	
Если этот вариант труден, то можно предложить другой:	
РУЧОНКА (РУКА)	ТУШЕНКА (ТУШИТЬ)
ЛАВЧОНКА (ЛАВКА)	СГУЩЕНКА (СГУСТИТЬ)
КЛЕТКА СО СТРИЖОМ	СОСТРИЖЕМ ВОЛОСЫ
(СТРИЖ)	(СОСТРИЧЬ)
(ПОЧЕМУ?)	

Основная задача – способствовать появлению у учащегося желания самому думать, самому сопоставлять, приходить к выводу. Именно такое – своё, «выстраданное» – закрепляется в сознании.

В пособии Д.Э. Розенталя предлагаются упражнения для закрепления правила, например: «Напишите существительные в форме творительного падежа единственного числа: *алыча, вожжса, гараж, душа, каланча, камыш, ковш, левша, лихач, ловкач...*» [1, с. 27]. Упражнение полезно в том же смысле, что и работа над ошибками в начальной школе, когда заставляют много раз писать одно и то же слово. Вспомним: повторяя сто или тысячу раз одно слово, и оно потеряет для тебя смысл. В начальной школе, пока ещё у детей не развилось абстрактное мышление, подобные упражнения, возможно, и уместны. А вот результаты практического наблюдения над процессом обучения старшеклассников: выполняя это упражнение, одни учащиеся начинают зевать, другие – иронично улыбаться и т.п. Всё, кроме усвоения правила! Попробуем нарушить убивающее мысль однообразие: *рубеж...м, береж...м, сургуч...м, экипаж...м, тягач...м, печ...м, плеч...м, престиж...м*. В результате активизируем различение частей речи, заставим думать об орфографическом потенциале русского ударения. Суть решения проблемы

заключается, конечно, не в примерах, а в принципиальности методологического подхода: орфография и пунктуация не как набор статических правил, а как область научного знания, в котором есть место интеллекту, поиску, индивидуальному открытию.

Осуществление такого подхода к объекту изучения в школе немыслимо без развития положительного ученического стереотипа: язык не «застывший» феномен, не набор правил, а живое, развивающееся явление. Об этом пишут, говорят, но до уровня стереотипа ещё далеко. Например, в пособии Л.Б. Селезнёвой даётся образец применения орфографического алгоритма:

«Счастье.

1. После Ц или нет? – Нет.
2. После шипящих или нет? – После шипящих, не О/Ё (Е).
 1. Ударный гласный или нет? – Ударный.
Следовательно, надо писать А.
Ответ: счастье» [3, с. 26].

Алгоритм логичен, объединяет несколько орфографических признаков. Но каков практический результат? Некоторые учащиеся пишут: «щастье», «нещастье». Обучение строго избирательное, упрощённое. Не учитываются грамотность и неграмотность, продолжающие сосуществовать в сознании учащихся. Создаётся грамотная неграмотность, так как познавательный интерес не направлен по исторической «вертикали» жизни слова (искусственно упущеной). Российский учащийся имеет право и обязан знать, что слово *счастье* произошло от существительного *часть* (доля) с предлогом *с*. Наши предки считали, что счастлив тот, кто с частью, со своей долей. Здесь будет целесообразным включение нравственного аспекта. Можно предложить порассуждать о том, какое счастье более уважаемо: *счастье* или *со-частье*, *соучастье*, т.е. *счастье, разделённое с другими людьми*. Вопрос о правописании этого слова будет снят на всю жизнь. Экскурсы в историю помогут при усвоении правописания слова *розетка* (от нем. *rose* – роза; предмет назван на основе сходства с розой по форме), при чётком уяснении различий в написании слов *яства* и *явственный*, *узы* и *узды*, *одиннадцать* и *двенацать*, *ровесник* и *сверстник*, *свидетель* и *ведать*, *вождение* и *наваждение* и так далее. Более важно то, что параллельно с усвоением орфографических норм оживут слова, наполняются индивидуальным для каждого учащегося смыслом, который ребёнок и вынесет по-своему из неизвестной ситуации урока. При этом, возможно, начнёт развиваться языковое мышление, а оно, в свою очередь, научит уважать языковые нормы.

Усвоение особенностей правописания оперативным путём, на основе актуализации операций мышления: анализа специально подобран-

ного языкового материала, сопоставления данных наблюдения, синтеза, абстрагирования (вывода правила), а также кардинальное изменение демонстраций объекта – русского языка – на практических занятиях (не статический феномен, а исторически изменяющийся и активно варьирующийся на синхронном уровне познаваемый предмет) – вот, по нашему мнению, необходимые средства, обеспечивающие актуальную направленность: безграмотность – «положительная» неграмотность – почти грамотность – ...?

Об активизации мышления в области языка, причём о доведении способностей к такому мышлению до уровня индивидуального интеллектуального умения культурной личности писал К.Д. Ушинский. Он считал самосознание базовым элементом в структуре личности: «В самосознании к сознанию вещи прибавляется сознание того, что это знание принадлежит мне. <...> Способность образовывать... понятия о самих понятиях... и есть самосознание; ...способность обращать мысль на саму себя, ...не только желать, но и думать о собственном желании – это есть самосознание, корень свободы выбора, языка, логики, грамматики...» [4, с. 462–463]. Если начать развивать идею К.Д. Ушинского, то можно прийти к такой модели: в структуре личности существует ядерный элемент – самосознание и функционируют, усложняясь в течение жизни, периферийные элементы – ролевые проявления индивидуума в различных сферах мыслительной и речевой деятельности, например, это роль обучающегося русскому языку. В этом отношении К.Д. Ушинский предлагал даже не столько активизировать языковое мышление, сколько развивать активный, контролирующий, аналитический подход личности к своему языковому мышлению: корректировать процессы своей устной и письменной речевой деятельности, направлять и настраивать себя на устранение «пробелов» в области системных знаний, апробировать в коммуникации эффективность, pragmatичность новых «приобретений» – сведений из орфографии, пунктуации, грамматики, грамматической стилистики так далее. Это очень сложно! Ведь орудием мышления является язык с его возможностями абстрагирования. Какой же инструмент можно избрать как для контроля над орудием мысли, так и для его (орудия) качественного изменения? Никакой другой, кроме того же языка. Однако в этом случае языко-речевые навыки только выигрывают.

Изложенный подход к изучаемому объекту обусловливает и наши критические замечания по отношению к материалу централизованного тестирования по русскому языку для выпускников школ. Тесты, к сожалению, во многом соответствуют представлению о языке как о наборе статических, дискретных, не активизирующих осмысливание правил. Вследствие этого, многие учащиеся, по нашим наблюдениям, готовятся к тестированию методом «подгона под ответ». Угадав ответы к больш-

шинству однотипных заданий в тренировочных тестах, они уже считают себя достаточно грамотными и скептически относятся к предложению преподавателя углубить изучение предмета, выйти за рамки тестового материала. Желательно, чтобы в тестах появились задания, выявляющие уровень способностей к оперированию единицами языка, например: *кл...ть – кл...м – (они) кл...т – кл...щий – прикл...вшиy, прикл...нныy; глаjен...ый костюм – глаjен...ый утром – поглаjен...ое платье – глаjен...ый – переглаjен...ый* и т.п. Полезно также включать в число заданий по культуре речи не только задачи по поиску предложений с речевыми ошибками, но и задания по выбору оптимальных вариантов исправления речевых ошибок. Такое изменение в характере тестового материала обеспечит проявление способностей абитуриентов к речевому творчеству, индивидуальному выбору стилистических средств языка. Оптимальный уровень развития этого вида языковых способностей и является основным показателем того, насколько состоялась языковая личность – личность грамотная pragматически, коммуникативно. Например, абитуриенту можно предложить выбрать лучший, по его мнению, вариант из следующих предложений.

1. Через сутки лекарство поступило с помощью Иванова в Минск.
2. Через сутки Иванов доставил лекарство в Минск.
3. Через сутки Ивановым была осуществлена доставка лекарства в Минск.

Задания другого вида заставляют абитуриента «собирать» стилистически нормативный вариант предложения путём сопоставления синонимического ряда и микроконтекста. Приведём пример.

Вставьте в предложение уместное, по вашему мнению, слово:

1. В продаже имеется ... (большой, богатый, различный, разнообразный, широкий) ассортимент духовых инструментов.
2. В огромном аквариуме под мелодичн... ... (журчание, плеск, шелест, шум) фонтанчиков плавают золотые рыбки.

Добиваемся размышлений, оперирования, осознанного выбора!

Литература

1. Розенталь Д.Э. Русский язык: Сборник упражнений для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: Дрофа, 1999.
2. Русский язык. Тесты. 11 класс. Варианты и ответы централизованного тестирования. Барнаул: АГТУ, 2000.
3. Селезнёва Л.Б. Русское правописание. (Задачи, алгоритмы, упражнения): Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1997.
4. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1989.

*O.A. Староселец**

Стратегии понимания текста и практика обучения словесности

Принимая в течение ряда лет вступительные экзамены в Барнаульском государственном педагогическом университете на педагогическом факультете, я пыталась ответить на вопрос: почему некоторые абитуриенты успешно пишут изложения, другие оказываются беспомощными, плохо запоминают текст, неудачно подбирают синонимы, а последовательность событий свободно варьируют?

Анализ вступительных изложений позволил выделить четыре группы абитуриентов: в первую группу вошли абитуриенты, которые воспроизводят текст близко к исходному, сохранив при этом авторскую лексику, точно передают последовательность событий, не путают факты, умеют выделять абзацы. В черновиках у этих абитуриентов записан либо план, либо зафиксирован набор ключевых слов, либо составлена схема структуры текста (выделены типы речи, использованные в тексте). К сожалению, эта группа немногочисленна. Работы второй группы абитуриентов отличаются следующим: в изложении фотографически воспроизводятся отдельные части текста, в некоторых случаях предпринимаются попытки самостоятельно связать запомнившиеся части, в других – части остаются логически не связанными. Третью группу абитуриентов условно можно назвать «свободными интерпретаторами», потому что, воссоздавая первичный текст, они вписывают собственные домыслы и ассоциации, которые нередко выходят за рамки авторского смысла. В работах абитуриентов четвертой группы выявляется эмоциональное реагирование на текст и/или подчеркивается эмоциональная доминанта текста. Другими словами, улавливаются настроение, чувства автора, тональность произведения. Во вторичном тексте появляются синонимы, подчёркивающие или усиливающие эмоцию. Например, в рассказе В. Шаламова «Стланик»: «А стланик гнется. Гнется все ниже, как бы под безмерной, все растущей тяжестью». Словосочетание *все растущей* абитуриенты заменяют на все *нарастающей, надвигающейся, многотонной*. В этом же тексте: «Он царапает своей вершиной камень и прижимается к земле, растягивая свои изумрудные лапы. Он стелется, он похож на спрут, одетого в зеленые перья». В изложении абитуриенты интегрируют в одно предложение: «По земле стелется стланик, который похож на спрут в зеленых красивых одеждах». Видимо, *спрут, перья и изум*-

* Ольга Александровна Староселец – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования АКИПКРО (Барнаул).

рудный цвет не ассоциируются в единый образ, но представления изумрудного цвета позволяют воспринимать образ положительно, поэтому одежды не просто зеленые, но и красивые.

Таким образом, мы выделили 4 группы абитуриентов, объединенных стратегиями интерпретации смысла произведения.

Первой группе соответствует *стратегия восприятия и понимания авторского смысла произведения*. Второй – стратегия *буквального тождества*, фотографирования текста. Третьей группе соответствует стратегия создания *встречного текста*. Четвертой – стратегия *выявления эмоциональной доминанты и/или эмоционального реагирования на смысл произведения*.

Несомненно, что результативной стратегией является первая. Закономерно возникает вопрос: как формируется и формируется ли она целенаправленно при подготовке к изложению? Анализ научно-методической литературы показал, что все без исключения авторы исследований считают основным приемом обучения учащихся изложению анализ текста. В школьной практике используют все виды анализа. Наиболее популярным в настоящее время становится комплексный анализ текста, составляющими которого являются лингвистический и литературоведческий виды анализа.

Наиболее разработанной и эффективной методикой подготовки к изложению представляется методика с лингвистическим анализом текста. Данная методика включает приемы и методы работы с текстом, которые ориентированы, с одной стороны, на восприятие и запоминание смысла произведения, с другой – на воссоздание на письме смысла исходного текста. Кстати, данные методические разработки вошли в учебно-методический комплекс по русскому языку для основной школы, выпущенный под редакцией М.М. Разумовской.

Традиционно при подготовке к изложению учат составлять план текста, выделять ключевые слова, количество частей текста, способы и средства связи предложений между собой. Такой анализ замкнут рамками конкретного текста, поэтому недостаточен для реализации первой стратегии. Необходимо научить видеть проявление общих групповых закономерностей построения в конкретных текстах, выделять структуру текста, в которой отражается специфика типа речи, стиля, жанра, другими словами, должно быть изучение текста как языковой единицы.

Общеизвестно, что человек обладает двумя видами памяти, воспринимая какой-либо текст, индивид запоминает отдельные места словно, так как оперативная или кратковременная память хранит информацию в словах, основную же часть текста долговременная память

хранит в переработанном виде – в образах, схемах, абстрактных моделях, так называемых «смысловых сгустках».

Традиционные методики тренируют оперативную память, растягивая ее во времени (без тренировки текст удерживается 10 с.). Свертывание «смысловых сгустков» осуществляется через анализ темы, основной мысли, выделение микротем, составление плана текста. Все эти приемы повторяются во всех методиках обучения изложению. «Разворачивание» смысла осуществляется через набор ключевых слов, по мнению В.И. Капинос и ее соавторов, необходимо еще составлять схему строения текста, т.е. производить типологический анализ текста, тогда ключевые слова соответствуют типу речи, например, глаголы записываются для повествования, слова со значением качества фиксируют описание, слова называющие и перечисляющие доказательства для рассуждения.

Таким образом, важно учить не только рациональным приемам интерпретации и запоминания текста, но и приемам лингвистического анализа и способам рационального фиксирования содержания в схемах, моделях, образах.

Известный русский лингвист и талантливый методист А.В. Миртов писал: «Нельзя всех обучать одинаковым образом, так как мы принадлежим к разным психическим типам». Уместно дополнить его высказывание. Мы обладаем разными когнитивными стилями, которые формируются и развиваются в онтогенезе в процессе познания мира и под влиянием обучения. При ориентировке в текстах и в процессе их понимания индивид пользуется разнообразными опорами, следовательно реализует разные стратегии. Задача обучения изложению заключается в развитии всех приемов восприятия, ведущих к пониманию авторского смысла текста.

Литература

1. Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: теория и практика обучения. 5-7 кл. М., 1991.

А.П. Чудинов*
Сексуальная метафора
в современном политическом дискурсе

Исследования метафоры стали одним из важнейших направлений современной когнитивной науки, которая в изучении рассматриваемого феномена полностью отказалась от традиционного (идущего еще от Аристотеля) взгляда на метафору как «сокращенное сравнение» или характерного для генеративистики (Н. Хомский, Л.Н. Мурзин и другие) представления о метафоре как своего рода взаимодействии двух глубинных (базисных) структур, а также от присущей структурализму ориентации на изучение «собственно языковых» закономерностей метафоризации. Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон; А.Н. Баранов, Ю.Н. Карапулов, Е.С. Кубрякова и другие) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Концептуальная метафора отражает национальное, социальное и личностное самосознание, она формирует отношение человека к миру. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет.

В настоящей статье рассматривается метафорическая модель, в соответствии с которой концепты, относящиеся к сексуальной понятийной сфере (в том числе обозначающие различные виды секса, взаимоотношения между партнерами, сексуальное насилие и обман, сексуальные расстройства, половые органы и т.п.), метафорически используются в сфере политики: обозначают социальные процессы, взаимоотношения политических организаций и конкретных политиков, моральные и деловые качества субъектов общественной борьбы и т.п. За пределами исследования по экстралингвистическим причинам осталась нецензурная лексика, инвективное употребление которой, как показал, в частности, В.И. Жельвис [1], распространено в современной русской политической речи.

Политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX в. отличается кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности, стремлением к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивностью, а также яркостью, гранича-

щей с карнавальностью; раскрепощенностью, граничащей с вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел, отклонения от фундаментальных национальных ценностей и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное сознание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но даже к некоторым политическим терминам и метафорам, но столь же стремительно и утрачивает иллюзии.

Многие специалисты (О.И. Воробьева, М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, Н.А. Купина, Л.М. Майданова, А.А. Романов, В.Н. Шапошников, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и другие) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорблении и др.).

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели хотя бы по минимальной схеме необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

1. Исходную понятийную область (в других терминах – *ментальную сферу–источник, сферу–донор, источник метафорической экспансии*), т.е. в терминах теории регулярной многозначности *семантическую сферу*, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении.

2. Новую понятийную область (в других терминах – *ментальную сферу–мишень, денотативную зону, рецептивную сферу, направление метафорической экспансии*), т.е. в терминах теории регулярной многозначности *семантическую сферу*, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении.

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (*концептуальную сферу*). По определению В.З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [2, с. 188].

* Анатолий Прокопьевич Чудинов – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «вооружение» включает такие слоты, как *огнестрельное и холодное оружие, боевая техника, боеприпасы* и т.п.

При характеристике составляющих слота мы используем термин «концепт»; для обозначения этих концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [2, с. 90]. Концепт, в отличие от лексической единицы (слова), – это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е.В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [3, с. 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу.

5. Компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц, т.е. выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее типовые сценарии, ведущие концептуальные векторы, продуктивность (способность к развертыванию и типовые направления развертывания) и частотность, выявить pragматический потенциал рассматриваемой модели, т.е. типовые особенности воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным типам, сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т.п.

Как известно, сексуальная метафора издавна используется в русском национальном языке (показательно, что именно с сексуальной сферой связаны наиболее сильные русские инвективы), но областью ее использования традиционно считались жаргоны и просторечие, тогда как в литературной речи, и особенно в средствах массовой информации, подобные образы практически не встречались. Последнее, видимо, объясняется национальными традициями России. Как справедливо отмечает Дж. Лакофф [4], существуют народы, у которых сексуальные метафоры играют очень большую роль в концептуализации мира (например, ара-

бы), тогда как в национальной картине мира других народов такая метафора занимает менее важное место (примером могут служить американцы).

Можно предположить, что активизация сексуальных метафор в современном российском политическом дискурсе связана с общей тенденцией к снятию ограничений в выборе языковых средств, в том числе вполне оправданных ограничений на использование в средствах массовой информации просторечной и жаргонной лексики. Освобождение средств массовой информации от цензуры и даже самоцензуры нередко понимается некоторыми политиками и журналистами как освобождение от любых ограничений, в том числе нравственных.

Второй фактор активизации метафор данной группы – это все более широкие возможности для сексуального образования. Едва ли имеет смысл в данный момент рассматривать достоинства и недостатки всеобщего сексуального просвещения, однако очевидно, что многие из приводимых ниже метафор не могли бы в советскую эпоху появиться на страницах высокотиражных газет хотя бы только потому, что наименования соответствующих извращений не были бы понятны большинству читателей. Иначе говоря, в настоящее время исходная понятийная область детальнее структурирована, а это очень важно для развертывания всякой модели.

Третья причина активизации рассматриваемой модели – это ее широкие возможности для формирования эмотивных смыслов, связанных с агрессивностью, опасностью, нарушением нравственных норм и традиций, что очень важно в период обострения социальных взаимоотношений в обществе. Показательно, что представленный ниже анализ фреймов и слотов рассматриваемой модели свидетельствует, что сексуальная метафора в политической речи чаще всего связана с тем, что традиционно осуждается в народном сознании.

1. Фрейм «Половые органы».

Наиболее широкое распространение в современной политической речи получили фаллические образы, традиционно воспринимаемые как знаки могущества. Ср.:

Фаллический символ советской эпохи – Останкинская телебашня – больше не способна к воспроизведению пропаганды (Е. Деева). Колоссом навис над серостью соседних кварталов бетонный фаллос административной многоэтажки цвета седьмого неба (А. Павлов); Где была наша интелигенция, по-лакейски облизывающая ему (Б.Н. Ельцину. – А.Ч.) и задницу, и передницу в предвыборную кампанию 1996 года (В. Бондаренко).

Как известно, фаллос – традиционный символ сексуального могущества и воспроизведения, что и предопределяет pragматический потен-

циал рассматриваемых метафор. Возможно, с актуализацией особого могущества пассажира связан и следующий контекст: *Водитель «членовоза» не успел затормозить перед автокраном, выезжавшим на проезжую часть с внутреннего проезда, а «членовредительство» мгновенно привлекают внимание СМИ* (А. Заев).

Как уже было сказано выше, автор решил воздержаться от цитирования фраз с использованием нецензурной лексики, которая и используется в абсолютном большинстве метафор рассматриваемого фрейма.

2. Фрейм «Сексуальные извращения».

Слот 2.1. Общие наименования.

Как известно, современные сексологи очень осторожны в разграничении нормы и патологии, поэтому название данного фрейма ориентировано, скорее, не на научные представления или «просвещенный ум», а на фундаменталистские ценности или образ «русского мачо». Показателен следующий ряд однородных членов-инвектив: *Собравшихся в Белом доме называли «подонками», «извращенцами», «вонючками» и даже «тарантулами, отрызающими свой хвост»* (Ю. Нерсесов). Ср. также: *В советское время газета [«Комсомольская правда». – А.Ч.] была награждена многими орденами за свой ратный труд и благородные дела. Сейчас же она позорит свое название. Снимите ордена, извращенцы!* (В. Шандыбин).

Сама номинация «извращенцы», а также объединение сторонников «свободной любви» в один понятийный ряд с «вонючками», «подонками» и «ядовитыми пауками» подчеркивает фундаменталистскую позицию авторов.

Слот 2.2. Виды извращений.

Рассматриваемые метафоры отражают традиционно осуждаемые в национальном сознании однополую любовь, сексуальное самоудовлетворение, противоестественное использование животных и т.п. Ср.: *С кем вы, мастера культуры? Если бы мастера культуры честно ответили на это стране, ответ звучал бы так: «Сами с собой». Страшное слово – мастурбация. Не дай бог, если президент протянет такой культуре руку* (А. Муждабаев); *«Демократы» превратили телевидение в содом – и не увидеть в этом пожаре перст Божий просто невозможно* (А. Трубицын); *В политологии изнасилование соответствует диктатура, а эквивалент скотоложству я думаю, авторитаризм: возня с народом, как с бессмысленной тварью* (Г. Павловский); *Закон открывает «зеленый свет» буйлеризму – наказание за прослушку [чужих телефонных разговоров. – А.Ч.] – чистая условность* (Р. Аршиновский); *Общество стремительно стареет, ему нужна гарантированная пайка и уход... Мне на кладбище делать нечего, я как бы не увлекалась некро-*

филией никогда (В. Новодворская); *Вместо того, чтобы любить живую бабу, вызывает какой-то образ и с ним онанирует. Вот Скуратов. Дай ему Бог! Настоящий мужик, не педик* (Г. Гачев).

Рассмотренные метафоры акцентируют противоестественность существующего положения дел, моральную распущенность, забвение традиционных российских ценностей. Подобное словоупотребление часто имеет инвективный характер и вместе с тем как бы демонстрирует пре-небрежение автора к существующему в общественном сознании негативному отношению к использованию метафор, относящихся к определенным понятийным сферам. Впрочем, современные российские политики и журналисты умеют находить для себя извинения и в более щекотливых ситуациях.

3. Фрейм «Сексуальное насилие».

Данная группа метафор обозначает любые действия, осуществляемые с использованием насилия. К надругательству больше всего склонно руководство страны и другие «сильные мира сего», а жертвой почу-му-то чаще всего становится интеллигенция, хотя среди потерпевших могут оказаться даже офицеры Генерального штаба. К сожалению, не-учтивое поведение слишком широко распространено в современной политической жизни, и это предопределяет востребованность соответствующих метафор. Ср.: Удивительно, но главное сходство творческой интеллигенции с путанами – страх. И те, и другие боятся стать жертвами изнасилования в грубой форме. У девочек это называется субботником, у культурной прослойки – диктатурой или цензурой (А. Муждабаев); По коридорам Генштаба ходят люди в военной форме. Говорят о дачах, детях, футболе. О чем угодно, но в разговорах все, словно сговорившись, стараются не упоминать злополучный договор: стыдно чувствовать себя «нагнутым» и «пошметым» (В. Экзебиче); Тем не менее, политика, как обычно, изнасиловала экономику – самую беззащитную даму в нашем обществе, поскольку в момент надругательства она сопротивляться не может. Зато потом мстит страшно (В. Гуревич). Как и в предыдущем случае, прагматические смыслы рассматриваемых метафор акцентируют осуждение утраты духовности, агрессивности, стремления властей действовать вопреки требованиям морали.

4. Фрейм «Сексуальные связи вне брака».

Слот 4.1. Секс вне брака (без материального стимулирования).

Традиционная русская мораль достаточно строго относится к сексуальным связям вне брака, особенно если люди вступают в такие связи излишнеспешно, состоят при этом в браке с другими лицами или используют обман, дают партеру основания для необоснованных надежд.

Актуализирующая указанное отношение метафора способна образно обозначать всякие поспешные действия, предательство, нарушение иных моральных норм. Ср: *Вставать под слова Михалкова – это то же самое, что при живой жене привести домой другую женщину* (Н. Федоров); *Пришедшие в 1991-м к рулю либералы на самом деле творческую интеллигенцию загнобили, как Золушку, если бы ее принц поматросил и бросил, а хрустальный башмачок сперли* (А. Муждабаев);; Прежде чем лечь в постель, надо познакомиться. Поэтому давайте сначала познакомимся, но выскажем намерение, что мы ляжем в постель (Ю. Лужков; о переговорах с Японией); *Если женщину обманешь – она родит, если землю обманешь – она, наоборот, рожать не будет* (А. Черногоров; о продаже земли).

Слот 4.2. Продажная любовь

Традиционная русская мораль осуждает профессиональные занятия сексом, в народном сознании проститутки воспринимаются как совершенно аморальные люди. Поэтому классическая инвектива основоположника большевизма: «Троцкий – политическая проститутка» – активно развертывается в современной политической речи. Ср.: Шойгу обнаружил «медведей-проституток» (О. Вандышева); «Есть проституция мужская, есть женская. Так вот Руцкой подводил меня под это самое своей поддаккой (Н. Варсегов); В прошлой Думе путан было не меньше, чем на Тверской. Целыми фракциями выставлялись (А. Туев); Меня не очень радует резкий рост рядов «Единства». Некоторые оделись в наши одежды и ведут себя, извините, как дорожные проститутки: кто заплатит, с тем и поехали (С. Шойгу).

Отметим, что Сергей Шойгу оказался едва ли не единственным политиков, который, выступая на учредительном съезде партии «Единство», хотя бы извинился за использование сексуальной метафоры на столь представительном форуме. Далее министр разъяснил смысл обрата: многие политики присоединились к «медведям» не из идейных, а из карьеристских или иных корыстных побуждений. Подобные люди вызывают такое же презрение, как и представители упомянутой древнейшей профессии.

5. Фрейм «Неспособность к сексуальной жизни, лишение способности к сексуальной жизни».

Слот 5.1. Лишение способности к сексуальной жизни

Типовые для рассматриваемого слота концепты (*кастрация, членовредительство и т.п.*) в метафорическом значении характеризуют лишение естественных свойств, социального могущества, возможностей для полной самореализации. Ср.: *Дабы не превращаться в Северную Корею или Кубу, в Кремле было решено слегка кастрировать демократию*.

тию, назвав ее управляемой (Б. Немцов); Президент был согласен на мягкий вариант, но депутаты, вопреки здравому смыслу и политической философии, сами себе отрубили яйца, не понимая, что без этого они никому не нужны (Е. Строев); Народ-мерин, прошедший кастрацию НТВ, впягается в непосильную колымагу и тупо везет, роняя кровавую слюну (А. Проханов).

Слот 5.2. Отсутствие способности к сексуальной жизни.

В данном случае дается метафорическая оценка изначальной (или приобретенной без внешнего вмешательства) неспособности к естественным и необходимым действиям. Ср.: *Если Масхадов все это делать не хочет – у него развивается политическая импотенция* – то мы ему поможем (А. Архангельский); Примаков так прямо и сказал, что задуманная правительством *стерилизация* превратит нас в евнухов. Пришлось ему объяснить, что стерилизация – обычный экономический термин (А. Кудрин). В условиях тотальной *импотенции* Рушайло один из тех, кто способен на резкие действия (А. Хинштейн).

Подобные метафоры позволяют представить соответствующий объект как лишенный необходимых свойств, неполноценный, несчастный, достойный сочувствия (а в случаях самокастрии – еще и поразительно глупый).

6. Фрейм «Супружеская жизнь».

Слот 6.1. Сватовство, свадьба и медовый месяц.

В рассмотренных материалах абсолютное большинство контекстов ориентированы на образное представление союза страны и ее официального лидера (или союза региона и его главы). Президентские выборы могут метафорически представляться как обручение, время до официального вступления вновь избранного президента в должность – как подготовка к свадьбе, вновь избранный президент и страна – как жених и невеста, инаугурация – как вступление в брак, а последующий период – как медовый месяц. Предложение занять важный государственный пост в нашей стране нередко называется «сватанье» или «сватовство». Как вступление в брак и начало совместной семейной жизни может образно представляться также утверждение и первый период работы нового правительства. Ср.: *Стольник* – это особая дата для политиков. Считается, что именно столько длится «медовый месяц» – период, когда избиратели-невесты искренне очарован своим вождем-женихом. Ну, а после, мол, начинается нормальная супружеская жизнь... Но об одном результате предмедового месяца В. В. Путина мы можем говорить уже сейчас (М. Ростовский); Венчаясь с Россией, Путин забирает в свадебное путешествие и кладет между собой и невестой смердящий труп, с оскaledенным ртом, с выпученными червивыми глазами (А. Про-

ханов); Медовый месяц между правительством и народом начался с попытки изнасилования (Б. Немцов).

Женихам, отвергнутым страной в целом, нередко предлагают «кругу и сердце» невесты из провинции. Ср.: Продолжается сватанье варягов и всяческих федеральных знаменитостей на губернское правление. Уже начинается сватовство и на следующий год: к мартающим выборам уже готовится бывший министр экономики Андрей Нечаев (П. Акопов).

Бракосочетание со всеми его атрибутами может состояться также между государствами и даже между экономикой России и зарубежными инвесторами. Ср.: Цзян Дэминь сделал Путину предложение, от которого невозможно отказаться: а именно юридически оформить брак с Россией (А. Гамов); Экономику республики можно сравнять с богатой невестой, которая ждет женихов с инвестициями, но может и не дождаться (Н. Степанов).

Слот 6.2. Развод.

Политическая жизнь не менее сложна, чем семейная, а поэтому в ней случаются и разводы. Ср.: Еще с лета 1990 г. Россия начала переговорный процесс с другими союзными республиками о «мирном разводе» (Ф. Шелов-Ковердяев); Развод. Путин расходится с ельцинским окружением (С. Бабаева, Г. Бовт). В блоке «Отечество – Вся Россия» дело идет к разводу. Стороны, похоже, не сошлись характерами (К. Винников).

Заканчивая рассмотрение закономерностей использования сексуальной метафоры в политических текстах, выделим несколько типовых приемов поддержки «сексуального напряжения» текста.

Во-первых, некоторые политики и журналисты злоупотребляют двусмысленными фразами. Многозначные выражения с сексуальным подтекстом всегда считались крайне неприличными в политической речи, но, видимо, моральные нормы в последние годы стали значительно мягче. Например, журналист так рассказывает о заседании Государственной Думы: «Депутат Шандыбин прямо из зала заорал, почему Слиска ему не дает, на что отвыкшая от молчания главная спикерша ответила, что кому хочу, тому и даю» (Н. Шипицына). Позднее некоторые депутаты требовали от Василия Шандыбина извинений, но коммунист категорически отказался признать свое поведение непристойным. Впрочем, удивляет и речевая манера вице-спикера Государственной Думы Любови Слиска. Ср. также: Спор Старовойтовой с Яelinским закончился фразой: «С дамой я предпочел бы заняться делом более приятным» (И. Боброва).

Во-вторых, некоторые журналисты и читатели стремятся найти сексуальный подтекст даже в тех случаях, когда автор на него, скорее всего, не рассчитывал: это относится, в частности, и к высказываниям Виктора Черномырдина: «Вечно у нас стоит не то, что нужно»; «Не кто под кем, а все мы здесь депутаты», а также к загадочному признанию саратовского губернатора Д. Аяцкова: «Я завидую Монике Левински».

Возможно, сюда же следует отнести использование в политических текстах грубо-просторечных названий некоторых частей тела. Ср.: Всетаки удивительно: как мы все ухитряемся привыкнуть жить в возу сена, с интересом наблюдая процесс горения серных спичек в непосредственной близости от собственной задницы (О. Романова); Доренко погрозился «надрать задницу» врагам (Н. Бокрина); Его [Чубайса] рыжий е...льник, ежедневно мелькающий на TV, надоели всем смертельно (Э. Лимонов).

Как отмечает В.Н. Шапошников, в современной прессе «степень низости слов мало знает эстетических и этических пределов, поэтому используется все... На создавшемся фоне частичные отточия и укороченные буквенные комплексы (зас-цы, ж..., чернож..., поср...ть)глядятся как акты целомудрия» [5, с. 224].

Рассмотренные материалы показывают, что сексуальная метафора в последние годы действительно превратилась в одну из ярких примет русской политической речи. Все более детальной становится структурированность исходной понятийной сферы: особенно это относится к фреймам «Сексуальные извращения», «Сексуальное насилие», «Продажная любовь», «Неспособность к полноценной сексуальной жизни», а также «Супружество». Вполне возможно, что здесь действует рассмотренная Ст. Ульманном закономерность: источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес.

Наблюдения показывают, что сексуальные метафоры в современной политической речи, как правило, имеют пейоративную нагрузку и одновременно помогают выразить отношение к моральной распущенности, противоположности существующего положения дел, к забвению фундаментальных для русского народа нравственных ценностей.

Вместе с тем злоупотребление сексуальными метафорами часто демонстрирует пренебрежение автора к существующим в национальном сознании моральным преградам, традициям и правилам культуры речи. Отечественные СМИ в течение многих десятилетий обходились без сексуальной метафоры, и это надо отнести к одному из немногих достоинств существования цензуры. К сожалению, отмена внешнего надзора